

Тем, что эта книга дошла до Вас, мы обязаны в первую очередь библиотекарям, которые долгие годы бережно хранили её. Сотрудники Google оцифровали её в рамках проекта, цель которого – сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Эта книга находится в общественном достоянии. В общих чертах, юридически, книга передаётся в общественное достояние, когда истекает срок действия имущественных авторских прав на неё, а также если правообладатель сам передал её в общественное достояние или не заявил на неё авторских прав. Такие книги – это ключ к прошлому, к сокровищам нашей истории и культуры, и к знаниям, которые зачастую нигде больше не найдёшь.

В этой цифровой копии мы оставили без изменений все рукописные пометки, которые были в оригинальном издании. Пускай они будут напоминанием о всех тех руках, через которые прошла эта книга – автора, издателя, библиотекаря и предыдущих читателей – чтобы наконец попасть в Ваши.

Правила пользования

Мы гордимся нашим сотрудничеством с библиотеками, в рамках которого мы оцифровываем книги в общественном достоянии и делаем их доступными для всех. Эти книги принадлежат всему человечеству, а мы – лишь их хранители. Тем не менее, оцифровка книг и поддержка этого проекта стоят немало, и поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые меры, чтобы предотвратить коммерческое использование этих книг. Одна из них – это технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас:

- **Не использовать файлы в коммерческих целях.** Мы разработали программу Поиска по книгам Google для всех пользователей, поэтому, пожалуйста, используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- **Не отправлять автоматические запросы.** Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого рода. Если Вам требуется доступ к большим объёмам текстов для исследований в области машинного перевода, оптического распознавания текста, или в других похожих целях, свяжитесь с нами. Для этих целей мы настоятельно рекомендуем использовать исключительно материалы в общественном достоянии.
- **Не удалять логотипы и другие атрибуты Google из файлов.** Изображения в каждом файле помечены логотипами Google для того, чтобы рассказать читателям о нашем проекте и помочь им найти дополнительные материалы. Не удаляйте их.
- **Соблюдать законы Вашей и других стран.** В конечном итоге, именно Вы несёте полную ответственность за Ваши действия – поэтому, пожалуйста, убедитесь, что Вы не нарушаете соответствующие законы Вашей или других стран. Имейте в виду, что даже если книга более не находится под защитой авторских прав в США, то это ещё совсем не значит, что её можно распространять в других странах. К сожалению, законодательство в сфере интеллектуальной собственности очень разнообразно, и не существует универсального способа определить, как разрешено использовать книгу в конкретной стране. Не рассчитывайте на то, что если книга появилась в поиске по книгам Google, то её можно использовать где и как угодно. Наказание за нарушение авторских прав может оказаться очень серьёзным.

О программе

Наша миссия – организовать информацию во всём мире и сделать её доступной и полезной для всех. Поиск по книгам Google помогает пользователям найти книги со всего света, а авторам и издателям – новых читателей. Чтобы произвести поиск по этой книге в полнотекстовом режиме, откройте страницу <http://books.google.com>.

Patriarkh Nikon

Mikhail Avraamovich Filippov

T ~~4883~~
899

~~20~~
90
21

THE PENNSYLVANIA STATE
UNIVERSITY LIBRARIES

11/17/70
11/17/70

St. 111 id

Digitized by Google

2899

ПРИЛОЖЕНИЕ РОМАНОВЪ КЪ ГАЗЕТЪ „СВѢТЪ“.

АВГУСТЪ. КНИГА 8-я 1885 г.

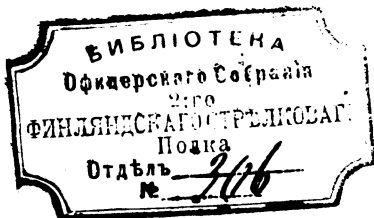
Filippon

Patriarkh Nikon /

ПАТРИАРХЪ НИЖОНЪ

историческій романъ

М. А. ФИЛИППОВА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. В. Комарова, Фонтанка, 74.

1885.

XXXII

Первые раскольниковы страстотерпцы.

Рождественный праздник 1666 г. прошел для царя Алексѣя Михайловича не радостнымъ. Обыкновенно то онъ всегда проводилъ его въ семейномъ кругу; но если позволялъ себѣ что-либо, такъ это устройство борьбы звѣрей межъ собою, или бой съ звѣрями ловчихъ на Москвѣ-рѣкѣ. И теперь, чтобы заглушить злыя думы, тревожившія его по случаю изложенія и ссылки Никона, онъ велѣлъ л о в ч е м у п у т и, т.-е. администраціи охоты, устроить поѣздку.

Медвѣжья охота была любимѣйшею потѣхою царя. Медвѣди, смотря по выдрессировкѣ назывались: дворными, гончими, ступными, спускными и дикими. Привезли изъ Мезени, года два передъ тѣмъ, и бѣлыхъ медвѣдей.

Спускали медвѣдей на травлю съ другими звѣрями, травили ихъ собаками—борзыми, медеянскими и британскими, и съ ними же вступали въ бой ловчіе. Поводари же медвѣдей выдѣлывали разныя комедійныя дѣйствія съ дрессированными животными.

Травли происходили во дворцѣ, на нижнемъ подѣ горою и на заднемъ дворѣ или на старомъ Цареборисовскомъ дворѣ, близъ палатъ патріарха; тоже—на Старомъ Ваганьковѣ, гдѣ теперь публичный музей, и на Новомъ Ваганьковѣ, на трехъ горахъ.

Зимою же или на масляницу устраивалась потѣха на

Москвѣ-рѣкѣ чтобы весь городъ могъ любоваться зрѣлищемъ.

При строгомъ пуританизмѣ тогдашняго правительства, запрещавшаго пляски, пѣсни, свѣтскую музыку, игрища и гульбища, очевидно, что всякое зрѣлище возбуждало большое любопытство и привлекало массу народа.

Признаками такихъ потѣхъ обыкновенно было очищеніе и выравниваніе мѣстности на льду Москвы-рѣки, устройство изгороди для травли и приготовленіе деревянныхъ скамеекъ для народа, особой ложи для царя и особаго павильона для звѣрей и собакъ.

Москва знала всѣхъ ловчихъ по именамъ, да и большинство собакъ было имъ извѣстно.

И вотъ въ день, назначенный для потѣхи, еще съ утра, народъ сталъ собираться на Москву-рѣку, чтобы занять мѣсто поудобнѣе для зрѣлища.

Звѣри въ то время содержались во Львинномъ дворѣ, у китай-городской стѣны, гдѣ теперь присутственные мѣста; тоже Яма (въ послѣдствіи долговая тюрьма) была мѣстопробываніемъ звѣрей

Знаменитыми въ это время ловчими были: Ябединъ, Теряевъ, Головцынъ и Невѣровъ, также Никифоръ и Яковъ Озорные, сыновья Богдана Озорнаго, тѣшившаго еще царя Михаила Федоровича.

Въ день, назначенный для потѣхи, морозъ былъ силенъ и звѣри, а также собаки, привезенныя на Москву-рѣку, жалась отъ холода; а ловчіе, одѣтые въ крытые сукномъ полушубки, только постукивали ногами и руками, чтобы не иззябнуть до царскаго приѣзда.

Матушка-Москва стала съжгаться: были здѣсь и открытыя сани, и возки, и въ нихъ виднѣлись или аргамаки, или бахматы. Москва, всегда любившая и цѣнившая лошадей, разсматривала ихъ какъ знатокъ и относилась къ нимъ критически.

— Вишь ты,—говорилъ какой-то приказчикъ другому:— у гостя то Шорина, какіе бахматы, точно братья родные.

— Да, дюже откормленные,—отвѣчалъ его товарищъ.

— А Стрѣшнева-то, Родивона Матвѣевича, вонъ-тотъ жеребчикъ, тонкошейный, тонконогій, сѣрый въ яблокахъ, а морда сухая, жилистая, головка малая... такъ бы разцѣловаль, — воскликнулъ первый: — И одежда, гляди, на немъ точно царская: золотая парча, да каменья самоцвѣтныя.

— Царской-то казны ему что-ли стать жалѣть, — усмѣхнулся его товарищъ.

— А вотъ, гляди, точно царь ѣдетъ, — крикнулъ мальчикъ, указывая по направленію къ Кремлю.

— Точно онъ, батюшка-то нашъ соколикъ, — умилился стоявшій здѣсь старикъ мастеровой и, снявъ шапку, онъ стиснулъ ее подъ мышками и сталъ подыматься на цыпочки, чтобы лучше разглядѣть показавшійся на противоположномъ берегу царскій поѣздъ.

Царскій поѣздъ былъ довольно длиненъ: впереди шли скороходы, потомъ столыники, дворцовая стража, за ними ѣхали сани царя, запряженные шестеркою бѣлыхъ бахматовъ, въ драгоценныхъ парчевыхъ одеждахъ, (подъ уздцы велъ ихъ конюшенный штатъ), за царскими санями — царевны и царевичи въ крытыхъ возкахъ, за ними, верхомъ, бояре, окольнічи, воеводы, думные дворяне и весь остальной придворный штатъ.

Дорога изъ Кремля была проложена по Москвѣ-рѣкѣ до мѣста зрѣлища, и народъ по обѣ стороны ужъ ждалъ поѣзда. Царь кланялся народу на обѣ стороны, а народъ падалъ ницъ и пѣлъ «многая лѣта».

У павильона царя встрѣтилъ Ордынъ-Нащокинъ, Матвѣевъ, Хитрово и ловчій Матюшкинъ.

Царь съ царицею, царевнами и царевичемъ сѣли въ особую ложу; бояре и дворъ расположились на изготовленный имъ мѣста. Ихъ окружили цѣпью охотниковъ съ мушкетами, пистолетами и рогатинами, здѣсь же имѣлись на сворахъ борзые и меделянскія собаки. Это была предосторожность на тотъ случай, если бы звѣрь бросился внѣ арены на зрителей.

Началось зрѣлище. Бѣлый медвѣдь долженъ былъ вступить въ борьбу съ тремя простыми медвѣдами.

Матюшкинъ далъ знакъ, и медвѣжьи поводари вывели трехъ дикихъ черныхъ медвѣдей и, впустивъ ихъ въ арену, сняли съ нихъ намордники и сами перескочили обратно по сію сторону арены.

Медвѣди, почувствовавъ себя на свободѣ, завыли, разминали кости и видя, что они въ сообществѣ лишь своей братіи, начали обнюхивать другъ друга и вскорѣ освоились.

Когда это было достигнуто, Матюшкинъ велѣлъ выпустить бѣлаго медвѣдя «Богатыря».

Богатырь прямо выпущенъ изъ клѣтки. Бѣлый какъ снѣгъ, косматый, съ черными глазами и красною пастью,—это чудовище, появившись на аренѣ, подняло голову въ верхъ, какъ собака, и злоѣще зарычало и завыло.

Черные медвѣди сразу струсили, поглядѣли въ ту сторону, гдѣ показался звѣрь, жались другъ къ другу и зарычали, ослабивъ зубы.

Бѣлый медвѣдь легъ на брюхо и вызывающе завылъ и зарычалъ.

Черные медвѣди разсвирѣпѣли и, одинъ за другимъ поднявшись на заднія лапы, пошли на него.

«Богатырь», допустивъ, шедшаго на него съ рычаніемъ, перваго медвѣдя на довольно близкое разстояніе, вдругъ вскочилъ, поднялся тоже на заднія лапы, пошелъ на него, ударилъ его стремительно обѣими лапами по головѣ и схватилъ зубами за горло.

Черный медвѣдь пошатнулся и упалъ навзничъ. «Богатырь» насѣлъ на него и перегрызъ ему горло. Но два другихъ медвѣдя приблизились въ свою очередь и налегли сверху на «Богатыря», грызя и разрывая ему спину когтями. Почувствовавъ страшную боль въ спинѣ, бѣлый медвѣдь бросилъ нижнюю жертву и сдѣлалъ отчаянное движеніе, упершись обѣ землю лапами. Отъ этого движенія оба медвѣдя очутились на его мѣстѣ, а онъ, съ воемъ и рычаніемъ, выскочилъ изъ-подъ нихъ. Медвѣди, разсвирѣпѣвъ, не поняли въ чемъ дѣло и, чувствуя подъ собою свѣжее

тѣло и чуя кровь, налегли на убитаго своего товарища и рвали его на части.

Поглядѣвъ съ полминуты на эту рычащую, движущуюся кучу, «Богатырь» вновь пришелъ въ ярость, тѣмъ болѣе, что въ спинѣ и въ тѣлѣ его слышалась ужасная боль, и вотъ онъ стремглавъ бросается на эту кучу и начинаетъ ее рвать когтями и зубами... Не проходитъ и получаса, какъ онъ обращаетъ трехъ медвѣдей въ груды костей, мяса и крови...

Измученный и разсвирѣпѣвшій до лютости, онъ садится на брюхо, какъ песъ, и, съ высунувшимся кровавымъ языкомъ, воетъ жалобно, хотя и побѣдоносно.

— Велишь, великій государь, и его порѣшить, — обращается съ вопросомъ Матюшкинъ.

— Почему?

— Да потому, великій государь, что его таперь въ клѣтѣ не загопишь, а коли онъ отдохнетъ, такъ много бѣдъ учинить.

— Такъ ты вели его добить.

Матюшкинъ сдѣлалъ знакъ. Ловчіе выпустили на «Богатыря» свору меделянскихъ.

Неожиданное появленіе новыхъ враговъ озадачило «Богатыря»; онъ сначала поглядѣлъ на нихъ только презрительно и злобно застучалъ зубами, воображая, что этимъ онъ отдѣлается. Но когда собаки бросились на него и, атаковавъ со всѣхъ сторонъ, стали его грызть, онъ отъ боли разсвирѣпѣлъ и, подбѣжавъ къ барьеру, прислонился къ нему задомъ, причемъ лапами и пастью уничтожалъ враговъ.

Отъ удара его лапы псы падали замертво; а пастью своею онъ въ одинъ мигъ умерщвлялъ смѣльчаковъ.

На помощь собакамъ подоспѣлъ ловчій Никифоръ Озорной: онъ пошелъ по барьеру и, приблизившись на нѣсколько шаговъ къ бѣлому медвѣдю, изъ пистолета выстрѣлилъ ему въ ухо, и тотъ палецъ мертвый.

Послѣ этого пошли другія потѣхи: травили волковъ дрессированными собаками; хорьковъ и лисицъ борзыми, и потѣхи эти продолжались почти до самаго конца.

По окончаніи потѣхи, царь уѣхалъ во дворецъ, а народъ еще долго осматривалъ побоище и критиковалъ, то тотъ, то другой моментъ битвы.

Возвратясь домой, царь пообѣдалъ, причемъ онъ имѣлъ разговоръ о томъ, кого избрать въ патріархи. Онъ былъ въ затрудненіи. Кандидатовъ было четыре: Питиримъ, Павелъ, Иларіонъ и Іоасафъ, — но, ни одинъ изъ нихъ не представлялъ того типа патріарха, какой создалъ ему Никонъ... Потолковали и разошлись. Чтобы разсѣяться, онъ велѣлъ позвать изъ темной подклѣтки одного изъ верховыхъ каликъ перехожихъ, чтобы онъ забавлялъ его пѣснями. Привели пѣвца Филиппова. Это былъ среднихъ лѣтъ парень, плотный и высокорослый, обладавшій замѣчательнымъ голосомъ и памятью. Игралъ онъ на домрѣ и пѣлъ духовныя пѣсни, былинныя и легенды духовнаго содержанія. Алексѣй Михайловичъ любилъ его слушать, въ особенности когда его терзали какія-нибудь тяжелыя думы.

— Спой, что ни на есть, Филиппушка, — сердце отведи, — встрѣтилъ его государь.

Настроилъ и приготовилъ Филипповъ свою домру, и запѣлъ объ Іоасафѣ царевичѣ:

Въ дальней во долину
Тамъ стояла мать прекрасная пустыня;
Приходилъ-ли во пустыню
Младой царевичъ Іоасафъ:
„Любезная моя мати,
Прекрасная мать пустыня!
Пріемли меня во пустыню,
Отъ юности прелестныя;
Научи меня, мать пустыня,
Какъ Божью волю творити;
Достави меня, мать пустыня
Ко своему ко небесному царствію...

Заслушался царь этой легенды и когда Филипповъ пропѣлъ послѣдніе его стихи:

Усъ ангелы возрадовалися,
И архангелы съудесалися
Премладому его смыслу,

Превеликому его разуму.
 А мы запоемъ аллилуія, аллилуія,
 О, слава тебѣ Христе, Боже нашъ!—

царь поднялся съ мѣста и пошелъ въ теремъ.

— А я къ тебѣ, сестрица, душу отвести,—сказалъ онъ, входя къ царевнѣ Татьянѣ.

— Я собираюсь въ Алексѣевскій монастырь... одна черница больна, нужно навѣстить.

— Не поздно-ли?

— Лучше поздно; днемъ такъ и глядятъ всѣ, куда ѣдешь. Тамъ меня ждуть.

— Я не долго у тебя сидѣть буду... Нужно выбрать патриарха, а кого не знаемъ: Питиримъ...

— Глупъ и грамоты не знаетъ,—вставила царевна.

— Павелъ Крутицкій...

— Вотъ-то будетъ патриархъ!.. Ему бы бабою быть, а не святителемъ...

— Иларіонъ Рязанскій?..

— Мужикъ мужикомъ; ему бы косу, аль серпъ, да въ поле.

— А что скажешь объ Іоасафѣ Тверскомъ...

— Этотъ, по крайности, благообразенъ, хоша не палата ума, да таперь оно и не нужно: пушай только не портить Никоновой работы.

— Видишь, позвалъ я Филиппова домрачея и просилъ спѣть стихъ, причемъ думалъ: кого онъ назоветъ въ стихѣ изъ четырехъ святителей, значить, того и самъ Богъ хочетъ... А онъ и запой объ Іоасафѣ царевичѣ...

— Да коли ужъ выбирать въ патриархи опосля Никона, такъ, по правдѣ, нѣтъ ни одного; но коли его низложили, такъ не подобаетъ церкви вдовствовать... Гляди, братецъ, ты вотъ, по слову царицы и Морозова, простилъ Θεодосія Морозовой, а та снова свое поетъ: плюетъ на наши образа и на наши кресты, бранить Никона антихристомъ, а насъ зоветъ еретиками, латинниками... Всюду она вопіетъ: «Наши-ль святыхъ Аввакума, Даніила, Епифанія, Θεодора со-слава, истязаютъ; а таперь сами нашли, что Никонъ-де латинянинъ, да антихристъ...»

— Такъ чтожь ты думаешь?

— Да такъ: нужно вызвать ея святыхъ къ собору, пу-
щай восточные патріархи съ ними прю ведутъ...

— Умница ты моя, вызову ихъ сюда... Но тебѣ ѣхать
надоть, поѣзжай.

Царевна одѣлась, взяла съ собою одну изъ придворныхъ
боярынь, простилась съ братомъ и уѣхала.

Въ Алексѣевскомъ монастырѣ игуменья, какъ видно,
ожидала ее: она встрѣтила царевну у воротъ.

Царевна поцѣловалась съ нею и произнесла взволно-
ваннымъ голосомъ:

— Отчего мнѣ только теперъ дали знать, что мама Ната
сильно больна?

— Она нѣсколько часовъ только какъ пришла въ себя и
велѣла дать знать тебѣ, царевна.

— Что же съ нею случилось?

— Говорять, ее переѣхали на улицѣ... Къ намъ въ мо-
настырь привезли ее добрые люди... Это было 13 декабря...
Она была безъ памяти, вся въ крови, ноги, руки и голова
повреждены... Что могли, то мы дѣлали, и вотъ, милостивая
царевна, теперъ она пришла въ себя.

— Можно ее видѣть?

— Можно, можно... я провожу тебя въ ея келью...

Игуменья ввела царевну въ маленькую келью. Мама
Ната лежала на мягкой и хорошей постели, въ углу вид-
нѣлась икона, и тамъ теплилась ярко лампадка.

Царевна сбросила шубу и подошла къ кровати. Ино-
киня какъ будто дремала. Царевна взяла ее за руку.

— Это ты, царевна... какъ я рада... я знала, что при-
дешь,—слабымъ голосомъ произнесла больная.

— Что съ тобою случилось?..

— Потомъ скажу...

Игуменья, видя, что она лишняя, вышла.

— Говори, ради Бога, мама Ната, что за бѣда приклю-
чилась...

— Когда его увозили... я хотѣла свернуть сани къ на-
роду... схватила за узду коренныхъ... Стрѣлецъ ударилъ

меня по головѣ, я упала подь лошадей... дальше не помню... Помню только, что онъ узналъ меня и крикнулъ: поклонись...

— Такъ онъ не забылъ меня?

— Какъ же и забыть-то свою благодѣтельницу... добро и зло помнятся... Погляди меня царевна... вели свѣчу принести... хочу знать, цѣлы-ли руки... ноги...

Царевна выглянула въ дверь. Служка монастырская ожидала у двери келіи приказаній. Царевна велѣла принести огонь.

Вскорѣ появились въ келіи свѣчи. Какъ ни была мама Натя слаба, но просила служку развязать различные бинты на рукахъ и ногахъ. Оказалось, что у нея имѣлись раны и ушибы, но переломовъ костей не было. Послѣ осмотра служка вышла.

— Я тебя, царевна, не видѣла послѣ собора,—сказала инокиня:— а потому не знаю, кто это такъ озлобилъ царя противъ Никона.

— Да все этотъ Ордынъ-Нащокинъ... Точно такъ, какъ Матвѣевъ и Морозовъ, онъ требуетъ ввести у насъ западные обычаи; а Никонъ противъ этого. Рассказываютъ они царю: Какъ-де Никита Ивановичъ Романовъ, мой дѣдушка, сшилъ было для прислуги своей заграничную нѣмецкую одежду, такъ Никонъ-де послалъ за нею съ наказомъ сказать: «Хочетъ-де патріархъ и своимъ людямъ спать такую». А какъ принесли къ нему, такъ онъ велѣлъ изрѣзать одежду. Потомъ, увидѣвъ Никиту Ивановича, онъ сказалъ: «Не въ одеждѣ просвѣщеніе, а въ ученіи», да и заплатилъ ему за одежду. Нащокинъ это знаетъ, такъ и Никонъ ему не угоденъ. Къ тому же, Нащокинъ хочетъ быть одинъ: и миръ-то заключить одному, да потомъ и въ государевыхъ дѣлахъ быть одному. Но тому не быть: мы съ Анною да Петровною Хитрово залучимъ къ себѣ племянника ея, Богдана, тогда и ссадимъ Нащокина.

— Не можешь представить себѣ, царевна, какъ я рада,—прервала инокиня Татьяну Михайловну:— что перелома костей у меня нѣтути; а раны, тѣ заживутъ... Мнѣ руки и

ноги теперь нужны... нужны для дѣла: боярамъ мое вѣчное мщеніе. . Тогда лишь успокоюсь, когда...

— И я клянусь имъ вѣчно мстить: коли можно будетъ имъ напакостить, такъ напакую... А коли придетъ время стать за земство, за чернь, за народъ,—такъ я ни денегъ, ни жизни не пожалѣю.. Они и погубили Никона: зачѣмъ-де онъ былъ противъ боярства и воеводъ... зачѣмъ стоялъ за черную землю и чернь... Теперь ужъ и Милославскіе и Морозовъ за черную землю... Остальные бояре стоятъ за боярство: вотъ и низложили они Никона.

— Не знаю какъ ты, царевна, а мнѣ нужно выздороувѣтъ, подняться на ноги и кара будетъ не за горами... Скоро съ небесъ загремитъ для нихъ труба страшнаго суда.

Инокія поднялась на кровати, устремила блестящій взоръ свой въ даль и произнесла пророчески:

— Вижу я висѣлицы и плахи отъ Астрахани до Казани... Всюду трупы боярскіе и воеводскіе висятъ, и вороны ихъ разбираютъ, а смрадъ ихъ душитъ... душитъ меня... И въ Малороссіи трупы ихъ гниютъ всюду и по городамъ, и по селамъ,—и съ этими словами она упала безъ чувствъ.

— Мама Натя, успокойся,—и царевна испуганно потребовала воды.

Вбѣжали служки и игуменья. Всѣ усилія ихъ привести ту въ чувства оказались тщетными: инокинѣ бредила и металась на кровати.

Царевна поторопилась во дворецъ и послала въ монастырь одного изъ царскихъ врачей.

На другой день дали знать царевнѣ, что инокинѣ легче.

Царевна послала отслужить молебень.

Вскорѣ послѣ того совершился обрядъ избранія и поставленія патріарха: избранъ былъ Иоасафъ, подъ именемъ Иоасафа II.

Послѣ его избранія, соборъ тотчасъ осуществилъ мѣры Никона: монастырскій приказъ уничтоженъ и отмѣнено правило, что сектанты-христіане обязаны при приѣмѣ православія вновь креститься. За то, отдѣливъ свѣтскую власть

отъ духовной, соборъ сталъ разграничивать и подсудность нѣкоторыхъ дѣлъ, причемъ дѣла вѣры передалъ вѣдѣнію уголовнаго свѣтскаго суда. Этимъ введены у насъ инквизиціонныя начала, что озлобило раскольниковъ и повело лишь къ развитію, а не къ уменьшенію раскола.

Это и Никонъ предвидѣлъ, и поэтому-то онъ такъ и возставалъ противъ вмѣшательства свѣтской власти въ дѣла церкви; но его не поняли современники и, къ стыду нашему, и потомство, которое, по невѣжеству своему, видитъ въ его низложеніи какое-то торжество свѣтской власти надъ духовною, между тѣмъ какъ въ этомъ низложеніи видно лишь торжество грубой силы и фанатизма противъ началъ любви и братства. Самая же борьба вовсе не была изъ-за власти, а изъ-за принциповъ: Никонъ стоялъ за свободу вѣры и независимость церкви, бояре — за подчиненіе ее не столько государству, какъ боярству. Последнее вскорѣ дало достойные плоды.

На соборъ вытребованы изъ Панфунтѣевскаго Боровскаго монастыря расколоучитель Аввакумъ, Лазарь, Епифаній и Федоръ.

Когда ихъ привезли въ Москву, они всюду рассказывали, что исцѣляли больныхъ, изгоняли бѣсовъ. Въ особенности Аввакумъ повѣствовалъ о разныхъ видѣніяхъ и пророчествахъ, и многіе изъ приходящихъ къ нимъ увѣровали въ него и въ его товарищей, какъ въ святыхъ и Божіихъ подвижниковъ.

По прибытіи же въ Москву, узнавъ подробности собора, низложившаго Никона, и услышавъ, какъ онъ укорялъ въ латинствѣ и патріарховъ, — Аввакумъ возрадовался и готовился съ своими сподвижниками дать рѣшительную битву и никоньянамъ, и восточнымъ патріархамъ.

Привезли расколоучителей на соборъ.

Предсѣдательствовалъ новый патріархъ Іоасафъ, въ присутствіи двухъ восточныхъ патріарховъ.

Когда ввели расколоучителей, они по обычаю должны были пасть ницъ и поклониться архіереямъ, но они этого

не сдѣлали, а только двуперстно перекрестились въ сторону, а не къ инокамъ.

Начались разспросы, споры, пренія, убѣжденія, но на все былъ одинъ отвѣтъ расколоучителей:

— Все новшество, еретичество и латинство. Исправленіе книгъ неправильно. По старымъ книгамъ молились и служили святые митрополиты Петръ и Филиппъ, многіе святые, великіе чудотворцы Зосима и Савватій, и многіе иные... и если они достигли спасенія по этимъ книгамъ, то иныхъ не нужно.

Греческія же книги, на которыя ссылался соборъ, они называли еретичными, а восточныхъ патріарховъ обозвали еретиками-латинянами, какъ равно всю церковь никоновскую... Церкви наши называли храминами, наши иконы—идолами, а нашихъ святителей—языческими жрецами.

Соборъ проклялъ ихъ, осудилъ ихъ ученіе и отправилъ въ земскую избу для преданія ихъ суду за оскорбленіе церкви и всего собора.

Уголовный судъ присудилъ ихъ: за двуперстное знаменіе—къ отсѣченію правой руки, а за руганіе церкви—лишенію языка...

— Любо намъ пострадать за Христа и за церковь,—воскликнули расколоучители, когда имъ объявили приговоръ.

На другой день, вся Москва поднялась и потекла къ лобному мѣсту, гдѣ на эшафотѣ заплечный мастеръ долженъ былъ совершить казнь.

Но многіе въ столицѣ вознегодовали, узнавъ о вмѣшательствѣ свѣтскаго суда въ дѣла вѣры.

— Да это латинство! еретичество!

— Не слѣдъ допустить такого позора!

— Отколь Москва стоитъ не было такой обиды!

Нашлись люди сильные, могучіе, богатые, да, кажись, и самъ царь былъ замѣшанъ въ дѣло: подкупили палача, чтобы онъ принесъ мертвыя руки и совершилъ бы мнимое отсѣченіе рукъ, а языки чтобы палачъ только ущемилъ не много до крови...

Но народъ этого не зналъ. Въ день казни онъ наводнилъ лобное мѣсто, волновался и шумѣлъ:

— Вишь, за вѣру отцовъ, за древнее благочестіе страдаютъ,—ворчали одни.

— Коли они казнь пріемлютъ за свои иконы, за свои книги и кресты, значить и впрямъ то истина, что они баюють,—слышались голоса.

Но вотъ выводятъ на плаху Аввакума и его сообщниковъ.

Надъ Аввакумомъ должна совершиться первая казнь: онъ кланяется народу во всѣ стороны и кричитъ зычнымъ голосомъ:

— Любо мнѣ пострадать за Христа и за церковь,—и при этомъ, перекрестя себя и народъ двуперстно, кладетъ эту руку на плаху.

Послѣ того ему рвутъ языкъ.

Сподвижники его тоже самое кричатъ народу и мужественно подвергаются казни.

Народъ становится мраченъ, двуперстно крестится и расходится въ страшномъ негодованіи.

Изъ земской избы увозятъ расколоучителей въ Пустозерскую обитель у Ледовитаго моря.

Не проходитъ и мѣсяца, какъ оттуда приходятъ вѣсти:

— Святые-де страсотерпцы творять тамъ чудеса: безъ языка проповѣдуютъ, руки вновь поотрастали и творять они всякія чудеса: исцѣляютъ больныхъ, изгоняютъ бѣсовъ, видятъ и говорятъ съ ангелами и давно умершими...

Облетаетъ эта вѣсть всю Русь, паломники отправляются въ Пустозерскую обитель, подтверждаютъ справедливость чудесъ, и расколоученіе находитъ горячихъ, многочисленныхъ послѣдователей во всѣхъ слояхъ общества.

XXXIII.

Малороссійская смута.

На берегахъ Груни, въ Полтавской губерніи, виднѣется теперь маленькій городокъ Гадячъ. Во время малороссійскаго гетманства городокъ этотъ былъ одною изъ резиденцій гетмана, и поэтому на берегахъ Груни высился деревянный дворецъ, имѣвшій большой фруктовый садъ и паркъ. Здѣсь-то поселился Брюховецкій, бояринъ-гетманъ, когда послѣ раздѣла между Россіею и Польшею Малороссіи: первой достался восточный, и второй западный берегъ Днѣпра. Въ Малороссіи въ это время появилось, такимъ образомъ, два гетмана: русскій, Брюховецкій, сидѣлъ въ Гадячѣ; польскій, Дорошенко, — въ Чигиринѣ.

Кіевъ былъ тоже уступленъ полякамъ, но русскіе медлили его сдавать; а потому митрополитъ Іосифъ Тукальской жилъ не въ этомъ городѣ.

Въ такомъ положеніи были дѣла въ Малороссіи, когда послѣ низложенія Никона и собора противъ раскольниковъ, епископъ Меѳодій, блюститель кіевскаго митрополичьяго престола, выѣхалъ изъ Москвы.

Москва между тѣмъ не была довольна Брюховецкимъ: онъ обѣщался, что Малороссія будетъ уплачивать исправно всѣ подати и сборы, и что народъ самъ, будто бы, пригласилъ къ себѣ всѣхъ воеводъ, а тутъ, какъ нарочно, народъ не только не платилъ сборовъ, но и воеводы встрѣчались крайне враждебно.

Зная это, Брюховецкій вообразилъ, что старый другъ его епископъ Меѳодій, разсердившись на него за его боярство и за статьи, имъ подписанныя въ Москвѣ, вѣроятно наговорилъ на него что-нибудь теперь царю и ѣдетъ съ какими-нибудь злыми наказами.

Въ такомъ раздуміи отправилъ онъ нѣсколько казаковъ въ Смѣлу, которая принадлежала тогда Кіевопечерской лаврѣ

и гдѣ пребывалъ въ то время игуменъ монастыря Иннокентій Гизель.

Иннокентій не былъ расположенъ къ Брюховецкому, да и тотъ не особенно-то и жаловалъ его. Не поѣхалъ бы онъ къ нему, потому-что жилъ на польской сторонѣ, но ночью къ нему явились казаки и такъ напугали его, что онъ, волею неволею, а долженъ былъ подчиниться и выѣхать въ Гадячъ.

Брюховецкій встрѣтилъ Иннокентія со всѣми подобающими почестями, ввелъ его подъ руку въ свои хоромы, усадилъ подъ образа на самомъ почетномъ мѣстѣ.

Иннокентій началъ жаловаться на обиды, какія казаки дѣлаютъ въ земляхъ монастырскихъ, и гетманъ обѣщался разобрать эти дѣла; потомъ онъ перешелъ къ тому, что Мееодій-де ѣдетъ изъ Москвы, и такъ-какъ онъ, Иннокентій, въ хорошихъ съ нимъ отношеніяхъ, то чтобы уговорилъ его помириться съ нимъ.

Послѣ того, угостивъ архимандрита, онъ отпустилъ его съ дарами.

Въ ту же самую ночь Брюховецкаго разбудили:

— Кто-сь прихавъ, — сказалъ прислуживавшій ему карликъ Лучко.

— Пойди да узнай, хлопчикъ...

Карликъ побѣжалъ и, нѣсколько минутъ спустя, вернулся запыхавшись:

— Архіерей прихавъ, — крикнулъ онъ.

— Якій?

— Мееодій.

Брюховецкій поспѣшно одѣлся и вышелъ въ столовую, гдѣ ужъ его люди приняли епископа.

Гетманъ подошелъ подъ его благословеніе, но тотъ обнялъ и расцѣловалъ его:

— Кто старое вспомянетъ, тому глазъ вонъ, — сказалъ онъ: — Забудемъ вражду *).

— А ты, старый другъ, ужъ видѣлся съ Иннокентіемъ.

— Нѣтъ, я прямо изъ Москвы къ тебѣ...

*) Мы продолжаемъ разговоръ по русски, чтобы не пестрить чтенія.

— Такъ прежде, чѣмъ разговаривать, нужно ѣсть,—воскликнулъ гетманъ.

Онъ ударилъ въ ладоши; появилось нѣсколько служежъ.

— Сейчасъ дать все, что можно... И горилки... и меду и вина,—крикнулъ Иванъ Мартыновичъ.

Слуги ушли, и не болѣе минуты спустя, столъ былъ накрытъ, огни зажжены, и гость началъ утолять голодъ, причемъ и хозяинъ не забылъ подчивать и себя, то чаркою горилки, то порядочнымъ ковшикомъ стараго меду.

Когда гость насытился, гетманъ велѣлъ прислугѣ убрать со стола, только оставить питія, а самимъ удалиться.

Это быстро исполнено.

Когда они остались одни, гетманъ обратился къ Меѳодію:

— Что въ Москвѣ?...

— Да что тамъ можетъ быть хорошаго?... Попали мы съ тобою, Иванъ Мартыновичъ, какъ говорится, изъ кулъка да въ рогожку. Думали мы избавить сяляцкихъ пановъ,—думали, что Москва оставитъ наши вольности, будетъ насъ защищать, а тутъ она продала насъ ляхамъ... А всему виноватъ ты, Иванъ Мартыновичъ: унижилъ ты себя и насъ... Погнался за боярствомъ... писался нижайшею ступеню царскаго престола... Они возмечтали, наслали намъ воеводъ во всѣ города, уничтожаютъ наши вольности, и гляди — раздадутъ они и нашихъ казаковъ въ холоцтво боярамъ.

— Да расскажи подробно, святой епископъ, что тамъ дѣлается въ Москвѣ... Мы еще не рабы московскаго царя.

— Низложили они Никона позорно... На соборѣ я и другой епископъ Симонъ хотѣли говорить,—такъ намъ не давали.

— Да за что его низложили?

— За что?... За то, что онъ стоялъ за черную землю, за чернь... За то, что онъ не хотѣлъ боярства: только шесть-надцать фамилій вѣдь имѣютъ право засѣдать въ боярской думѣ, не пройдя всѣхъ ступеней службы, а остальнымъ попасть въ думу почти не возможно...

— Да кто-жъ они?

— Черкасскіе, Воротынскіе, Трубецкіе, Голицыны, Хованскіе, Морозовы, Шереметевы, Одоевскіе, Пронскіе, Шейны, Салтыковы, Репнины, Прозоровскіе, Буйносовы, Хилковы и Урусовы.

— Но кромѣ боярской думы, кто-жъ теперь близокъ къ царю.

— Кто?... да Аѳанасій Ордынъ-Нащокинъ. Онъ же болѣе всѣхъ подбивалъ на соборѣ низложить Никона, да и царя уговорилъ. Лѣстилъ онъ прежде боярамъ, кланялся имъ; одного лишь князя Хованскаго унижалъ, пока не низложилъ Никона; а какъ низложилъ, такъ сталъ именемъ царя писать боярамъ и воеводамъ такіе ругательскіе указы, что читать стыдно. Боялся онъ, коли возвратится Никонъ, такъ въ совѣтѣ у царя не будетъ одинъ,—и коли бъ онъ могъ, такъ онъ, какъ Малюта Скуратовъ поступилъ съ святымъ Филиппомъ, повѣхалъ бы въ Терапонтовъ монастырь и задушилъ бы собственными руками святителя...

— Развѣ онъ такъ свирѣпъ?

— Поглядишь,—онъ собирается на лѣто ѣхать съ царемъ въ Кіевъ на богомолье. Но это одинъ предлогъ: придетъ онъ сюда съ сильнымъ войскомъ, уничтожитъ онъ насъ, поработитъ и обратитъ въ боярскихъ холоповъ.

— Но ты говоришь, что онъ теперь и бояръ тѣснитъ?

— Видишь-ли, Нащокинъ вселилъ ему, что онъ Богъ и судья земной, неограниченный правитель и что бояре-де его холопы; а онъ, Нащокинъ-то, хочетъ неограниченно владѣть отъ имени его всѣмъ... Не быть намъ холопами Нащокина. Я разрѣшаю все казачество отъ данной имъ клятвы русскому царю... Долой воеводъ!... долой бояръ!... Лучше отдаться турецкому султану.

— Такъ ты, епископъ, разрѣшаешь меня отъ клятвы?

— Разрѣшаю, собери раду... и дѣлайте для блага отчизны все, что вамъ Богъ на душу положить... А чтобы ты не думалъ, что я пріѣхалъ къ тебѣ только съ льстивыми рѣчами, такъ вотъ тебѣ моя рука: отсюда я ѣду къ себѣ въ Нѣжинъ и тамъ буду говорить всѣмъ, что и тебѣ гово-

рю... а для закрѣпленія нашего союза, отдаю свою дочь за твоего племянника...

Гетмана послѣднее обрадовало, такъ-какъ это была давнишняя мечта его племянника.

Выпили они, послѣ того, еще порядочно на радостяхъ, что породнятся, и на другой день гетманъ выѣхалъ съ епископомъ и проводилъ его почти до самаго Нѣжина.

Но и въ Москвѣ было не совсѣмъ спокойно: Алексѣй Михайловичъ какъ видно тревожился и набросалъ оригинальное письмо князю Григорію Григорьевичу Ромодановскому *). Писано оно прозою и уморительными стихами:

«Повелѣніе Всесильнаго и Великаго и Безсмертнаго и Милостиваго Царя царемъ, и Государя государемъ, и всѣхъ всякихъ силъ Повелителя Господа Нашего Иисуса Христа. Писалъ сіе письмо всемогущій царь Алексѣй рукою своею»:

Рабе Божій, дерзай о имени Божіи

И уповай всемъ сердцемъ, подастъ Богъ побѣду.

И любовь и совѣтъ великой имѣй съ Брюховецкимъ,

А себя и людей Божіихъ и нашихъ берега крѣпко

Отъ всякихъ обмановъ и лъстивыхъ дѣлъ, и свой разумъ

Крѣпко въ твердости держи и разсматривай

Ратныя дѣла великою осторожностью,

Чтобъ писарь Захарка съ товарищи чевю не учинили

Также какъ Юраско **) надъ бояриномъ нашимъ

И воеводою надъ Васильемъ Шереметевымъ, также и надъ бояриномъ

Нашимъ и воеводою князь Иванъ Хованскимъ Оганской князь

Учинилъ, и имай крѣпко опасеніе и аргусовы очи всякъ часъ

Безпрестанно въ осторожности пребывай и смотри на всѣ

Четыре стороны и въ сердцѣ своемъ великое предъ Богомъ смиреніе
и низость имѣй,

А не возношеніе, какъ нѣкто ***) , вамъ брать, говаривалъ: не родися-де такой

*) Неизвѣстно послалъ-ли онъ его, но оно сохраняется въ государственномъ архивѣ.

**) Юрій Хмѣльницкій.

***) Здѣсь намекаетъ царь на князя Пожарскаго, погибшаго подъ Конотопомъ.

Промышленникъ, кому бы его одолѣть съ войскомъ,
И Богъ за превозношеніе его совѣмъ предалъ въ плѣнъ *).

Это предостереженіе князя со стороны заботливаго царя опоздало. Епископъ Меѳодій успѣлъ бросить зерно раздора между Брюховецкимъ и имъ. Но тутъ еще подѣйствовало лукавство гетмана Западной Малороссіи Дорошенко: митрополитъ Тукальскій написалъ Брюховецкому, что коли онъ, Брюховецкій, возстанетъ противъ русскихъ и перейдетъ на западный берегъ, то Дорошенко тотчасъ откажется отъ гетманства и тогда онъ, Брюховецкій, сдѣлается гетманомъ, обѣихъ сторонъ.

Получивъ это письмо, Брюховецкій созвалъ къ себѣ въ Гадячъ полковниковъ: Мартынова, Самойловича, Кублицкаго, Райча, Апостоленко, Горленко и Дворецкаго.

Брюховецкій началъ стороною: какъ бы-де заставить москалей почитать казачьи вольности, и поэтому-то онъ и раду войсковую собралъ.

«Тѣмъ болѣе,—присовокупилъ онъ:—я долженъ былъ на это рѣшиться, что по ту сторону Днѣпра снова наѣхала польская шляхта, овладѣла всѣми маентностями (помѣстьями), которыми она прежде владѣла, настроило по селамъ висѣлицы и вѣшаетъ на нихъ крестьянъ... чернъ»...

Полковники давали на это уклончивые отвѣты; тогда Брюховецкій принесъ крестъ и, поцѣловавъ его, сказалъ:

— И вы цѣлуйте крестъ, что другъ друга не выдадимъ по тому рѣшенію, какое мы примемъ здѣсь.

Всѣ цѣловали крестъ.

— Теперь я прочитаю письмо ко мнѣ епископа Меѳо-

*) Въ тѣ времена не имѣли понятія ни о стихосложеніи, ни о разиѣрѣ; впервые началъ писать греческимъ разиѣромъ Ломоносовъ и сталъ риемовать стихи. Но одно неопѣненное достоинство имѣють стихи Алексѣя Михайловича: хотя они не имѣли разиѣра и благозвучія, за то имѣли смыслъ, между тѣмъ, какъ даже и въ наше время стихотворцы гонятся не за мыслью, а за громкими фразами, а потому зачастую сиди надъ стихотвореніемъ, хоть цѣлый день, да не выжмешь изъ него ровно ничего.

дія,—воскликнулъ Брюховецкій и началъ читать: — «Ради Бога не оплошайся. Какъ вижу дѣло идетъ не о ремешкѣ, а о цѣлой кожѣ нашей. Чаять того, что честный Нащокинъ къ тому привелъ и приводитъ, чтобы васъ съ нами, взявъ за шею, выдать ляхамъ. Почему знать, не на томъ-ли и присягнули другъ другу: много знаковъ, что объ насъ торгуются. Лучше бы насъ не манили, чѣмъ такъ съ нами коварно поступать. Въ великомъ остерегательствѣ живи, а запорожцевъ всячески ласкай. Сколько ихъ вышло, ими укрѣпляйся, да и города порубежные людью своими досмотри, чтобы Москва больше не засѣла. Мой такой совѣтъ, потому что утопающій и за бритву хватается: не послать-ли тебѣ пана Дворецкаго для какого-нибудь воинскаго дѣла къ царскому величеству?—чтобы онъ сошелся съ Нащокинымъ, вывѣдалъ что-нибудь отъ него и далъ тебѣ знать. У него и своя бѣда: оболганъ Шереметомъ и сильно жалуется на свое безчестіе. Не добрый знакъ, что Шереметь самыхъ бездѣльныхъ ляховъ любовно принимаетъ и ихъ подбиваетъ, а казаковъ, хотя бы какіе честные люди, за людскихъ собакъ не почитаетъ и похваляется на нихъ, да съ Дорошенкомъ ссылается! Богъ вѣсть, то все не намъ-ли на зло? Надобно тебѣ очень осторожнымъ быть и къ Нащокину не выѣзжать, хотя бы и манилъ тебя. Мнѣ своя отчизна мила. Сохрани Богъ, какъ возьмутъ насъ за шею и отдадутъ ляхамъ или въ Москву поведутъ. Лучше смерть, нежели золъ животъ. Будь осторожень, чтобы и тебя, какъ покойнаго Барабоша, въ казенную телегу замкнуть, вмѣсто подарка ляхамъ не отослали».

Всеобщее негодованіе полковниковъ было отвѣтомъ на это письмо.

— Мееодій,—сказалъ тогда Брюховецкій:—какъ замѣститель митрополита кievскаго, разрѣшилъ насъ отъ данной нами клятвы русскому царю. Теперь мы снова вольны во всѣ четыре стороны,—лучше турскому султану поддаться, чѣмъ Нащокину и боярамъ. Долой русскихъ!

— Долой русскихъ! Лучше султану поддаться! Русскіе женъ у нашихъ отнимаютъ, земли забираютъ... чинши пра-

вать и грабятъ нашихъ! Довольно натерпѣлись!—неистово закричали полковники.

— Но я думаю думку иную, чѣмъ епископъ,—продолжалъ Брюховецкій:—Намъ нужно начать наше дѣло зимою же... Зимою москали не успѣютъ ни соединиться, ни подать другъ другу помощи... нужно, что бы весна и лѣто не застали ужъ ни одного русскаго на Украинѣ.

— Добре! Иванъ Мартыновичъ!—крикнули полковники.

Брюховецкій велѣлъ тогда затопить печь и, выйдя въ свою спальню, нѣсколько минутъ спустя возвратился оттуда съ узломъ.

— Вотъ тутъ, — сказалъ онъ:—и боярская шапка, и кафтанъ, и грамоты царскія на гетманство и боярство... я ихъ порѣшу.

Онъ сталъ кидать въ печь и грамоты, и одежду.

По мѣрѣ того какъ это горѣло въ печи, полковники кричали:

— А щобъ и воны такички згорылы.

— Щобъ имъ ни дна, ни покрышки не було.

— Щобъ воны вись вискъ такъ маялись, якъ мы бидные...

— Щобъ горылы и жарылись ихъ печенки, якъ та боярская шапка.

— Теперь,—закричалъ Брюховецкій, когда все сгорѣло:—идемте обидать.

За обѣдомъ выпито было много, и когда предложенъ однимъ изъ полковниковъ тостъ за здоровье гетмана Ивана Мартыновича, то онъ вставилъ:

— Не за нижайшую подножку царскаго престола, а за гетмана запорожскаго войска.

— Ура!—крикнули всѣ.

Развѣхавшись, полковники пустили слухъ въ народъ, что Иванъ Мартыновичъ ужъ не нижайшая подножка русскаго престола.

Вѣсть эта, какъ молнія, облетѣла все казачество по обѣ стороны Днѣпра, и на Украинѣ проявлялись общіе въ то

время признаки волненія и мятежа въ малороссійскомъ народѣ.

Запорожцы, не имѣя чего ѣсть въ сѣчи, на зиму высыпались по всей Малороссіи въ видѣ наймитовъ въ жидовскихъ корчмахъ, у зажиточныхъ крестьянъ и земледѣльцевъ. Работали они усердно, а еще усерднѣе пропивали деньги по шинкамъ и корчмамъ. Съ Западной Руси почти все крестьянство изъ помѣстій ляховъ двинулось тоже къ Восточную Русь и этимъ увеличило мятежный элементъ. Откуда-то повсюду явились бандуристы, бродили по корчмамъ и шинкамъ, и пѣли воинственныя пѣсни... Запорожцы потребовали тогда отъ хозяевъ разчета, и пошла страшная попойка по шинкамъ и корчмамъ. Приняли участіе въ этихъ вакханаліяхъ и казачество, и крестьянство! Пили, пили, пропивалось все, что имѣлось, и когда ужъ нечего было пропивать, закладывались будущія пріобрѣтенія, на что давались форменныя записки. Это значило, что готовится повстанье... Но противъ кого и чего? Прежде Малороссія имѣла одного врага, ляховъ, а теперь у нихъ появились два: на одномъ берегу ляхи, на другомъ — москали.

Волненіе пошло по обѣимъ сторонамъ, и раздались кличи на западномъ берегу:

— Москали насъ продали ляхамъ...

— Батька Дорошенко пушай ужъ лучше съ турскимъ султаномъ покумуется.

А на восточномъ или, какъ тогда называли, на «Барабошскомъ берегу» слышался другой кличъ:

— Бояре да воеводы насъ закрѣпостили... да братьевъ продали ляхамъ.

Казаки во многихъ мѣстахъ по селамъ стали брать въ полковую казну хлѣбъ и деньги, и запретили вносить чинши въ царскую казну. Многіе крестьяне записывались въ реестровые казаки и покинули свои села.

Въ Прилукахъ, на площади, стояла большая вѣстовая пушка: полковой есаулъ велѣлъ пушку взять и поставить въ проѣзжихъ воротахъ.

Узнавъ объ этомъ, воевода прислалъ солдатъ взять пуш-

ку въ верхній городъ; но есауль побилъ ихъ и пушки не далъ.

— Мы еще изъ верхняго города и остальные пушки вывеземъ,—кричалъ онъ.

По его же наущенію всѣ мѣщане и поселяне перестали платить подати, и сборщикамъ нельзя было показываться по селамъ: имъ грозили смертью.

Русскихъ откупщиковъ казаки грабили, рѣзали имъ бороды, а мѣщанамъ кричали:

— Будьте съ нами, а не будете, такъ вамъ, воеводѣ и рускимъ людямъ жить только до масляницы...

Наступилъ 1668 годъ, и къ концу января въ Чигиринѣ, къ Дорошенкѣ, сталъ съѣзжаться разный людъ; а городъ имѣлъ видъ ярмарки: ежедневно входили въ него и пѣшіе и конные казаки, и крестьяне, и записывались въ реестровые казаки,—въ то время, когда комплектъ, опредѣленный Рѣчью Посполитою, давно былъ переполненъ.

Стягивались сюда со всѣхъ сторонъ тоже и пищали и пушки, и цѣлые транспорты пороху и снарядовъ.

Дорошенко занималъ дворецъ, въ которомъ жилъ Богданъ Хмѣльницкій; но со времени смерти его въ немъ такого оживленія и энтузіазма не было, какъ теперь.

Послѣ его смерти здѣсь орудовалъ сначала Выговскій, потомъ сынъ его Юрій, больной и разслабленный юноша, наконецъ Брюховецкій.

Выговскій и Брюховецкій отличались только тѣмъ, что хотя оба мечтали о дворянствѣ, но одинъ—о польскомъ, другой—о русскомъ, а чернь была забыта.

Теперь Дорошенко снова, подобно Богдану Хмѣльницкому, сталъ за чернь, съ тѣмъ, чтобы потребовать свободу родной землѣ.

Съѣхались къ нему: митрополитъ Тукальскій, полковники, вся старшина, крымскіе послы, монахъ отъ епископа Мееодія, посоль Брюховецкаго, и самое главное: вдова покойнаго Хмѣльницкаго съ сыномъ Юріемъ, теперь монахомъ Гедеономъ. Съ Хмѣльницкою пріѣхала тоже и инокиня Наталья. По пріѣздѣ мы застаемъ ихъ вновь въ той комнатѣ,

гдѣ они сидѣли въ день прїѣзда Бутурлина къ Богдану Хмѣльницкому.

Вдова Богдана сильно постарѣла, да и мама Ната измѣнилась: ея энергичные черные глаза впали, а бѣлое лицо сдѣлалось желтымъ; волосы совсѣмъ посѣдѣли и падали большими прядями на ея лобъ и на шею изъ-подъ клобука.

Обѣ сидѣли на диванѣ, а противъ нихъ расположился монахъ Гедеонъ. За нѣсколько лѣтъ отдыха и покоя бывший юноша-гетманъ совершенно измѣнился: станъ его выпрямился, и онъ ужъ не былъ прежній сутоловатый, невзрачный и робкій парубокъ. Лицо его, отъ непривычки къ воздуху совсѣмъ почернѣвшее во время гетманства, теперь побѣлѣло и получило живой и яркій цвѣтъ; болѣзни, которыми онъ страдалъ, покинули его, и это дало возможность укрѣпиться и развить формы. Юраско, какъ называлъ его царь Алексѣй Михайловичъ, сдѣлался просто молодцомъ и къ мужественнымъ его чертамъ вовсе не шла монашеская одежда.

Разговоръ между бесѣдующими шелъ по-малороссійски.

— Такъ Никона, — сказалъ Хмѣльницкій: — осудили, сослали и заточили въ монастырь... Не даромъ батько мой такъ хотѣлъ вырвать его изъ Москвы... «Дайте мнѣ Никона, — говорилъ онъ: — и мы возьмемъ самый Царьградъ. Войска, — говорилъ онъ: — у насъ много, а головъ мало»... И заточили они его за спасибо: если бы не онъ, такъ батька мой никогда не отдалъ бы себя подъ руку царя.

— Да, — вздохнула его мать: — если бы онъ былъ здѣсь и ты бы не оставилъ гетманской булавы, — а то Ковалевскій, твой опекунъ, всѣмъ овладѣлъ, измѣнилъ не во время русскимъ и Шереметеву... Ну, и погибло дѣло.

— Не жалѣю я, — возразилъ Хмѣльницкій: — гетманской булавы, а жалъ мнѣ моей отчины. Обѣ ней-то плачетъ и рвется моя душа. Снова наша Украина въ ладоняхъ рукахъ, снова шибеницы (висѣлицы) по сѣламъ. Ненужно намъ ни ляховъ, ни русскихъ.

— Ты, отецъ Гедеонъ, такъ и скажи на радѣ, — сказала инокиня и глаза ея засверкали: — Наша отчина и плачетъ,

и стонеть: кто не досчитается отца, кто брата, кто сына... Женщинъ и вдовъ нашихъ берутъ москали къ себѣ и безчестятъ; за чинши продають послѣднюю скотинку и лошадку. Сидятъ по лѣсамъ и по селамъ люди, безъ хлѣба, пухнуть и мрутъ съ голоду. Ты, Гедeonъ, сынъ Богдана, — того Богдана, котораго самъ Богъ далъ отчизнѣ, чтобы поправить враговъ... И караль онъ ихъ страшно: пылали ихъ города и села, рѣзали жидовъ и пановъ, или вѣшали ихъ на одно и то же дерево.

— Помню... помню... и не разъ плачу я... По цѣлымъ часамъ стою въ церкви и молжусь, чтобы Богъ далъ и мнѣ силы, бороться съ врагами отчизны... И чтожъ? Коли нужно будетъ, такъ и я отдамъ все, что имѣю, и пойду прѣстымъ казакомъ сражаться съ врагами.

— Добре, добре, сынку, бачу я, що въ тебе кривь батькова, — воскликнула его мать, съ сверкающими глазами.

Едва она окончила, какъ вошелъ казачокъ и попросилъ монаха Гедeона, отъ имени гетмана, на раду.

Залъ Богдана Хмѣльницкаго оставался въ томъ же видѣ, какъ и былъ при немъ, такъ-какъ въ чигиринскомъ дворцѣ было все общественное: по стѣнамъ висѣли тѣ же трофеи побѣдъ, только вмѣсто прежнихъ головъ медвѣдей, оленей и лошадей видѣлись здѣсь разныя кольчуги, пищали и сабли.

Огромный дубовый столъ, за которымъ могло бы помѣститься до двухсотъ человекъ, стоялъ по серединѣ зала и вокругъ него скамьи. Только съ боку, посреди стола, видѣлись дубовыя кресла для гетмана и для почетныхъ гостей.

За столомъ этимъ размѣстились ужъ радные люди. Гетманъ Дорошенко, въ гостинной или кабинетѣ своемъ, ждалъ только митрополита и Юрія Хмѣльницкаго, чтобы выйти къ гостямъ.

Дорошенко имѣлъ лѣтъ подъ пятьдесятъ. Это былъ коренастый казакъ, съ умными глазами и строгимъ лицомъ. Огромные усы его ниспадали большими прядями по обѣ стороны его подбородка, гладко выбритаго. Онъ въ гетманскомъ кунтушѣ и на головѣ его баранья шапка. Сидитъ

онъ, поджавши ноги, на диванѣ, и рядомъ съ нимъ, въ такомъ же положеніи, сидитъ мурза татарскій Челибей. Они объясняются по татарски, такъ-какъ Дорошенко говоритъ на этомъ языкѣ такъ же хорошо, какъ на своемъ родномъ. Когда онъ былъ еще запорожцемъ, онъ находился нѣсколько лѣтъ въ плѣну въ Крыму и выучился этому языку; потомъ, во время войнъ Богдана, онъ постоянно былъ при татарскихъ отрядахъ и сдѣлался, такимъ образомъ, настоящимъ татаринимъ. Онъ любилъ татаръ за ихъ прямоту, трудолюбіе, честность и мужество, и поэтому проектировалъ: отдаться подъ покровительство турокъ, съ тѣмъ, чтобы татары были съ ними въ союзѣ и противъ поляковъ и противъ русскихъ.

«Не замай» былъ его девизъ, т. е. онъ не искалъ завоеваній, но хотѣлъ самостоятельность своему отечеству. Потянуло же его къ туркамъ, потому-что онъ видѣлъ, что тамъ, гдѣ они тогда ни господствовали въ славянскихъ земляхъ, они уважали религію, нравы и обычаи этихъ странъ, и внутреннее управленіе было тамъ народное; такъ было въ Молдавіи и Валахіи, такъ было и въ Сербіи, и въ Болгаріи.

Малороссы въ это время тоже отстаивали только свои народныя права, или какъ они ихъ называли, свои вольности, свою религію и внутреннее народное самоуправленіе; поэтому и Дорошенкѣ казалось самымъ подходящимъ отдать и себя подъ покровительство и подъ защиту султана.

Для этого и вызваны были имъ татары въ Чигиринъ, чтобы закончить съ ними оборонительный и наступательный союзъ, для того, чтобы послѣ изгнанія ляховъ и русскихъ изъ Малороссіи стать подъ покровительство султана.

— И такъ, Челибей, — обратился къ послу Дорошенко: — ты увидишь сегодня, что всѣ старшины и полковники на моей сторонѣ... Я жду только митрополита, а онъ долженъ быть сейчасъ. Онъ остановился у здѣшняго благочиннаго, а тотъ живетъ не далеко. Я послалъ ужъ за нимъ возокъ. Да вотъ и сынъ покойнаго Богдана...

Въ это время въ дверяхъ показался монахъ Гедeonъ.

Посолъ всталъ, поклонился ему низко, приче́мъ приложи́лъ руку ко лбу и къ сердцу.

Гедeonъ поклонился обоимъ низко и остановился у дверей, но Дорошенко поднялся съ мѣста, обнялъ и поцѣловалъ его.

— Я его на рукахъ носилъ — обратился онъ къ послу.

— А я, — сказалъ Челибей: — отца твоего зналъ еще тогда, когда онъ къ нашему хану прѣѣзжалъ просить помощи противъ Потоцкаго... Я сражался съ нимъ и при Желтыхъ водахъ. Мы короннаго гетмана побили съ войскомъ и взяли въ плѣнъ. Богатырь былъ твой отецъ... соколъ... Какъ гаркнетъ, крикнетъ... да съ гетманскимъ знаменемъ своимъ появится куда, такъ люди падаютъ передъ нимъ, какъ будто отъ одного его дуновения; а ужъ пушки его, какъ загрохочутъ, то картечью такъ и косятъ польскихъ драгунъ и гусаръ. И польскіе гусары молодцы: какъ налетятъ на нашихъ, да съ пиками на пѣшихъ, такъ сомнутъ и затопчутъ, точно муравьевъ. А мы топтать и рубить не любимъ, — намъ бы ясырь *).

— Отецъ, — сказалъ Хмѣльницкій тоже по татарски: — былъ большой другъ татарамъ. Онъ очень любилъ ихъ: народъ все трезвый, рабочий, прямой, — не то, что наши... И отецъ-то мой все говорилъ: коли Никонъ не возьметъ меня подъ защиту, такъ я пойду подъ высокую руку султана, какъ и крымскій ханъ, мой братъ и другъ. Очень любилъ онъ вашу землю и вашихъ людей. Не было для него ничего лучшаго, какъ рассказывать, какъ онъ гостилъ у васъ и въ Карасубазарѣ, и въ Бахчисараѣ. По цѣлымъ часамъ слушаешь, какъ онъ бывало съ ханомъ, съ калыномъ въ зубахъ, сидитъ гдѣ-нибудь въ саду у фонтана, и вокругъ такъ душисто, такъ птички пѣсни поютъ и чиликаютъ, точно въ райскомъ саду. А тутъ, вокругъ, и апельсины, и лимоны висятъ, и персики рдѣютъ на деревьяхъ, и гроз-

*) Выкупъ.

ди виноградныя такъ и просятся въ ротъ... А яблоки, груши и орѣхи точно обсыпали дерево, и каждое изъ нихъ держится подпорками, чтобы дерево не сломалось. А тамъ гляди, буйволиха въ рѣчкѣ купается и мычитъ за своими телятами, и козочки прирученныя бѣгаютъ по саду и заигрываютъ съ человѣкомъ...

— Да страна наша благодатная... а Чатырдагъ?... На немъ лѣса... А тамъ къ морю скалы, лѣса... а у Перекопа степи... степи зеленыя... травы высокія, точно бархатный коверъ, усыпанный цвѣтами... А въ этихъ степяхъ табуны лошадей... овцы кудрявыя... коровы, быки и волы, — точно рай земной, — восхитился татаринъ.

Вбѣжалъ казачокъ:

— Митрополитъ пріѣхалъ, — произнесъ онъ запыхавшись.

— Идемте встрѣчать святителя, — произнесъ торжественно Дорошенко.

Онъ показалъ путь послу, но тотъ уступилъ первенство Юрію Хмѣльницкому.

Монахъ пошелъ впередъ, посолъ, за нимъ и гетманъ. Когда появился простой монахъ Гедеонъ, всѣ радные люди встали и низко ему поклонились; тоже самое они сдѣлали и гетману, и послу.

— Митрополитъ пріѣхалъ, — обратился къ нимъ гетманъ: — идемте къ нему на встрѣчу.

Всѣ потянулись за гетманомъ. Дорошенко въ сѣняхъ встрѣтилъ митрополита и подошелъ подъ его благословеніе. Монахъ Гедеонъ, по обычаю, палъ передъ нимъ ницъ, но митрополитъ поднялъ его и поцѣловалъ нѣсколько разъ.

Дорошенко повелъ митрополита въ залъ и тамъ усадилъ въ большое кресло; по правую его сторону онъ помѣстилъ Гедеона, потомъ онъ усадилъ напротивъ митрополита татарскаго посла, а самъ усѣлся по лѣвую сторону митрополита.

Радные люди размѣстились потомъ, куда кто хотѣлъ; здѣсь болѣе уважалась старость, чѣмъ общественное поло-

женіе, а потому молодые люди отдали старикамъ почти всё мѣста поближе къ послу или къ митрополиту.

Дорошенко обратился къ радѣ рѣчью, въ которой онъ объяснилъ причину ея созыва. Между прочимъ онъ сказалъ:

— Великій Богданъ Зиновій сражался и проливалъ многіе годы кровь свою за наши вольности и выгналъ всѣхъ ляховъ изъ нашей отчины, но такъ-какъ съ Рѣчью Посполитою ему трудно было одному бороться, такъ онъ отдалъ себя подъ высокую руку русскаго царя, съ тѣмъ, чтобы онъ не трогалъ лишь наши вольности... Но еще при жизни его бояре требовали, чтобы ихъ воеводамъ отдали всё города и чтобы предоставили имъ право ставить своихъ сборщиковъ чиншей. Богданъ на это не соглашался. Сынъ его Юрій, бывшій гетманъ, тоже билъ челомъ объ этомъ царскому величеству, но Москва ничего и слышать не хотѣла и прислала къ намъ и воеводъ, и откупщиковъ, и сборщиковъ. Гетманъ Юрій, слыша ропотъ казаковъ и черни, послѣ чудновской польской побѣды, передался королю Яну Казимиру, съ тѣмъ, чтобы тотъ выгналъ русскихъ и возвратилъ наши вольности. Пришелъ сюда Янъ Казимиръ, сражался долго и, быть можетъ, выгналъ бы русскихъ, да Рѣчь Посполитая не стала платить жалованье войску, и оно разбѣжалось. Отчина наша осталась безъ защиты, а ляхи лишь снова забрались въ свои бывшія помѣстья. Началась снова домашняя вражда и рѣзня за гетманство, и Брюховецкій избранъ радюю въ гетманы, а Юрій Хмѣльницкій сложилъ булаву и пошелъ въ монахи... Не сдѣлалось отъ того лучше: бояре, т.-е. Нащокинъ продалъ насъ ляхамъ: западный берегъ Днѣпра объявилъ за ними, а правый—за собою. Ляхи обрадовались и снова налетѣли, забрали бывшія свои помѣстья и разставили по селамъ висѣлицы, чтобы вѣшать православныхъ христіанъ...

Тутъ онъ сдѣлалъ не большой роздыхъ и продолжалъ, обращаясь къ послу Брюховецкаго:

— Брюховецкій—человѣченко худой и не породный казакъ: для чего бремя такое великое на себя взялъ и честь

себѣ, которой недостойнѣ, принялъ? . Онѣ казаковѣ отдалѣ русскимѣ людямѣ со всеѣми поборами, чего отѣ вѣка не было.

— Брюховецкій это сдѣлалѣ по неволѣ,—отвѣчалѣ по-солѣ гетмана: — Взятѣ онѣ былѣ со всею старшиною вѣ Москву... Ну, и подписали по неволѣ.

Дорошенко поднялѣ съ мѣста и произнесѣ торжественно:

— Великая громада, не нужно намѣ ни ляховѣ, ни русскихихѣ, — не нужно намѣ и двухѣ гетмановѣ: какѣ нѣтъ двухѣ солнцѣ, такѣ не можетѣ быть и двухѣ булавы у одного и того же народа... А потому я предлагаю: по обѣ стороны Днѣпра жителямѣ быть вѣ соединеніи, жить особо, и давать дань турецкому султану и крымскому хану, какѣ даетѣ волошскій князь. Турки и татары должны защищать казаковѣ и вмѣстѣ съ ними ходить на московскія украинны.

— Я,—воскликнулѣ Юрій Хмѣльницкій:--все отцовскіе скарбы откопаю и татарамѣ плату дамѣ, лишь бы только не быть подѣ рукою московскаго царя и короля польскаго... Хочу я монашеское платѣе сложить и быть казакомѣ... Буду я сражаться какѣ казакѣ и положу душу свою за нашѣ народѣ и за нашу вѣру.

— Добре!... Айда казакѣ! Оце ягѣ батька Богданѣ,—раздались голоса.

Находившіеся здѣсь запорожцы тотчасѣ присягнули вѣ вѣрности радѣ. Здѣсь же было рѣшено: тотчасѣ открытъ борьбу съ русскими и перебить воеводѣ и ратныхѣ московскихихѣ людей. Послѣ того Дорошенко поднялѣ съ мѣста и объявилѣ:

— Татаре находятся ужѣ близѣ Чернаго лѣса... Половину ихѣ я отправлю противѣ ляховѣ, и съ остальною половиною мы пойдемѣ противѣ русскихихѣ.

— Ура, ура! батька Дорошенко,—раздались неистовые крики всей рады.

Послѣ того, во имя свободы страны, все радные люди до того наугощались, что три дня ползли по дворцу, вѣ которомѣ тогда же сложилѣсь пѣсня вѣ честь Дорошенко:

Ой, тютюнѣ *) да люлька...

*) Табакѣ.

Малороссійскіе кобзарі.

Доволно цензуром. Слб. 12 августа 1885 г.

Потому-что въ честь татаръ неистово истреблялся ихъ прекрасный табакъ.

XXXIV.

Гибель русскихъ въ Малороссіи.

Пріѣхала инокиня Наталья съ какимъ-то русскимъ,— докладываетъ Брюховецкому его карликъ Лучко.

— Инокиня Наталья? Дай Богъ память... Да, я ее видѣлъ нѣсколько разъ у покойнаго гетмана Богдана.

Съ этими словами Брюховецкій встаетъ и идетъ въ гостиную.

— Я къ тебѣ, гетманъ, пріѣхала изъ Чигирина отъ Дорошенко.

Гетманъ подошелъ подъ благословеніе инокини, потомъ любезно произнесъ:

— Отъ гетмана Дорошенко посолье—для меня дражайшій гость... А это кто?...

— Это боярскій сынъ Даніилъ Жидовицъ... Онъ одинъ изъ бывшихъ самыхъ приближенныхъ къ Никону... При немъ можно все говорить.

— А!... очень радъ... Садитесь... Что гетманъ Дорошенко?

— Гетманъ и рада рѣшили дѣйствовать за одно съ тобою и отдаться подъ высокую руку турецкаго султана. Татары стоятъ у Чернаго лѣса и готовы двинуться и на Польшу, и на русскихъ.

— Очень, очень радъ... Гдѣ же теперь Никонъ?...

— По милости твоей, гетманъ, въ заточеніи...

— Какъ по моей милости,—будто удивился Брюховецкій.

— Да такъ, если бы ты не выдалъ его письма, патриархъ царьградскій не допустилъ бы до собора, а если бы собора не было, такъ царь примирился бы съ Никонъ, и тогда не было бы и Ордына-Нащокина, и боярства... Ни-

конъ истологъ бы ихъ въ порошокъ: онъ вѣдь стоитъ за земство, за чернь и за ихъ вольности.

— Ужь не говори, матушка Наталья: обошли меня бояре въ Москвѣ, и потерялъ я и умъ да разумъ. Себѣ лишь петлю надѣлъ на шею. Чаялъ я все, что дума боярская править станеть, а тутъ явился, какъ изъ-подъ земли, какой-то Ордынъ-Нащокинъ.

— Дѣло было такъ, гетманъ. Пока Никона не низложили, управляли приказами и воеводствами бояре, а, какъ его не стало, Нащокинъ и овладѣлъ властью.

— А бояре что?

— Да что бояре, — все это ужъ старье и каличь: сидятъ въ думѣ, устава брады въ землю, и со всѣмъ соглашаются, на что царь-то укажетъ. А Алексѣй Михайловичъ и самъ-то брюшко отпустилъ, да лицомъ точно ракъ красный, да весь залпылъ отъ жира... Самому-то и лѣнь думать, такъ за него Нащокинъ и думу думаетъ. Придетъ онъ на соборъ аль въ думу и только вторить, что-де Нащокинъ ему въ уши нажужжалъ. Прежде, видишь, за него думалъ Никонъ, а теперь Нащокинъ; поѣтому-то и удалили Никона: есть-де другой думщикъ.

— И не ужели нѣтъ никого на Москвѣ, кто бы осадилъ Нащокина... Неужели свѣтъ клиномъ сталъ, — пожалуй плечами Брюховецкій.

— Какъ видно, — вздохнула инокия: — Есть, правда, Артамонъ Матвѣевъ, да того мудрено и понять: онъ и нашимъ, и вашимъ. Прежде онъ стоялъ на заднихъ лапахъ передъ Никономъ, а какъ впалъ тотъ въ немилость, и онъ отъ него отошелъ. Теперь онъ ластится и къ боярамъ, и къ Нащокину.

— Ласковый теленокъ двухъ коровъ сосеть, — расхохотался Брюховецкій.

— Есть еще одинъ — Хитрово Богданъ, тотъ бы могъ службу сослужить Нащокину... Но это можно будетъ сдѣлать тогда, когда куда-нибудь Нащокинъ выѣдетъ, а пока онъ сидитъ въ Москвѣ, ничего съ нимъ не подѣлаешь. У царя-то Алексѣя Михайловича по пословицѣ: чѣмъ дальше отъ

глазь, тѣмъ дальше отъ сердца. Такъ было и съ Никономъ, — ему не слѣдовало выѣзжать изъ Москвы... Теперь нужно поправить дѣло... Ты и Дорошенко лѣтомъ пойдете на украинскіе московскіе города, а донскихъ казаковъ съ Стенькою Разинымъ нужно двинуть по Волгѣ... такъ вы и дойдете до Москвы.

— Кто этотъ Стенька Разинъ?

— Степанъ Тимоѣевичъ Разинъ — казакъ донской. Весною 1661 года войско посылало его къ калмыкамъ уговорить ихъ быть за одно съ донскими. Успѣвъ въ посольствѣ, онъ поѣхалъ въ Москву, здѣсь былъ у благословенія у патриарха Никона и пошелъ на богомолье пѣшкомъ въ Соловецкій монастырь. Въ это время братъ Разина служилъ въ Москвѣ въ войскѣ князя Юрія Долгорукова, и просился у него въ отпускъ, но тотъ не пускалъ. Разинъ самъ ушелъ, — его поймалъ Юрій Долгорукій и повѣсилъ. Когда узнали объ этомъ братья Степанъ да Фроль, они обѣщались мстить воеводамъ... Прошло нѣсколько лѣтъ. Въ это время изъ Украйны въ донскіе города и станицы появилось много боярскихъ дѣтей и крестьянъ съ женами и дѣтьми, ушедшихъ отъ своихъ помѣщиковъ. Собралъ изъ нихъ вольницу Стенька и хотѣлъ было идти промыслять къ Азову, но донцы не пустили: онъ и пошелъ вверхъ. Воронежскіе посадскіе люди ссудили его порохомъ и свинцомъ, и засѣлъ было во время половецкаго Разинъ между рѣкъ Тишина и Иловли, близъ Каншинскаго города. Разинъ сидѣлъ здѣсь довольно долго, но вотъ поплылъ внизъ большой караванъ по Волгѣ съ ссыльными... Одинъ стругъ былъ купца Шорина съ казеннымъ хлѣбомъ, другой патриаршій, да еще струги другихъ лицъ. Провожали караванъ стрѣльцы. Взялъ съ собою Стенька тысячу человекъ и бросился на караванъ. Казенный стругъ пустили ко дну, начальныхъ людей изрубили или повѣсили... работниковъ не тронули... Сто пятьдесятъ ярыжекъ пристало къ Разину... да вотъ Лазунка Жидовинъ... Теперь онъ пожаловалъ какъ посолъ отъ Разина. Пошелъ самъ Разинъ промыслять на Каспійскомъ морѣ, а коли вернется, такъ просить твоей помощи гетманъ.

— Да и у меня-то къ нему, по правдѣ, грамота изготовлена,—сказалъ Брюховецкій:— а коли этотъ человекъ надежный, такъ пушай возьметъ.

— Я сама къ нему поѣду съ Жидовинимъ,—воскликнула инокиня.

— Тогда и разговора не можетъ быть. Когда же ты, матушка, выѣдешь?..

— Хоша бы сейчасъ.

— Безъ хлѣба-соли не отпущу.— Гей! Лучко.

Явился карликъ изъ-за занавѣса.

— Прикажи подать обѣдать, да накормить кучера и служку матушки.

Отдохнувъ и насытивъ голодъ, инокиня Наталія взяла грамоту Брюховецкаго и выѣхала въ Переяславль.

Едва они выѣхали, какъ Лучко явился въ спальню Брюховецкаго, куда тотъ удалился, чтобы отдохнуть.

Лицо Лучки было необыкновенно серьезно: это означало, что онъ сильно озабоченъ.

— Затѣваешь ты не доброе, дядька, — обратился онъ къ гетману.

— О чемъ говоришь ты?

— Да вотъ измѣняешь русскому царю да вѣришь ли-сицѣ Дорошенкѣ... да вотъ бабѣ, повѣрилъ и пишешь какому то разбойнику донскому... Стенькѣ Разину... Гляди, быть бѣдѣ.

— Да полно-то каркать, филинъ ты этакой... Вѣдь побью.

— Бей, дядька, а я все же правду скажу... Сколько разъ спасалъ я тебя отъ бѣдъ... Тяпнешь ты да ляпнешь, да глупости натворишь... а коли я выручу, такъ потомъ: «Лучко мой голубчикъ, да ненаглядный».

— Счастье твое, что я сегодня не въ сердцахъ, а то бы досталось бы тебѣ такъ... задалъ бы тебѣ я такого перца, что чухалъ спину три дня да три ночи... Не сдѣлаться же мнѣ свинопасомъ у бояръ.

— И моя вышла правда. Говорилъ же тебѣ на Москвѣ: не подписывай статьи, а ты и тамъ замахнулся на меня.

— Говорилъ-то ты, говорилъ, чортова вира, и жаль, что не послушалъ тебя. Теперь нужно поправить дѣло: иначе и мнѣ бѣда стряется, — казаки зарѣжутъ...

— Что-жь, какъ сдѣлано, такъ и сдѣлано. Но я за одно: не губи ты даромъ христіанскія души... полони русекихъ, потому отошли ихъ за границу къ своимъ.

— Да какъ-то полонить? и какъ удержать запорожцевъ и казаковъ? Сегодня долженъ быть кошевой изъ сѣчи... все улажено и налажено... а тамъ что громада скажетъ?

— И будете вы вѣшать и рѣзать невинныхъ людей, — возмутился Лучко.

— Что громада (міръ) скажетъ...

— Бѣдные люди, бѣдные люди... а вы богомерзкіе людицы.

— Тебя какъ послушать, такъ и не жить на свѣтѣ. Убирайся, да не въ свои дѣла не вмѣшивайся, коли не хочешь съѣсть нѣсколько нагаекъ.

Лучко вышелъ.

Отношенія его къ гетману были фамиллярныя: Брюховецкій не былъ женатъ и дѣтей не имѣлъ, а потому привязался къ карлику, какъ къ собственному своему ребенку. Лучко понималъ и цѣнилъ эту привязанность. Карликъ былъ очень крошечный человекъ, но сформированный пропорціонально; умъ онъ имѣлъ свѣтлый и сердце очень доброе. Начитанный и сосредоточенный въ самомъ себѣ и привязанный, какъ песь, къ своему хозяину, онъ всѣ свои мысли и думы направлялъ къ тому, какъ бы быть ему полезнымъ и дѣломъ, и совѣтомъ; когда же онъ останавливался на какой-нибудь обдуманной мысли, онъ честно и откровенно высказывалъ ее гетману. Брюховецкій бывало посердится, пригрозить, накричить, нашумить, а потомъ ему жаль становится Лучка и онъ не знаетъ, какъ и чѣмъ его одарить и приласкать.

Но въ цѣломъ мірѣ это было единственное существо, которое иногда укрощало этого упрямаго хохла.

И странно было послушать ихъ споры: Брюховецкій — здоровый, сильный, мускулистый, съ басовымъ голосомъ ка-

закъ, а Лучко — съ небольшимъ въ аршинъ человекъ, съ маленькимъ личикомъ и дишкантовымъ голоскомъ, и оба, если расходятся, стоятъ другъ противъ друга и пѣтушатся. Казалось, что однимъ дуновѣніемъ гетманъ его уничтожить, но такова нравственная сила: по большей части побѣждалъ маленькій человекъ, и гетманъ бывало позорно отступаетъ и радъ радешенекъ, когда тотъ перестанетъ его пилить.

И теперь, когда Лучко вышелъ, имъ овладѣла сильная тревога: ну что, если и впрямь онъ совершилъ дѣло гадкое.

Мысль эта не дала ему заснуть; онъ съ четверть часа поворочался онъ съ боку на бокъ и вскочилъ.

— Лучко, — крикнулъ онъ.

Лучко вошелъ съ заплаканными глазами.

— Чего разнюнился, бисова вира.

— Такъ, ничего... не все же смѣяться и плясать.

— Погляди, какъ будто кто пріѣхалъ.

— Нечего глядѣть, — это пріѣхалъ проклятый лѣшій, кошевой изъ сѣчи, да съ нимъ человекъ до двухъ сотъ запорожцевъ. Всѣ — точно звѣри.

— Такъ это кошевой ужъ пожаловалъ?... Ты Лучко, тамъ распорядись: нужно всѣхъ накормить, напоить...

— Напоить! Чертъ ихъ напоить: хоть сто бочекъ имъ выставь въ день, такъ все выпьютъ...

— Не сердись, голубчикъ, ты вѣдь умница: нужно же гостей принять съ почетомъ.

Лучко ушелъ и въ сердцахъ стукнулъ дверьми.

— Эка напасть съ нимъ: не мала баба клопить, тай купила порося. Такъ и я, — навязалъ себѣ эту обузу, ну и носишься съ нею, какъ жидъ съ писанною торбою... какъ котъ съ саломъ.

Онъ потянулся, крикнулъ и, почесавъ затылокъ, вышелъ къ кошевому атаману, ждавшему его въ столовой.

Послѣ первыхъ пріѣтствій, Брюховецкій обратился къ нему:

— Получилъ я сегодня вѣсть, что полковникъ Иванъ Самойловичъ съ казаками и мѣщанами въ Черниговѣ, въ Маломъ городѣ, осадилъ воеводу Андрея Толстаго... 1-го

февраля послалъ къ нему Самойловичъ посла, чтобы онъ сдался; а послѣ сдѣлалъ ночью вылазку, напалъ на Большой городъ побилъ много нашихъ и взялъ знамя.... Я хотѣлъ было двинуться къ нему, но у меня здѣсь около двухъ сотъ русскихъ.

— Мы порѣшимъ съ ними завтра же, а тамъ дай моимъ запорожцамъ погулять; всѣхъ москалей изъ городовъ по-выгоняемъ, а тогда и до Толстаго доберемся въ Черниговъ.

Послѣ того пошло подчиваніе и запорожцы запѣли свои пѣсни:

Соколе ясный,
Брате мій ридный,
Ты высоко летаешь,
Ты далеко выдаешь...

Иные запорожцы пѣли:

Гей вы, степи, вы ридныя,
Краснымъ цвѣтомъ писанныя,
Яко море широкія!...

Попойка шла почти всю ночь, и большинство къ утру лежало замертво пьянымъ.

На другой день, т.-е. 8 февраля, былъ праздникъ, и по заведенному порядку, воевода Огаревъ, занимавшій Гадячь, и полковникъ рейтарскій, нѣмецъ Гульць, отправились съ поздравленіемъ къ гетману.

— Гетманъ пошелъ молиться въ церковь подъ гору,— сказалъ Лучко, выйдя къ нимъ въ столовую.

Огаревъ и Гульць ушли. Воевода, придя домой послалъ своего деньщика узнать, находится-ли гетманъ въ церкви. Его тамъ не оказалось; но тѣмъ не менѣе воевода пошелъ туда, такъ-какъ храмъ этотъ сооруженъ былъ гетманомъ и онъ, по случаю праздника, долженъ былъ туда прійти.

Въ то время когда воевода молился, за полковникомъ Гульцомъ пришелъ отъ гетмана казакъ.

Полковникъ тотчасъ отправился къ нему.

— Пришли ко мнѣ изъ Запорожья кошевой атаманъ да полковникъ Соха съ казаками и говорятъ: «Не любо намъ, что царскіе воеводы въ малороссійскихъ городахъ и чинятъ многіе налоги и обиды». Я къ царскому величеству объ

этомъ писалъ, но отвѣта нѣтъ. Вы бы, полковники, изъ городовъ выходили.

— Пошли за воеводою и моими товарищами, и самъ скажи, — возразилъ Гульць.

— Да что мнѣ твой воевода, этотъ боярскій песъ, — крикнулъ гетманъ: — А вотъ что я скажу: коли сейчасъ же изъ города не пойдете, такъ казаки васъ побьютъ всѣхъ.

— Хорошо, — сказалъ нѣмецъ: — но коли мы пойдѣмъ изъ города, такъ ты не вели насъ бить.

— Что ты, что ты, мы не ляхи, — и крестя лицо, онъ прибавилъ: — отъ казаковъ задора не будетъ, только вы выходите смирно.

Гульць отправился къ воеводѣ и передалъ ему слова гетмана.

— Не могу я покинуть города, — воскликнулъ Огаревъ: — нужно лично переговорить съ гетманомъ; потомъ онъ отречется отъ своихъ словъ.

Когда Огаревъ зашелъ къ Брюховецкому, онъ долго не хотѣлъ его принять, наконецъ вышелъ и объявилъ:

— Запорожцы требуютъ, чтобы русскіе немедленно очистили городъ.

Огаревъ возвратился къ себѣ и сказалъ женѣ своей:

— Собирайся въ путь... Насъ здѣсь всего двѣсти чело-
вѣкъ и крѣпости никакой здѣсь нѣтъ.

— Напрасно, — сказала она: — здѣсь каждый домъ наша крѣпость... Будемъ сражаться... а тамъ пошли въ другіе города, и намъ дадутъ помощь.

— Пока эта помощь придетъ, насъ всѣхъ перебьютъ и перерѣжутъ, — возразилъ Огаревъ: — Притомъ, если мы выйдемъ изъ города, мы и людей и тебя спасемъ: гетманъ клялся богомъ, что намъ по пути ничего дурного не сдѣлаютъ.

— Выступимъ, — вздохнула жена его: — но сердце мое не предвѣщаетъ ничего добраго... ужъ лучше бы здѣсь защищаться...

Начала она и люди ея, и войско собираться въ путь, и, нѣсколько часовъ спустя, по направленію къ Переяславию

потянулись: прежде всего нѣмецъ Гульць, съ обозами и возкомъ, въ которомъ находилась жена Огарева; полковникъ на конѣ ѣхалъ рядомъ съ экипажемъ для ея защиты, на случай нападенія.

Добѣхали они такъ до заставы. Здѣсь казачій старшина Иванъ Бугай, коренастый, здоровенный запорожець, стоявшій съ сотнею казаковъ, пропустилъ ихъ безпрепятственно съ обозомъ.

Потянулись они по дорогѣ, въ надеждѣ, что и воевода съ резервомъ тоже благополучно выйдетъ изъ города.

Но не прошли они и трехъ верстъ отъ Гадяча, какъ услышали тамъ пальбу. Они остановились, и Гульць тотчасъ собралъ обозъ, сдѣлалъ изъ него засады, и внутри размѣстилъ возокъ съ боярынею и ратныхъ людей, а самъ поскакалъ съ нѣсколькими рейтарами обратно въ городъ.

Тамъ происходило въ это время слѣдующее:

Огаревъ со стрѣльцами выступалъ изъ города, но на заставѣ Иванъ Бугай остановилъ ихъ:

— Сдавайтесь!—крикнулъ онъ.

Въ отвѣтъ на это воевода произнесъ твердо и рѣшительно:

— Если вы не удалитесь, мы стрѣлять будемъ...

— Ахъ, ты песь московскій,—крикнулъ Бугай, бросившись къ нему съ обнаженною саблею.

Это былъ знакъ къ нападенію: казаки ринулись на стрѣльцовъ.

Бились и рубились, чѣмъ ни попало: слышны были выстрѣлы пистолетовъ, пицалей, стукъ оружія.

Силы были равныя, и бой былъ бы продолжителенъ, но Огаревъ отскѣкъ ухо Бугаю, и тотъ, истекая кровью, упалъ съ коня.

Казаки схватили его на руки, понесли въ городъ съ крикомъ:

— Москали нашихъ рѣжутъ.

Воевода подобралъ своихъ убитыхъ и раненыхъ, и поспѣшно выступилъ изъ города.

На пути онъ встрѣтилъ полковника Гульца.

— Жена моя права была, — сказалъ онъ: — ужь лучше бы защищаться въ городѣ; тамъ, они пожалѣли бы казачьи дома, да и легче было бы сражаться... Эти разбойники вѣроятно тотчасъ нагрянутъ сюда, такъ намъ нужно будетъ ихъ отразить и дорого продать свою жизнь.

Они ускоренными шагами поспѣшили къ передовому войску, но едва они прибыли туда, какъ вдали показались запорожцы съ кошевымъ атаманомъ.

Русскіе выкинули флагъ для переговоровъ, но тѣ, какъ будто не замѣчая его, неслись къ нимъ вихремъ.

Началась стрѣльба и рукопашный бой. Русскіе сражались отчаянно: семьдесятъ человѣкъ стрѣльцовъ и пятьдесятъ солдатъ пало подъ ножами запорожскими, остальные сто тридцать человѣкъ, избитые, израненные, забраны въ плѣнъ; не больше тридцати человѣкъ стрѣльцовъ успѣло бѣжать на Переяславль, но и тѣ померзли на пути. Полковникъ Гульцъ сражался у возка боярыни и тамъ палъ, какъ герой; но и она не отдавалась въ плѣнъ: она дралась съ отчаяніемъ и взяли ее тогда, когда свалили и связали ее.

Огаревъ бился до послѣдняго и не сдавался, но тяжелая рана на головѣ лишила его чувствъ и запорожцы забрали его полумертваго.

Одержавъ эту постыдную побѣду, запорожцы забрали русскій обозъ и плѣнныхъ, и двинулись съ триумфомъ въ городъ, причемъ били въ котлы и въ барабаны, и неистово пѣли пѣсни.

Вступивъ въ городъ, они послали Огарева къ протопопу, а боярыню, за то, что мужъ ея отсѣкъ ухо Ивану Бугаю, и за то, что она не сдавалась безъ бою, онъ раздѣлъ и повелъ по городу простоволосую. Приведа ее, такимъ образомъ, на площадь, гдѣ собрался народъ, онъ выхватилъ кинжалъ и отсѣкъ ей одну грудь.

Онъ собирался ужь по частямъ ее искрошить, какъ раздался голосокъ маленькаго человѣчка Лучко:

— Звѣри вы лютые... змѣи подколодные... такъ-то вы войсковою ясырь (выкупъ) цѣните... Гетманъ прислалъ

меня отдуть виноватыхъ,—и онъ началъ бить гетмановскою плетью на лѣво и на право, куда ни попало.

И Бугаю, и его сподвижникамъ досталось прямо по лицу.

— Экій скаженный, — крикнулъ Бугай, убѣгая.

За нимъ послѣдовали остальные запорожцы.

Лучко торопливо снялъ поясъ, вынулъ платокъ и, нагнувшись къ лежавшей безъ чувствъ на снѣгу боярынь, закрылъ ея рану платкомъ и притянулъ его своимъ поясомъ; потомъ, обратившись къ народу, онъ крикнулъ:

— Громада! Гетманъ приказалъ отвести ее въ богадѣльню... Вотъ въ ту, которая здѣсь на площади.

Нѣсколько мѣщанъ отдѣлилось отъ народа, и понесли ее въ богадѣльню. Здѣсь было нѣсколько прислужницъ и фельдшеръ. Они уложили боярыню на кровать и занялись перебинтовкою.

Лучко до тѣхъ поръ не покидалъ богадѣльни, пока раненой не сдѣлалось лучше, т.-е. пока она не пришла въ себя; тогда онъ успокоилъ ее на счетъ мужа и удалился, объявивъ, что Брюховецкій опечаленъ приключившимся и что онъ употребитъ всѣ силы и средства для ихъ излеченія.

На другой день изъ Гадяча полетѣла во всѣ концы Малороссіи отъ Брюховецкаго слѣдующая прокламація:

«Не съ нашего единого, но съ общаго всей старшины совѣта учинилось, что мы отъ руки и пріязни московской отлучились по важнымъ причинамъ. Послы московскіе съ польскими комиссарами присягою утвердились съ обѣихъ сторонъ разорять Украйну, отчизну нашу милую, истребивъ въ нихъ всѣхъ жителей, большихъ и малыхъ. Для этого Москва дала ляхамъ на наемъ чужеземнаго войска четырнадцать милліоновъ денегъ *). О такомъ зломъ намѣреніи непріятельскомъ и ляцкомъ узнали мы чрезъ св. Духа. Спасаясь отъ гибели, мы возобновили союзъ съ своею братією. Мы не хотѣли выгонять саблею Москву изъ городовъ украинскихъ, хотѣли въ цѣлости проводить до рубежа; но

*) Дано было пятьсотъ тысячъ золотыхъ польскихъ на удовлетвореніе князя Вышневецкаго и другихъ за отошедшія къ намъ ихъ имѣнія.

москаля сами закрытую въ себѣ злость объявили, не пошли мирно дозволенною имъ дорогою, но начали было войну: тогда народъ всталъ и сдѣлалъ надъ ними то, что они готовили намъ,— мало ихъ ушло живыхъ! Прошу васъ именемъ цѣлаго войска запорожскаго, пожелайте и вы цѣлости отчизнѣ своей Украйнѣ, промыслите надъ своими домашними неприятелями, т.-е. москалями, очищайте отъ нихъ свои города. Не бойтесь ничего, потому-что съ братією нашею той стороны желанное намъ учинилось согласіе,— если нужно будетъ, не замедлятъ намъ помочь. Также и орда (татаре) въ готовности, хотя не въ большой силѣ, на той сторонѣ».

Прокламація произвела потрясающее впечатлѣніе на всю Малороссію: она поднялась, какъ одинъ человѣкъ.

Воеводы: Лихачевъ, Загряжскій, Клокачевъ и Кологривовъ взяты въ плѣнъ, а ратники ихъ перерѣзаны; въ Стародубѣ погибъ геройски князь Игнатій Волконскій.

Но ожесточеннѣе всѣхъ сражался въ Новгородѣ Сѣверскомъ Исай Квашнинъ. Не желая сдаться живьемъ и видѣть обезчещенною свою жену, онъ ударилъ ее саблею по уху и по плечу, и когда она, обливаясь кровью, лежала въ обморокѣ, и онъ полагалъ ее умершею, велѣлъ казнить трехъ казачьихъ сотниковъ, присланныхъ къ нему для переговоровъ, и отправился въ шанцы защищать городъ. Казаки разсвирѣпѣли и бросились на штурмъ. Квашнинъ изрубилъ собственноручно цѣлый десятокъ казаковъ, но, подавленный массою, онъ палъ геройски. Казаки осадили тоже Нѣжинъ и Переяславль, но русскіе храбро отбивались.

Положеніе было отчаянное, и Шереметевъ писалъ царю объ этомъ изъ Кіева, причѣмъ жаловался: «Что ратные его люди наги, голодны и скудны въ конецъ; многіе дня по три и по четыре не ѣдятъ, а Христовымъ именемъ никто не даетъ».

Только лишь весною появилась помощь изъ Россіи, и князь Константинъ Щербатый, вмѣстѣ съ Лихаревымъ, поразили казаковъ подъ Почепомъ, а въ іюнѣ—подъ Новгородъ-Сѣверскимъ; князь же Григорій Григорьевичъ Ромо-

дановскій облегоу своими войсками города Котшову и Одошню.

Потери вообще русскихъ въ Малороссіи отъ этого мятежа были тяжелы и невознаградимы: сорокъ восемь городовъ и мѣстечекъ отъ нея отложилось, сто сорокъ четыре тысячи казенныхъ рублей, сто сорокъ одна тысяча четвертей хлѣба, сто восемьдесятъ три пушки, двѣсти пятьдесятъ четыре тысячи пищалей, тридцать двѣ тысячи ядеръ и на семьдесятъ четыре тысячи пожитковъ, воеводскихъ и ратныхъ, достались казакамъ.

Людей же погибло безъ счету.

Нашокинская боярская и воеводская система, такимъ образомъ, дорого обошлась Руси!

XXXV.

Ферапонтовъ монастырь.

Кончивъ шведскую и польскую войну, царь Алексѣй Михайловичъ сталъ на высотѣ, на какой не былъ ни одинъ изъ его предковъ: онъ приобрѣлъ не только обширную малороссійскую область, но къ нему отошли Бѣлоруссія и нѣкоторые города Южной Ливоніи. Съ приобретениемъ же этихъ земель, царская казна начинала съ этихъ мѣстъ пополняться деньгами вдвое болѣе, чѣмъ получалось прежде съ русскихъ земель. Это дало возможность царю устроить и свое житье-бытье получше: окрестности Москвы заселялись, и въ нихъ строились села и дворцы. Такъ, онъ основалъ села: Измайловское, Воробьево и Преображенское, а въ Коломенскомъ селѣ онъ готовилъ матеріаль на новый дворецъ, названный Симеономъ Полоцкимъ «осьмымъ чудомъ свѣта». Между прочимъ, для рѣзной и столярной работы были вызваны изъ «Новаго Іерусалима» всѣ никоновскіе лучшіе мастера.

Приниженный прежде богатствомъ боярь, Алексѣй Ми-

хайловичъ, съ увеличеніемъ его денежныхъ средствъ, почувствовалъ себя и могущественнѣе, и державнѣе.

Нащокинъ, поддерживавшій его самодержавные инстинкты для того, чтобы властвовать самому неограниченно, принялъ громкій титулъ «царственной большой печати и государственныхъ посольскихъ дѣлъ оберегатель» и управлялъ неограниченно царствомъ.

Алексѣй Михайловичъ разжирѣлъ и растолстѣлъ, и вообще сильно измѣнился: сдѣлался раздражителенъ и рѣзокъ.

Готовый прежде выслушивать рѣзкія правды, онъ не сталъ выносить противорѣчія, и къ этому времени слѣдуетъ относить показаніе Катошиха, что боярская дума выслушивала его мнѣнія, уставя брады въ землю.

Приближенные къ нему бояре тоже не узнавали его. Правда, вспыльчивость его была нѣкоторымъ памятна и изъ прошлаго, да это считали семейною расправою. Такъ, въ 1661 году, когда Хованскій или, какъ называлъ его народъ, Таратай былъ разбитъ, тестъ Алексѣя Михайловича, Илья Милославскій, въ боярской думѣ выразился:

— Если Государь пожалуетъ, дастъ мнѣ начальство надъ войскомъ, то я скоро приведу польскаго короля плѣнникомъ.

— Какъ ты смѣешь, — воскликнулъ царь: — страдникъ, худой человекъ, хвастать своимъ искусствомъ въ дѣлѣ ратномъ? Когда ты ходилъ съ полками? Какія побѣды показалъ надъ неприятелемъ? Или ты смѣешься надо мною?

Съ этими словами царь бросился къ тестю, далъ ему сильную пощечину, схватилъ его за бороду, поволокъ къ выходу и вытолкнулъ въ шею изъ думы.

Любимцу и троюродному братцу Родіону Матвѣевичу Стрѣшневу досталось однажды тоже. Страдая тучностью и полнокрівіемъ, Алексѣй Михайловичъ вздумалъ отъ головокруженія и головныхъ болей бросить себѣ кровь. Ему отъ этого сдѣлалось лучше. Призвалъ онъ по этому случаю всѣхъ плотныхъ ближнихъ бояръ и велѣлъ имъ бросить кровь. Всѣ безропотно исполнили приказъ. Одинъ Стрѣшневъ сказалъ:

— Да я ужъ старъ для кровопусканія.

— Какъ! — крикнулъ царь: — развѣ твоя кровь дороже моей? Что ты считаешь себя лучше всѣхъ?

И при этихъ словахъ Алексѣй Михайловичъ бросился на него, ударилъ его по щекамъ, вырвалъ клокъ бороды и выбросилъ за дверь.

Но эта рѣзкость перешла послѣ низверженія Никона и господства Нащокина и на другихъ бояръ. Такъ, Григорію Григорьевичу Ромодановскому, лучшему своему воеводѣ, онъ такъ писалъ:

«Врагу креста Христова и новому Ахитофелу князь Григорью Ромодановскому!

Воздасть тебѣ Господь Богъ за твою къ намъ, великому государю, прямую сатанскую службу, яко же Дафану, и Авирону, и Ананіи, и Самфирѣ: они поглялись духу св. во ѡжу» и т. д.

Въ письмѣ о товарищѣ его говорится: «А товарища твоего, дурака и худаго князишка, пытать велимъ, а страдника Климку велимъ повѣсить. Богъ благословилъ и предалъ намъ государю править и разсуждать люди свои на востокѣ, и на западѣ, и на югѣ, и на сѣверѣ вправду»..

Напоминало это ужъ переписку Ивана Грознаго съ княземъ Курбскимъ и его самоубіеніе.

Почувствовавъ себя, такимъ образомъ, сильнымъ и могущественнымъ, Алексѣй Михайловичъ возымѣлъ желаніе объявить своимъ наслѣдникомъ царевича Алексѣя Алексѣевича.

Торжество назначено было на новый 1668 годъ, т.-е. 1 сентября 1667 года.

Какое же воспитаніе получилъ царевичъ?..

Родился онъ въ 1654 году и былъ вторымъ сыномъ Маріи Ильинишны: первый, Дмитрій, умеръ младенцемъ, а потому Алексѣй Алексѣевичъ былъ вторымъ. Кромѣ него у царя имѣлись въ это время сыновья: Ѳеодоръ 5 лѣтъ, Симеонъ—2 года и Иванъ—1 годъ.

Похожъ Алексѣй Алексѣевичъ былъ на мать: имѣлъ прекрасные темнокаріе глаза, темнорусые волосы и тонкія черты

лица. Иностранные послы бывало не наглядятся на него, такъ красивъ былъ онъ, и не удивительно послѣ того, что польская королева Марія Людвика мечтала, чтобы онъ женился на ея племянницѣ и вступилъ на польскій престоль.

Образованіе получилъ онъ по тогдашнему хорошее: читалъ, писалъ, зналъ священную и русскую исторію, географію и первыя четыре правила ариѳметики.

За то воспитаніе онъ имѣлъ чисто теремное: до семи лѣтъ онъ былъ на рукахъ у мамы, одной изъ приближеннѣйшихъ боярынь его матери. Окруженный няньками и стольницами, онъ принималъ всѣ ихъ недостатки: капризы, своеволіе, сплетничаніе, злословіе.

Въ семь лѣтъ онъ отданъ былъ дядкѣ и вышелъ изъ терема, но только номинально; связь его съ теремомъ оставалась черезъ мать, сестеръ, тетекъ и малолѣтнихъ братьевъ.

Захаживая туда, онъ неволью заигрывалъ со стольницами и когда онъ приблизился къ двѣнадцати-лѣтнему возрасту, то сталъ заигрывать, вовсе не по ребячески, съ женскою прислугою и въ свѣтлицѣ матери съ работницами.

Это рано его развило, а его страстная натура dokonчила остальное: въ описываемое нами время, онъ былъ уже мужчиною, а теремъ воспользовался этимъ не на шутку.

Царевичъ отъ этой жизни сдѣлался нервень, цвѣтъ лица его сталъ поблекать. и подъ глазами синева придавала его глазамъ лихорадочное выраженіе.

Доктора Алексѣя Михайловича: Артамонъ Граманъ, Яганусъ, Бѣловъ и Вилимъ Краморъ, въ началѣ приписывали это глистамъ, а потомъ они рѣшили: что это-де ростъ такой.

Царь успокоился и не обращалъ болѣе вниманія на хилость или, лучше, на худобу сына и говаривалъ: что и онъ въ его лѣта былъ худощавъ и нѣженъ; а «теперь вотъ я какой», показывалъ онъ на свои румяныя щеки, дородность и брюшко.

Не чаялъ въ этомъ сынъ Алексѣй Михайловичъ души и даже при андрусовскомъ мирномъ трактатѣ хотѣлъ было внести статью объ его избраніи на польскій престоль, но

потомъ вспомнилъ, что поляки потребуютъ его въ Краковъ, ополячатъ и въ католицизмъ обратятъ; а потому онъ махнулъ рукою, и только сторонкою намекнулъ объ этомъ польскимъ посламъ черезъ Нащокина.

Этого-то любимца Алексѣй Михайловичъ и хотѣлъ объявить наслѣдникомъ престола на случай своей смерти.

Въ день новаго года, то-есть 1 сентября, царь отправился съ нимъ въ Успенскій соборъ. Послѣ обѣдни и молебна они возвратились во дворецъ.

Въ Золотой палатѣ ожидали ихъ боярство и духовенство съ патріархомъ.

Взойдя на тронъ, царь сѣлъ и, показавъ имъ царевича, объявилъ, что въ случаѣ его смерти они своимъ великимъ государемъ должны почитать его. Алексѣй Алексѣевичъ сказалъ имъ, поѣтому случаю, рѣчь, сочиненную Симеономъ Полоцкимъ, и тогда раздались восторженные клики, съ пѣніемъ «многая лѣта». Послѣ всѣ присутствующіе допущены къ цѣлованію рукъ царя и царевича.

Когда поздравленіе кончилось, царь, взявъ за руку сына, со всѣмъ боярствомъ и святителями вышелъ на Красное крыльцо къ народу.

Думный дьякъ прочиталъ манифестъ царя о назначеніи наслѣдника и царь показалъ его народу.

Народъ палъ ницъ, потомъ, поднявшись, пѣлъ «многая лѣта».

Народу было изготовлено на площади угощеніе отъ царя, а бояре и духовенство пошли къ царскому столу.

За столомъ сидѣлъ, рядомъ съ царемъ, и царевичъ.

Когда онъ вступилъ въ права наслѣдника престола, Милославскіе подняли носы: въ послѣднее время Нащокинъ совсѣмъ ихъ затеръ, и они потеряли всякое вліяніе. Теперь же Алексѣй Алексѣевичъ становился самымъ приближеннымъ къ царю: въ качествѣ наслѣдника, онъ, по обычаю, обязанъ былъ быть посвященнымъ въ государственныя дѣла, для того, чтобы на случай смерти царя, не было какого-нибудь замѣшательства. Теремъ воспользовался и сдѣлалъ его своимъ орудіемъ.

На другой же день, при докладѣ царю Нащокинымъ, царевичъ обратился къ отцу:

— Батюшка, — сказалъ онъ: — Правда-ли, что Никона патріарха въ папы избирають.

— Избирать-то не избирають... Но видишь-ли, король польскій Янъ Казиміръ, извѣстясъ, что на Москвѣ соборъ, писалъ сюда мнѣ и патріархамъ, что вотъ молъ: когда бы пообсудили съ папскими легатами унію, тогда кардиналы избрали бы на престолъ Никона. Янъ Казиміръ самъ кардиналъ и подалъ бы въ Римъ за него первый голосъ. И французскій король и цезарь тоже за него. Но Никонъ латинства не приметъ и на унію не подастся.

— А коли Римъ согласится на наши книги, на нашу службу?—замѣтилъ съ добродушіемъ Нащокинъ.

— Едва-ли Никонъ согласится, — стоялъ на своемъ Алексѣй Михайловичъ:—Притомъ мы его низложили, лишили архіерейства, какъ же таперь въ папы? Да и раскольники что скажутъ, и такъ гляди чуть-ли не половина народа за нихъ.

— Коли,—воскликнулъ царевичъ:— Никонъ въ такомъ почетѣ у всѣхъ государей, такъ зачѣмъ его держать въ Терапонтовомъ монастырѣ... Пушай, по крайности, онъ сидѣлъ бы въ своемъ «Новомъ Іерусалимѣ».

— Слишкомъ это близко отъ Москвы, мутить это будетъ только народъ,—возразилъ царь:—И такъ ему тамъ почетъ, именуютъ его патріархомъ, да и я ему пишу всегда: святѣйшій старецъ.

— Да вѣдь тамъ въ глуши-то онъ съ ума спягитъ,—вздыхнулъ царевичъ.

— Должно быть не весело,—вздыхнулъ и Алексѣй Михайловичъ, искоса поглядывая на Нащокина.

— Старцу и не подобаеть веселиться, — прошипѣлъ Нащокинъ:—Я и самъ, великій государь, коли службу свою отслужу тебѣ, аль, по старости, силъ не станетъ на работу, такъ пойду въ св. обитель отмолить свои грѣхи. Далъ я такой обѣтъ и—исполню.

Этимъ и кончился разговоръ, но съ этого дня у царя съ

сыномъ начали происходить тайныя бесѣды, и въ нихъ за частую слышалось имя Никона.

Что же случилось съ святѣйшимъ старцемъ, о которомъ говорила въ то время вся просвѣщенная часть Европы?...

12 декабря 1666 года, архимандритъ Нижегородскаго Печерскаго монастыря Іосифъ привезъ его въ Терапонтовъ монастырь и первымъ его дѣломъ было отобрать отъ него архіерейскую мантию и посохъ.

Никонъ отдалъ ихъ безпрекословно и просилъ одного лишь: чтобы не содержали въ заперти его монаховъ и бѣльцовъ.

Требованіе его исполнено.

Дабы разсѣять скуку одиночества, Никонъ просилъ бумаги, чернилъ и перья, чтобы писать, — ему это дали.

Но вскорѣ явился, на смѣну Іосифу, другой Іосифъ Новоспасскаго монастыря, съ инструкціею: «Бережь, чтобы монахъ Никонъ писемъ никакихъ не писалъ и никуда не посылалъ; бережь на крѣпко, чтобы никто никакого оскорбленія ему не дѣлалъ; монастырскимъ владѣть ничѣмъ ему не велѣтъ, а пищу и всякій келейный покой давать ему по его потребѣ».

Приставъ Шепелевъ, находившійся при немъ и слѣдившій за нимъ какъ Аргусъ, отобралъ отъ него тотчасъ бумагу, чернила и перья... Мучилъ его Шепелевъ-таки порядкомъ и на каждомъ шагу его притѣснялъ и унижалъ. Но приближенные Никона все же считали его патриархомъ и черезъ знакомыхъ своихъ въ Москвѣ передавали въ теремъ о дурномъ обращеніи съ нимъ пристава.

Царевичъ, узнавъ объ этомъ, доложилъ отцу, и на смѣну Шепелеву посланъ въ Терапонтовъ монастырь Наумовъ. Алексѣй Михайловичъ отпустилъ его самъ изъ Москвы и на прощаніи сказалъ ему:

— Скажи Никону, что я прошу у него прощенія и благословенія...

По пріѣздѣ въ Терапонтовъ монастырь, Наумовъ передалъ эти слова Никону.

Патріархъ возмущился и написалъ царю слѣдующее:

«Ты боишься грѣха, просишь у меня благословенія, примиренія; но я даромъ тебя не благословляю, не помирюсь. Возврати изъ заточенія, такъ прошу. Когда, передъ моимъ выѣздомъ изъ Москвы, ты присылалъ Родіона Стрѣшнева съ милостынею и съ просьбою о прощеніи и благословеніи, я сказалъ ему: ждать суда Божія. Опять Наумовъ говорилъ мнѣ тѣ же слова: и ему я тоже отвѣчалъ, что мнѣ нельзя дать просто благословенія и прощенія... Ты меня осудилъ и заточилъ, и я тебя трижды проклялъ по божественнымъ заповѣдямъ, паче Содомы и Гоморы *)...»

Письмо это не могло не повліять сильно на царя: оно разсердило его, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и убѣдило его, что смирить невозможно Никона крутыми мѣрами и что худой миръ—лучше доброй ссоры.

Однакожь съ Никономъ Наумовъ обращался не особенно нѣжно: онъ говорилъ ему дерзости, унижалъ его, никого не допускалъ къ нему, и, однажды, выведенный этимъ изъ терпѣнія, патриархъ обругалъ его—мучителемъ, лихоимцемъ и дневнымъ разбойникомъ.

Наумовъ велѣлъ его запереть въ келію и держалъ въ заперти съ 9 мая до Ильина дня, не давая ему не только порядочныхъ припасовъ, но не отпускалъ даже людей для рубки и носки дровъ, такъ что черныя работы Никонъ долженъ былъ совершать самъ.

Получивши въ началѣ 1667 года объ этомъ увѣдомленіе, царь послалъ въ Терапонтовъ монастырь стряпчаго Образцова, чтобы тотъ облегчилъ участь старца.

Прибывъ въ обитель, Образцовъ посадилъ Наумова, въ наказаніе, на три часа въ сторожку.

Узнавъ объ этомъ, Никонъ закипятился:

*) Проклятіе заключалось въ слѣдующихъ словахъ: „Кровь моя и грѣхъ всѣхъ буди на твоей главѣ“... Соловьевъ удивляется этому письму и осуждаетъ Никона; мы же находимъ, что если бы Никонъ поступилъ иначе или писалъ иначе, то это былъ бы не Никонъ. Чтобы писать такія письма, съ такими выраженіями, за которыя впоследствии сожгли всѣхъ расколуучителей, нужно было имѣть на сторонѣ своей слишкомъ много нравственной силы.

— Степанъ, — кричалъ онъ: — мучилъ меня тридцать недѣль, а его посадили только на три часа.

Но вотъ Наумовъ явился къ нему и, бросившись къ нему въ ноги, сказалъ:

— Я человѣкъ невольный: какъ мнѣ приказано, такъ и дѣлалъ.

Никонъ простилъ его и они сдѣлались друзьями.

Въ июль пришла Наумову вѣсть, что Никона избирають въ папы.

Онъ тотчасъ передалъ объ этомъ патриарху.

— Меня въ папы, — говорилъ онъ удивленно: — да развѣ они примуть нашъ законъ, наши книги, наше служеніе?... Впрочемъ мы отъ католиковъ имѣемъ небольшое различіе *)... Да теперь во всей Европѣ лютеранство и кальвинисты совсѣмъ разрушили западную церковь... Конечно было бы хорошо это соединеніе, если бы католики склонились сравниться съ нами. Но кажись, они еще упрямѣе нашихъ ханжей-расколоучителей.

Этимъ окончился ихъ разговоръ. Но мысль о папствѣ не покидала Никона, и онъ все болѣе и болѣе убѣждался собственными доводами въ химеричности этой затѣи Яна Казимира.

Въ Москвѣ однакожъ приняли это въ серьезъ и къ свѣдѣнію, чѣмъ и должно объяснить совершившуюся перемѣну въ обращеніи съ нимъ Наумова.

Вскорѣ къ нему стали допускать всякаго чина людей: посадскихъ, головъ и изъ Воскресенскаго дѣвичьяго монастыря игуменью Марѳу.

Гости принимались имъ радушно и они отдавали ему почести патриаршія; по шѣлымъ днямъ они не покидали его келіи.

Съ монашками въ особенности завелъ патриархъ дружбу: — онѣ боготворили его и вотъ монастырскія подводы стали

*) Не нужно забывать, что тогда западная церковь немногимъ разилась отъ нашей, что доказываетъ выпѣ ученіе такъ называемыхъ старо-католиковъ; разную же разность приняла западная церковь съ XVIII и XIX вѣковъ.

осправляться за ними, и овладѣлъ онъ всѣмъ женскимъ монастыремъ и его вотчиною.

Наумовъ испугался и какъ-то намекнулъ патриарху, что Москва-де можетъ остаться недовольна. Никонъ разсердился и воскликнулъ:

— Не указалъ-ли тебѣ государь ни въ чемъ меня вѣдать.

Вѣсть однакожь о доступности Никона вскорѣ достигла патриаршихъ его вотчинъ: и вотъ явились къ нему оттуда монахи и крестьяне и привезли ему деньги.

Одинъ Наумовъ былъ остороженъ и не давалъ ему ни бумаги, ни чернилъ.

— Ты мнѣ запрещаешь, — раскричался на него, однажды, Никонъ: — давать бумаги и чернилъ, а я изъ Москвы съ собою привезъ четыре чернильницы и бумагу, — вотъ смотри!

И показалъ онъ болѣе восьми дестей бумаги.

Архимандриты: приставленный къ нему Іосифъ и игуменъ ерапонтскій Аѳанасій величали его патриархомъ и поминали его на ектеніяхъ. Іосифъ получалъ отъ него за это шубы и сукна. Но вскорѣ Никонъ своею неосторожностью надѣлалъ то, что, въ августѣ, полученъ былъ указъ: сослать службу его Яковлева за то, что онъ, не спросясь Наумова, вѣдиль всюду по порученію Никона...

XXXVI.

Судьба Брюховецкаго.

На другой день послѣ звѣрскаго поступка казака Вугая съ женою Огарева, карликъ Лучко забрался въ богадѣльню и не отходилъ отъ ея кровати.

Первые дни боярыня была безъ памяти, но когда очнулась и стала узнавать предметы, она обратилась къ Лучко и спросила его слабымъ голосомъ.

— А ты чей, дитя мое? и гдѣ я?

— Не дитя я, а карликъ Лучко; я боярскій сынъ гетмана Брюховецкаго.

Больная стала что-то соображать и вдругъ воскликнула:

— Гдѣ мой мужъ? гдѣ полковникъ Гульць?... Вспоминаю, — они бились.

— Мужъ твой живъ и здоровъ. Онъ живетъ у протопопа гадячскаго и тамъ его лечатъ, а ты боярыня въ гадячской богадѣльнѣ Брюховецкаго.

— Страшная боль въ груди помѣшала ей дальше говорить, но вѣсть, что мужъ ея живъ, осчастливила ее: она набожно перекрестилась.

Такъ посѣщала ее ежедневно Лучко; недѣли въ двѣ она стала поправляться, и карликъ устроилъ ей свиданіе съ мужемъ.

Радость супруговъ была неописанная: не смотря на тяжелую рану на головѣ и на щекѣ, полученную Огаревымъ, и на изувѣчье, которое претерпѣла его жена, они другъ другу сдѣлались еще дороже.

Что же выигралъ Брюховецкій отъ поднятаго имъ мятежа?

Какъ бурный потокъ, запорожцы потекли съ казаками и выгнали русскихъ почти изъ всѣхъ городовъ, и когда цѣль была достигнута, большинство его полковниковъ обратилось къ западному гетману Дорошенко и предложило ему и восточное гетманство.

Дорошенко, съ митрополитомъ Тукальскимъ, тотчасъ послали къ Брюховецкому: чтобы онъ привезъ свою гетманскую булаву и знамя, и поклонился, а себѣ взялъ бы Гадячь съ пригородами по смерти...

Тутъ-то только понялъ Брюховецкій, что Дорошенко сдѣлалъ его лишь своимъ орудіемъ.

Гетманъ пришелъ въ негодованіе и занеистовствовалъ: онъ велѣлъ тотчасъ повсюду задержать, какъ плѣнниковъ, людей Дорошенко.

Узнавъ объ этомъ, къ нему явился Лучко:

— И вотъ Иванъ Мартынычъ, — сказалъ онъ: — что ты дѣ-

лаешь?... Покорись, вѣдь это воля громады, а громада—великій человекъ.

— Чего, песъ, пришелъ учить; это мои полковники—измѣнники затѣяли, и я долженъ ихъ наказать.

— Богъ съ ними, дядька, ужъ ты лучше покорись и возьми себѣ Гадячъ... вѣдь и это цѣлое княжество... Здѣсь и дворецъ у тебя... и своя церковь... и заживешь ты на покоѣ, да и я тебя не покину до смерти.

— Прочь отъ меня, коли не хочешь, чтобы я вышвырнулъ тебя. Пошли тотчасъ за полковникомъ Григоріемъ Гамалеемъ, за писаремъ Лавренко, за обознымъ Безпалымъ,—они мои друзья и не измѣнять мнѣ.

Съ сокрушеннымъ сердцемъ и съ какимъ-то печальнымъ предчувствіемъ, вышелъ отъ гетмана Лучко и сдѣлалъ распоряженія о приглашеніи къ нему требуемыхъ имъ лицъ.

На другой день, полковникъ, писарь и обозный явились къ гетману, и тотъ послалъ ихъ къ турецкому султану съ предложеніемъ принять Малороссію въ свое подданство.

Султанъ Магометъ въ это время жилъ въ Андріанополѣ, по случаю господствовавшей въ то время въ Константинополѣ чумы. Весна была тамъ въ разгарѣ, и султанъ жилъ посреди Янычарскаго лагеря въ шатрѣ.

Шатеръ былъ обширенъ и состоялъ весь изъ драгоценныхъ персидскихъ ковровъ, а внутри онъ былъ разукрашенъ турецкими шалами.

2 апрѣля, въ лагерь этотъ явились Гамалея, Лавренко и Безпалый и были представлены великому визирю.

■ : Они предложили, отъ имени Брюховецкаго, султану: принять Малороссію или, какъ она тогда себя называла, Черкасъ подъ султанскую руку въ вѣчномъ подданствѣ, только не дѣлать у нихъ никакихъ поборовъ и защищать ихъ отъ царя русскаго и короля польскаго.

Визирь доложилъ объ этомъ султану, тотъ изъявилъ свое согласіе и одарилъ лошадьми, оружіемъ и вещами и ихъ, и Брюховецкаго; послѣ того онъ отпустилъ ихъ домой, т.-е. отправилъ ихъ моремъ въ Крымъ.

Въ концѣ мая 1668 года посольство Брюховецкаго че-

резь Крымъ возвратилось съ извѣщеніемъ, что султанъ изъявилъ свое согласіе на принятіе Малороссіи въ свое подданство и для этой цѣли пріѣдетъ отъ хана Челибей, для того, чтобы, принявъ присягу отъ гетмана и полковниковъ, идти съ ними противъ русскихъ воеводъ.

Восхищенный этимъ, Брюховецкій послалъ гонцовъ ко всѣмъ своимъ полковникамъ, чтобы они къ пріѣзду Челибея, стянули часть казачества въ Гадячъ.

Полковники, измѣнившіе было ему и требовавшіе въ гетманы Дорошенко, будто смирились и покорились, и явились въ іюнь въ Гадячъ, гдѣ они расположились лагеремъ.

Нѣсколько дней послѣ того, дали знать гетману, что татарская орда приближается къ Гадячу.

Онъ выѣхалъ на встрѣчу къ Челибею въ рыдванѣ, который несли лучшіе его кони, запряженные цугомъ по польски.

Челибей, какъ представитель не только хана, но и самого султана, дозволилъ себя взять въ рыдванъ не только какъ гостя, но и какъ великую особу, т.-е. онъ усѣлся въ рыдванъ, посадилъ возлѣ себя одного изъ мурзъ, а гетману разрѣшилъ ѣхать верхомъ.

Брюховецкій было обидѣлся и вспылилъ, но умѣрилъ свой гнѣвъ и покорился участи. Не смотря на то, что открывшаяся у него рана на ногѣ не позволяла ему ѣхать верхомъ, онъ сѣлъ на коня одного изъ казаковъ, провожавшихъ его, и поскакалъ за Челибеемъ.

Когда они прибыли въ Гадячъ, Челибей обратился къ нему съ восторженною похвалою его рыдвану и лошадямъ.

Нечего было дѣлать: онъ подарилъ то и другое Челибею, такъ-какъ, по восточному обычаю, не подарить, значило нанести оскорбленіе.

На другой день представлялось странное зрѣлище: въ присутствіи Челибея и его татарской свиты, казаки, ихъ полковники и старшины, а также и самъ гетманъ, на крестѣ и евангеліи, въ присутствіи священника, присягали турецкому султану въ вѣрности.

Послѣ того пошло угощеніе и попойка: казаки и запо-

рожцы пили, пили, пили... Натянулись и татаребузою *) и кумысомъ.

Дикія пѣсни и тѣхъ и другихъ разносились по окрестностямъ Гадяча, а ночью яркіе ихъ костры какъ-то зловѣще горѣли, предсказывая новыя бѣды и кровопролитіе на Украйнѣ.

Послѣ этихъ пооекъ, гетманъ предложилъ Челибею тронуться въ путь противъ воеводъ.

— Заплатишь десять тысячъ золотыхъ, такъ мы тронемся, а коли нѣтъ, мы—гайда домой,—коротко и ясно отвѣчалъ Челибей.

Начался торгъ и кончилъ гетманъ на семи тысячахъ золотыхъ, которые онъ тотчасъ и выплатилъ ему.

Узнавъ объ этомъ, Лучко возмутился:

— Зачѣмъ, дядька, далъ впередъ невѣрнымъ деньги... Увидишь, они измѣнятъ.

— Татаринъ, коли даетъ слово, онъ его сдержитъ...

— Гляди, дядька, не довѣрайся ты ни полковникамъ своимъ, ни Челибею,—не даромъ сердце мое не лежитъ къ нимъ.

— Прочь отъ меня, поганный пугачъ зловѣщій, — топнулъ на него ногою гетманъ:—Ты лучше приготовься въ путь. Завтра мы выступаемъ въ походъ.

Лучко вышелъ и направился прямо въ домъ поповскій: съ разрѣшенія гетмана, Огаревъ взялъ туда и жену свою.

Огаревы опечалились, узнавъ, что самъ гетманъ идетъ уже съ татарами войною на русскихъ.

— Значить,—сказалъ онъ:—плѣнъ нашъ будетъ безконеченъ...

— Все отъ Бога,—утѣшалъ его Лучко, а у самого сердце готово выскочить.

Хотѣлось бы ему обнять и разцѣловать и боярина, и боярыню на прощаніи, но они такія особы, а онъ простой служка гетмана.

Тѣ сами догадались: началъ бояринъ, а кончила боярыня,—они оба со слезами разцѣловались съ нимъ.

*) Хлѣбное питье очень пьяное, употребляемое и нынѣ татарами.

Лучко заплакалъ и, кладя на столъ кошелекъ, набитый червонцами, сказалъ, запинаясь на каждомъ словѣ:

— Вамъ деньги теперь нужны, когда-нибудь возвратите...

Съ этими словами онъ выбѣжалъ, боясь, что ему кошелекъ возвратятъ.

На другой день гетманъ, окруженный полковниками, выступалъ въ походъ, а за нимъ вслѣдъ тронулась и татарская орда.

Выступая въ походъ, Брюховецкій разослалъ всѣмъ своимъ полковникамъ и старшинѣ грамоты, чтобы они собрались въ Дикангѣ, куда онъ идетъ съ войскомъ и съ татарами.

Нѣсколько дней спустя, онъ ужъ разбилъ лагерь подъ этимъ мѣстечкомъ.

Не прошло и недѣли, какъ дали ему знать, что западный гетманъ Дорошенко движется тоже туда съ войскомъ.

Узнавъ объ этомъ, Лучко сталъ настаивать, чтобы Брюховецкій послалъ къ Дорошенко гонцовъ, остановиться, иначе онъ де приметъ его наступленіе, какъ вызовъ къ битвѣ.

Гетманъ не послушался его и пошелъ къ Челибею, въ его шатеръ.

Поджавши ноги, Челибей сидѣлъ на полу, на коврѣ, и курилъ кальянъ.

Брюховецкій объявилъ ему, что приближается Дорошенко и чтобы онъ велѣлъ ему перейти обратно Днѣпръ и возвратиться домой.

— Зачѣмъ, — спросилъ Челибей.

— Да вѣдь мы идемъ на русскихъ, а намъ онъ не нуженъ.

— Какъ не нуженъ, — заголосилъ Челибей: — вѣдь и онъ подданный султана, и онъ тоже ему присягнулъ, — такъ и онъ долженъ идти съ нами.

— Но онъ со мною во враждѣ и требуетъ, чтобы я отдалъ ему булаву...

— Это ужъ не дѣло ни султана, ни мое... Мое дѣло не

разбирать васъ, а сражаться съ русскими. Вы, какъ знаете, межъ собою и дѣлайте, а я—сторона: кого изъ васъ войско признаетъ гетманомъ, тотъ и будетъ.

Взбѣшенный до ярости, Брюховецкій возвратился въ свой шатерь.

Лучко доложилъ ему, что явились отъ Дорошенко десять сотниковъ казачьихъ для какихъ-то переговоровъ.

Гетманъ велѣлъ ихъ привести въ свой шатерь. Сотники объявили, что Дорошенко требуетъ отъ него булаву, знамя, бунчукъ и нарядъ.

Брюховецкій выпелъ изъ себя, прибилъ сотниковъ, велѣлъ ихъ сковать и отослалъ въ Гадячъ.

На другой день показались полки Дорошенко. Къ Брюховецкому явился запорожскій полковникъ Иванъ Чугуй, очень приверженный къ нему.

— Гетманъ,—сказалъ онъ:—ты поступаешь не по казацки: зачѣмъ допускаешь къ себѣ такъ близко эту лисицу. Вели ты выкатить войску сто бочекъ горилки, да раздай на войско нѣсколько тысячъ золотыхъ и крикни кличъ: на измѣнника Дорошенко!.. и искрошай его и мои запорожцы и твои казаки.

— Не могу я братской крови лить,—отвѣчалъ мрачно Брюховецкій.

— Гляди, быть бѣдѣ... Но я тебя не покину,—вздыхнулъ Чугуй.

Между тѣмъ Дорошенко наступалъ и прямо шелъ на лагерь Брюховецкаго съ пѣснями и барабаннымъ боемъ.

Всѣ войска Брюховецкаго высыпали изъ шатровъ и глядѣли на прибывающихъ казаковъ съ того берега.

Когда же они приблизились, казаки Брюховецкаго стали кричать:

— Мы за гетманство биться не будемъ! Брюховецкій намъ добраго ничего не сдѣлалъ, только войну и кровопролитіе началъ.

Услышавъ это, пришедшіе казаки бросились грабить Брюховецкаго возы. Они расхитили его имущество, оружіе,—

все, что тамъ имѣлось, а съѣстные припасы стали пожирать, а изъ бочекъ пить водку.

Дорошенко, находившійся на горѣ и видѣвшій это, послалъ сотника Дрозденко схватить Брюховецкаго и привести къ себѣ.

Дрозденко явился въ шатеръ Брюховецкаго.

Брюховецкій страдалъ отъ раны и сидѣлъ въ креслѣ. Въ шатрѣ находились: другъ его Чугуй и Лучко.

Ворвавшись въ шатеръ, Дрозденко схватилъ грубо за руку гетмана, требуя, чтобы онъ слѣдовалъ за нимъ къ Дорошенко.

Чугуй взялъ ружье и такъ сильно кольнулъ его дуломъ въ бокъ, что тотъ упалъ.

Но въ этотъ мигъ ворвалась въ шатеръ толпа пьняныхъ казаковъ и, послѣ отчаянной борьбы съ Чугуемъ и карликомъ, схватили на руки гетмана и потащили его къ Дорошенко.

Чугуй успѣлъ созвать нѣсколько запорожцевъ и послѣдовалъ за этою толпою.

Брюховецкаго привели къ Дорошенко. Тотъ, окруженный полковниками и старшиною обѣихъ сторонъ, стоялъ на горѣ и ожидалъ привода Ивана Мартиновича.

Когда поставили передъ нимъ плѣнника, онъ грубо крикнулъ:

— Ты *) зачѣмъ ко мнѣ такъ жестоко писалъ и не хотѣлъ добровольно булавы отдать?...

Брюховецкій съ презрѣніемъ поглядѣлъ на него и ничего не отвѣтилъ.

Дорошенко повторилъ нѣсколько разъ вопросъ, но отвѣта не было.

Дорошенко махнулъ рукою: толпа казаковъ бросилась на несчастнаго, начала рѣзать его платье, била ослопомъ, дудами, чеканами, рогатинами...

*) Ты было у малороссовъ очень грубое слово и это сохранилось до настоящаго времени.

Чугуй съ небольшимъ количествомъ запорожцевъ хотѣли его отстоять и дрались отчаянно, но сила одолѣла; а Дорошенко, полковники и старшины не шевельнули даже пальцемъ, чтобы остановить братоубійство. Когда Чугуя сломили и привели избитаго и раненаго къ Дорошенку, тотъ велѣлъ освободить его, причеиъ клялся, что онъ махнулъ рукою только для того, чтобы Брюховецкаго увели, а тѣ его убили.

— Такъ вели убрать тѣло гетмана, — вѣдь онъ лежитъ голый, — заплакалъ Чугуй...

— Ты отвезешь его въ Гадячь... а ночью спрячь его куда-нибудь... Повезешь его ты тогда, когда все успокоится и мы выступимъ отсюда.

Наступала ночь, и одна изъ тѣхъ темныхъ ночей, какими славится Украина.

Чугуй, нѣсколько запорожцевъ и Лучко явились къ тѣлу Брюховецкаго положили его на лошадь, привязали къ ней, сами вскочили на коней и повезли тѣло въ лѣсъ, отстоявшій верстъ за десять отъ Дуванки.

Едва они это сдѣлали, какъ казачки войска Брюховецкаго, напившись, стали роптать, что ихъ-де гетмана убили какъ собаку, и бросили. Расчувствовавшись, они бросились отыскивать его на мѣстѣ побоища. Не найдя тѣла, они закричали:

— Они убили его, какъ собаку, и даже лишили честнаго погребенія... Смерть Дорошенко!.. это измѣнникъ!.. не вѣрный, онъ татарскую вѣру принялъ.

Кличъ этотъ сталъ все грознѣе и грознѣе раздаваться.

Дорошенко велѣлъ войску выкатить нѣсколько бочекъ водки, но тѣ, напившись, еще болѣе расходились, все больше и больше.

Видя, что опасность грозитъ не только ему, но и полковникамъ и всей старшинѣ, Дорошенко въ тихомолку скрылся съ ними далеко за обозомъ, для того, чтобы дождаться утра.

Во время этой смуты тѣло Брюховецкаго привезли въ лѣсъ, спрятали въ гущѣ, укрыли свиткою и оставили близъ

тѣла двухъ запорожцевъ, а сами Чугуй, Лучко и остальные запорожцы возвратились въ лагерь.

Когда Лучко вошелъ въ шатеръ гетмана, онъ что-то отыскалъ, положилъ въ торбинку, потомъ вышелъ, сѣлъ на лучшаго гетманскаго коня и поскакалъ въ Гадячъ.

Дней пять послѣ того шла попойка и на силу улеглись страсти, тогда лишь старшины наконецъ уговорили войско признать Дорошенко гетманомъ.

Мрачно и сердито войско вручило ему булаву, бунчукъ, знамя и нарядъ гетманскій.

Новый гетманъ выкатилъ снова много бочекъ водки и, когда казаки порядочно натянулись, онъ велѣлъ ударить тревогу и выступить въ походъ.

Въ гетманской одеждѣ, съ булавою въ рукѣ, онъ поѣхалъ впередъ, окруженный полковниками и старшинами, а казаки пошли за нимъ и гаркнули только-что сложившуюся пѣсню:

Ой на гори та жнецы жнуть,
А по-идь горою, по-идь зеленою,
Казаки идутъ...
Попереду Дорошенко,
Самъ съ гетманской булавою...

XXXVII.

Смерть царицы Маріи Ильинишны.

Свѣтлый праздникъ, наступившій въ 1668 году 24 марта, былъ не радостенъ для царя: вѣсти съ Волги о Стенькѣ Разинѣ были тревожны, а Малороссія была вся въ огнѣ.

Не радостна была и царица Марія Ильинишна: погоня за обезпеченіемъ наслѣдникомъ династіи, — что чуть-чуть не вызвало до рожденія сына Θεодора даже разводъ съ царемъ, — сдѣлало то, что у Маріи Ильинишны явилось на свѣтъ божій пятеро сыновей: Дмитрій, Алексѣй, Феодоръ,

Семеонъ и Иванъ, и шесть дочерей: Евдокія, Марѳа, Софья, Екатерина, Марья и Θεодосія. Изъ нихъ первородный сынъ Дмитрій умеръ, а остальные всѣ дѣти были въ живыхъ.

Къ несчастью всѣ дѣти мужскаго пола были хилы и слабы, за то царевны были здоровы и красивы.

Имѣя такую обширную семью, царица переносила съ нею много горя и заботъ; а тутъ еще примѣшались и другія обстоятельства, огорчавшія ее и разрушавшія ее здоровье. Въ особенности на нее сильно подѣйствовали два земскихъ мятежа: одинъ противъ Морозова, когда такъ трагически окончили жизнь родственники ея: Плещеевъ и Траханіотовъ, а другой — по поводу мѣдныхъ рублей, когда жизнь отца ея была въ опасности. Кромѣ этого, несчастная жизнь ея отца со второю женою его—Аксиньею Ивановною, опала его и опасность, въ которой онъ неоднократно находился, — наносили сильные удары ея здоровью. Въ семьѣ Морозовыхъ было тоже не благополучно: сестра ея, жившая въ замужествѣ за Борисомъ Ивановичемъ, связалась съ англичаниномъ Ульямомъ Барнсли, и того сослали; а жена Глѣба Ивановича, Θεодосія Прокѣфьевна, какъ фанатичная раскольница, была осуждена и заточена.

Марью Ильинишну нельзя было по этому узнать: она состарилась, похудѣла и осунулась, а черные, нѣкогда прекрасные ея глаза впади и горѣли лихорадочно.

Провозглашеніе старшаго ея сына Алексѣя наслѣдникомъ престола тоже не радовало ее: глядя на его худобу, на его матовое лицо, на впалые глаза, ей приходила нерѣдко мысль, что не жилецъ онъ этого свѣта, и отгадавъ причину, она отдала Θεодора и Семеона на руки дядькѣ, князю Θεодору Θεодоровичу Куракину, для того, чтобы изъять, по крайней мѣрѣ, этихъ отъ вліянія терема.

Образованіе давала она и дочерямъ, и сыновьямъ такое, на сколько оно возможно было въ то время и по тогдашнимъ понятіямъ: Семеонъ Полоцкій, одинъ изъ нашихъ ученѣйшихъ тогдашнихъ людей, занимался образованіемъ ея сыновей и дочерей, чѣмъ и объясняется образованность ея дочери Софіи.

Но здоровье Марьи Ильинишны съ каждымъ днемъ становилось все хуже и хуже, и въ началѣ 1668 года она чувствовала себя совсѣмъ ужь больною: удушливый кашель ее мучилъ, а боль въ груди не давала ей спать по ночамъ.

Тутъ встрѣтилось еще одно обстоятельство: и царь, и врачи его помѣшались на кровопусканіи и на рожкахъ,— и вотъ на Марьѣ Ильинишнѣ начинается практика этихъ средствъ.

Довело это ее до того, что вмѣстѣ съ строгимъ постомъ, который тогда соблюдался, ее уложили въ кровать; но къ Свѣтлому празднику ей сдѣлалось легче, и она явилась въ Золотую палату въ первый день Свѣтлаго праздника выслушать поздравленія и похристосоваться съ патриархомъ, родственниками и боярами.

Когда вышла царица въ Золотую палату, само собою разумѣется, что никто не замѣтилъ ея болѣзненности: по обычаю того времени румяна и бѣлила закрыли цвѣтъ лица, но худоба ея, однако же, бросалась рѣзко въ глаза.

Мужественно выдержала царица болѣе часовый приѣмъ, но когда удалилась въ свою опочивальню, она долго капляла и не могла успокоиться.

Впрочемъ скоромная пища вскорѣ поправила ея силы, и она съ наступленіемъ весны выѣхала въ Коломенское село.

Лѣто окончательно ее укрѣпило, но 6-е августа было для нея роковымъ.

По тогдашнему обычаю, во время водосвятія или, какъ тогда говорилось, въ день Иордани, эта Иордань устраивалась для царя на Москвѣ рѣкѣ, подъ Симоновымъ монастыремъ.

Для царицы же приготовлялась Иордань въ с. Рубцахъ, въ прудахъ, нынѣ Покровская улица.

Не быть на Иордани, не погрузиться въ водѣ въ этотъ день, значило не только оскорбить народное чувство, но и лишиться благодати Божьей.

Никакая непогода никогда не мѣшала исполненію этого религіознаго обряда.

Иорданъ была тогда торжествомъ изъ торжествъ, и для исполненія его на Москву-рѣку стекались всѣ мужчины Москвы, а на пруды— всѣ женщины.

Еще съ разсвѣта стекался, поэтому, народъ на эти мѣста, чтобы послѣ водосвятія погрузиться трижды въ воду.

Марья Ильинишна хотя чувствовала, что она больна, но мысль, что, быть можетъ, самое погруженіе въ воду исцѣлитъ ее, какъ исцѣляла сілоамская купель, ободряла ее.

Молилась у ранней обѣдни царица, просила себѣ исцѣленія, потомъ съ огромнымъ поѣздомъ, со всѣми сестрами брата, съ дочерьми и придворными боярынями и остальнымъ женскимъ персоналомъ двора, отправилась изъ Коломенскаго дворца въ село Рубцово.

Здѣсь имѣлся дворецъ, въ которомъ царица со всѣмъ теремомъ должна была, послѣ Иордани, обѣдать.

Обрядъ погруженія производился такимъ порядкомъ: женщины раздѣвались и входили въ воду и стояли все время по колѣно, пока шла церковная служба; когда же священникъ троекратно погружалъ крестъ въ воду, тогда и всѣ женщины погружались трижды.

Стояніе было довольно продолжительное, а тутъ на бѣду день этотъ былъ необыкновенно холодный, такъ-какъ нѣсколько дней шли дожди и со стороны Новгорода былъ рѣзкій вѣтеръ.

Находясь въ водѣ, еще до погруженія, царица почувствовала себя не хорошо: ею овладѣла лихорадочная дрожь и кашель.

Послѣ погруженій ее вынули изъ воды совсѣмъ посинѣвшею, поспѣшно одѣли и увезли во дворецъ. Потребовала она стараго меда и выпила, но ознобъ не прекращался, такъ-что она не вышла даже къ праздничной трапезѣ.

Послѣ обѣда, поѣздъ ея возвратился въ Коломенское село, и она тотчасъ легла въ кровать.

Она сильно заболѣла и проболѣла до осени, но съ переездомъ въ Москву ей сдѣлалось легче, однакожь, она болѣе не являлась никуда.

Ко дню 25 сентября, то-есть ко дню преставленія св.

Сергія, она бывало совершаетъ съ царемъ шествіе въ Троицкую лавру, но въ этотъ годъ она не могла этого сдѣлать, и царь совершилъ это шествіе безъ нея.

Царица хотя и поднялась на ноги, но съ каждымъ днемъ таяла и таяла.

Дотянула она такъ до марта: въ кровати она не лежала, а сидѣла на диванѣ.

Въ среду, на второй недѣлѣ поста, въ четыре часа дня, царица потребовала своего духовника, чтобы онъ исповѣдовалъ и приобщилъ ее.

Духовникъ явился, отслужилъ вечерню, потомъ исповѣдовалъ и приобщилъ ее.

— Таперь, отецъ Лукьянъ, соверши надо мною елеосвященіе.

— Развѣ ты чувствуешь себя такъ дурно, — спросилъ духовникъ.

— Чувствую, часъ мой насталъ... Соверши скорѣе обрядъ... Да позвать царя, его сестеръ и дѣтей моихъ, также моихъ родственниковъ.

Духовникъ, совершивъ елеосвященіе, исполнилъ приказъ царицы.

Вся ея семья собралась передъ ея спальнею. Первый вошелъ къ ней царь; она указала ему мѣсто на диванѣ. Тотъ сѣлъ и взялъ ее за руку.

— Прости, — сказала она: — коль я тебѣ не угодила чѣмъ ни на есть... аль сдѣлала что-нибудь злое... Послѣ меня не тоскуй, не горюй, береги свое здоровье. Коль пожелаешь, такъ женись, только въ обиду моихъ дѣтей не давай: мачихи всѣ злыя. Еще бью челомъ: проклялъ насъ Никонъ, такъ ты упроси святѣйшаго простить насъ и пуцай молится обо мнѣ и моихъ дѣтяхъ. Я-то всегда его любила, и не я его осудила.

Послѣ того вошли къ ней сестры царя и ея дѣти.

Съ каждымъ она поговорила, каждому сказала нѣскольکو словъ.

Вся семья, такимъ образомъ окружила ее, и она какъ

будто стала засыпать; вдругъ она очнулась и, вздрогнувъ, обвела всѣхъ глазами: вся семья стояла на колѣняхъ и молилась объ ея исцѣленіи.

— Аминь,— произнесла она, упала на подушки и вытянулась...

Въ 6 часовъ ее не стало.

Плачь, рыданія и вопли огласили теремъ, а царя почти безъ чувствъ увели въ его опочивальню.

Царицу умыли, одѣли парадно, набѣлили и нарумянили, снесли въ Золотую палату и положили на столъ, покрытый чернымъ сукномъ.

Обставленная свѣчами и покрытая парчею, она похожа была на сказочную спящую царевну.

У ея изголовья архимандритъ читалъ псалтырь, а придворные, мужчины и женщины, въ черныхъ одеждахъ, то приходили, то уходили, поклонившись ея праху.

На другой день, по обычаю, она должна была быть похоронена въ усыпальницѣ царицъ, въ Вознесенскомъ монастырѣ, находившемся неподалеку въ Кремлѣ отъ царскихъ палатъ.

Патріархъ нашъ и одинъ изъ восточныхъ патріарховъ, множество архіереевъ, архимандриты и почти все московское бѣлое духовенство явились на погребеніе.

Когда отслужена была панихида въ Золотой палатѣ, царицу положили въ гробъ, который перенесенъ въ придворную церковь родственниками царицы и первыми боярами. Здѣсь отслужена обѣдня и панихида, и затѣмъ тѣ же лица понесли гробъ въ Вознесенскій монастырь.

Царь и царевичъ Алексѣй Алексѣевичъ проводили гробъ до кладбища и рыдали.

Народъ, и въ особенности нищіе, которымъ покровительствовала царица, шли за гробомъ съ громкими воплями: имъ казалось, что съ ея погребеніемъ и они обречены на голодную смерть.

Узнавъ о смерти царицы, патріархъ Никонъ сильно сокрушился душою, постился, молился и плакалъ, говоря:

— Быть бѣдѣ, быть бѣдѣ... Ждетъ насъ еще много горестей...

Вскорѣ прибылъ въ Терапонтовъ монастырь Родіонъ Стрѣшневъ съ деньгами и просьбою царя поминать царицу.

Никонъ обидѣлся, денегъ не взялъ и сказалъ:

— Я и такъ молюсь за царицу и за ея дѣтей...

Потомъ онъ, помолчавъ, продолжалъ:

— Быть еще большей бѣдѣ... Будетъ еще и другая смерть... и смуты... гиль. Такъ повѣдай великому государю, — судьбы Божіи неисповѣдимы.

XXXVIII.

Нащокинъ и Хитрово.

Когда дворъ замѣтилъ, что царица Марья Ильинишна начала сильно хворать, многіе изъ бояръ поняли, что съ ея смертью произойдетъ перемѣна въ государственномъ управленіи, а потому каждый изъ нихъ началъ группироваться у той личности, какая, по его мнѣнію, должна была сдѣлаться центромъ тяготѣнія.

На примѣтъ у всѣхъ были Хитрово и Нащокинъ, но и эти старались на всякій случай залучить къ себѣ побольше сподвижниковъ.

Дружба Хитрово, Стрѣшнева и Алмаза сдѣлалась еще сильнѣе.

Хитрово отправился къ Стрѣшневу и засталъ тамъ Алмаза.

— У меня былъ сегодня Матвѣевъ, — началъ онъ: — и жаловался на Нащокина. Бояринъ Аванасій сталъ-де тѣснить голландцевъ и во всемъ предпочтеніе отдаетъ англичанамъ, — а голландцы насъ снабжаютъ и порохомъ, и пушками, и солдатами.

— Что же дѣлать? — спросилъ Стрѣшневъ.

— Да ничего. По моему, такъ нужно Нащокина прогнать, а это возможно, коль вернуть Никона...

— Да вѣдь его на патриаршій престолъ вновь не посадишь? — замѣтилъ Алмазь.

— Коли этого нельзя, такъ пушай здѣсь живетъ, на Москвѣ, на покоѣ, въ монастырѣ, и это будетъ довольно, чтобы аль прогнать, аль обезсилить Нащокина. Гляди, вѣдь онъ завладѣлъ всѣмъ, — вздохнулъ Хитрово; потомъ подумавъ немного, онъ продолжалъ: — Крутенекъ святѣйшій, да честень и безкорыстенъ...

— Да гордый и непреклонный. — замѣтилъ Стрѣшневъ.

— Такой-то и нуженъ таперь. Вѣдь быть бѣдѣ, коли царица умретъ, да Нащокинъ женить царя, да еще на своей родственницѣ... Пропадемъ мы всѣ! разгорячился Хитрово.

— Оно-то такъ... но что дѣлать? — вздохнулъ Стрѣшневъ.

— А я такъ думаю: ужъ лучше Матвѣевъ, чѣмъ Нащокинъ. Матвѣевъ и уменъ, и покладистъ... Пушай онъ и отыщеть тогда царю невѣсту. Ты бы Хитрово съ нимъ побалагурилъ, — замѣтилъ Алмазь.

— Побалагурить-то можно, но чуръ между нами. Нащокинъ, — точно чутье собачье у него: коли узнаеть, такъ онъ такіе подвохи учинить, что взорветъ насъ на воздухъ, — и съ этими словами Хитрово простился съ друзьями и они разошлись.

Въ то же самое время Нащокинъ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ и думалъ думу:

«Царь меня слушался доселѣ, да голландцевъ не хочетъ онъ притиснуть, — значитъ мое слово у него ничто... Силенъ у него вертопрахъ Хитрово и не даромъ заговариваетъ таперь съ нимъ о Никонѣ... Хотятъ они Никона вернуть: тогда прости прощай и моя сила, и всѣ мои затѣи... и мой многолѣтній трудъ. Не уступлю я такъ мою славу, мою честь и все, что сдѣлалъ: я — не Никонъ. Я начну съ того, что поссорю тебя, святѣйшій, и съ Ртищевымъ, и съ Хитрово... поссорю такъ, что упрячуть они тебя. гдѣ Макаръ телятъ не гонить»...

Онъ ударилъ въ ладоши, вошелъ служка.

— Пришелъ изъ Воскресенскаго монастыря черный попъ

Гоиль? По рождѣ продувная штука и, кажись, на все готовъ.
— Давно ждать.

— Зови его.

Вошолъ Гоиль и, поклонившись низко Наццокину, остановился въ дверяхъ.

— За то, что освободилъ тебя отъ растриженія, за твои продѣлки съ Никономъ, хочешь сослужить службу и мнѣ, и Никону... за что тебѣ и почетъ, и деньги.

— Тебѣ и Никону, бояринъ, готовъ служить.

— Ты вѣдь знаешь, что Богданъ Матвѣевичъ Хитрово врагъ Никона?

— Знаю...

— Тебя называютъ звѣздочетомъ?..

— Да, люди такъ бають, да я только лечу: я знахарь.

— Прекрасно! Вотъ и передай Никону, что тебя-де просилъ Хитрово дать ему приворотный камень, чтобы царя волшебствомъ къ себѣ приручить, а Никонъ пушай-де государево дѣло объявить.

— Пушай такъ, какъ соизволить бояринъ.

— Такъ ты ступай на Кирилловское подворье, тамъ познакомься съ чернецомъ Флавіаномъ, да поразскажи ему, а тотъ пушай ѣдетъ къ Никону въ Терапонтовъ монастырь...

Съ этими словами Наццокинъ сунулъ ему въ руку увѣсистый кошелекъ.

Гоиль отправился въ Кирилловское подворье, и найдя старца Флавіана, разсказалъ въ чемъ дѣло и, давъ ему на дорогу, просилъ тотчасъ выѣхать въ Терапонтовъ монастырь.

Флавіанъ, желая посѣтить и свой Кирилловскій монастырь, тотчасъ выѣхалъ туда.

Чернецъ этотъ прежде принадлежалъ къ Терапонтову монастырю, а потому былъ знакомъ съ Никономъ.

Никонъ попался на удочку: онъ объявилъ государево дѣло и хотѣлъ было послать въ Москву Флавіана, но приставъ Наумовъ воспротивился этому. Когда же Никонъ началъ дѣлать отъ себя распоряженія и ругаться съ нимъ, тогда онъ велѣлъ на него надѣть цѣпи, заперъ келью и поставилъ у окна семь человѣкъ.

Но Флавіанъ, въ началѣ октября, все же явился къ царю съ письмомъ отъ Никона, и на 20 октября созвана боярская дума для разсмотрѣнія, въ присутствіи царя, объявленнаго Никономъ «великаго государева дѣла»...

Но на судѣ и Флавій, и Іоиль отреклись отъ всего и объявили, что Никонъ на нихъ поклепалъ.

Цѣль Нащокина была достигнута: Хитрово сдѣлался вновь злѣйшимъ врагомъ Никона, а царь тоже разсердился на него: зачѣмъ-де поклепалъ на его любимца Хитрово. Но выигралъ-ли отъ этой интриги Нащокинъ?

Хитрово и Матвѣевъ успѣли уговорить царя послать его въ Андрусовъ для новыхъ переговоровъ съ Польшею, такъ какъ Янъ Казиміръ отказался отъ престола.

Выѣхалъ, весною 1669 года, противъ своего желанія, Нащокинъ изъ Москвы и на немъ осуществилось то, что погубило и Никона: чѣмъ дальше отъ глазъ, тѣмъ дальше отъ сердца. Расположеніе къ нему царя остыло, тѣмъ болѣе, что смерть Маріи Ильинишны произвела въ немъ нравственный переворотъ... Притомъ нужно было исполнить волю усопшей и поневолѣ пришлось послать къ Никону, и вотъ отправляется къ нему Родіонъ Стрѣшневъ, а тотъ освобождаетъ его изъ заточенія и смѣняетъ Наумова княземъ Шайсуповымъ.

XXXIX.

Заточенье Никона.

Нокиня Наталья, въ началѣ 1668 г., отправилась изъ Гадяча, вмѣстѣ съ Жидовинымъ, прямо въ Царицынъ. Отъ пріѣзжихъ казаковъ она узнала, что о Стенькѣ Разинѣ извѣстно только то, что онъ гуляетъ гдѣ-то на морѣ и что онъ имѣетъ огромную добычу.

Жидовинъ сталъ запрашивать о Васькѣ Усѣ, разбой-

ничавшемъ между Воронежемъ и Тулою и поднявшемъ мятежь противъ помѣщиковъ.

Ему отвѣчали, что шайка разбита и разбрелась, но что Усъ часто посѣщаетъ тайно Царицынѣ.

Порѣшилъ онъ съ инокинею поселиться въ Царицынѣ и ждать Уса, а между тѣмъ употреблять всѣ средства, чтобы его залучить къ себѣ.

Наняли они небольшой домикъ, и чтобы не обратить на себя вниманіе тогдашняго царицынскаго воеводы, она выдала себя за мать Жидовина, и стала покупать и перепродавать хлѣбъ подъ именемъ Алены *) изъ выѣдной Арзамасской слободы.

Хлѣбная торговля шла у нихъ во всемъ порядкѣ, съ лабазомъ, приказчиками и артельщиками.

Къ веснѣ является въ ихъ лабазъ донской казакъ, рослый, красивый и торгуетъ муку.

Жидовинъ сходится съ нимъ въ цѣнѣ, отвѣшиваетъ ему и спрашиваетъ:

— А куда, есауль, прикажетъ снести? Мои ребята уже доставятъ.

— Да вотъ, близъ церкви... Вонъ тамъ домишко съ зелеными ставнями да съ красными воротами..

— Знаю, знаю... а какъ васъ чествовать, есауль...

— Меня?... Пущай спросятъ Ваську...

— Уса,—обрадовался Жидовинъ.

Казакъ вздрогнулъ.

— А ты оттелева, что знаешь Уса?—спросилъ онъ, схативъ изъ-за казакина кинжалъ.

— Клади ты назадъ кинжалъ, да я самъ-то Стенькинъ...

— А!... такъ ты нашъ...

Жидовинъ выглянулъ изъ лабаза во дворъ и крикнулъ приказчика.

— Ужь ты постой здѣсь, а я пойду къ матушкѣ.

Вышли они изъ лабаза, и когда отошли отъ него, онъ обратился къ Усу:

*) Объ Аленѣ см. Соловьева, т. II, стр. 441.

— Меня зовутъ Жидовинымъ, я сынъ боярскій и мы съ Стенькою погуляли... Потомъ онъ ушелъ въ моря, а меня послалъ къ гетманамъ къ Черкасамъ... Везу я таперь ему грамоту гетмана Брюховецкаго... Таперь, пока онъ вернетъ-ся, я сижу здѣсь съ инокинею Наталіею... Это — великая черница, и московская, и кievская. Называется она моею матушкою, и мы живемъ съ нею въ одномъ домѣ. Таперь знаешь, кто мы, и пожалуй къ намъ, — будешь дорогимъ гостемъ.

— Слышалъ я, — отвѣчалъ Усъ: — объ тебѣ отъ нашихъ казаковъ и радъ, что встрѣтились. Идемъ къ твоей инокинѣ, — я отъ хлѣба-соли не откажусь.

Они застали инокиню читающею какую-то священную книгу. Она была одѣта купчихою. Лицо ея посвѣжѣло, а глаза приняли обыкновенное ихъ прекрасное выраженіе.

Донской удалой казакъ, войдя въ избу перекрестился иконамъ, поклонился ей въ поясъ и подошелъ подъ ея благословеніе.

— Это, матушка, Ваську Уса я привелъ къ тебѣ, — радостно произнесъ Жидовинъ.

— Очень рада, будь дорогимъ гостемъ, садись... А ты, сынъ мой, вели подать намъ хлѣба-соли, да вина и меду, — угостимъ атамана.

Жидовинъ выглянулъ въ дверь и крикнулъ служкѣ изготовить все къ трапезѣ.

Пока готовился столъ, инокиня рассказала Усу причину своего пріѣзда: нужно-де освободить патріарха Никона изъ Оерапонтова монастыря и вести его въ безопасное мѣсто, а когда бояре будутъ изгнаны изъ Москвы, тогда онъ снова сядетъ на патріаршій престолъ.

Слушая рассказъ этотъ, и то, какъ поступили дурно съ Никономъ и какъ онъ страдаетъ, Усъ вознегодовалъ и сказалъ:

— Чаво мѣшкать? Мы и безъ Стеньки его ослобонимъ... Созову я своихъ молодцовъ, пойдемъ на поклоненіе будто въ Соловки, а тамъ зайдемъ въ Оерапонтовъ... А коли ослобонимъ святѣйшаго, такъ вся черная земля пойдетъ съ нами, и поведемъ его въ Москву на патріаршій престолъ.

Въ это время подали трапезу. Сѣли къ столу, ѣли и пили.

Во время обѣда инокиня описала расположеніе Терапонтовскаго монастыря, стоящаго въ глуши.

— Десятка два имѣется тамъ стрѣльцовъ — закончила она: — и то старыхъ, глухихъ и слѣпыхъ, а братія... палець о палець не ударять для защиты монастыря. А похитивши Никона, — концы въ воду: мы его доведемъ до Волги, и разъ попалъ онъ на нашъ стругъ, мы его ужъ не выдадимъ, да и народъ не выдасть.

— Здѣсь живутъ два моихъ молодца, Оедька да Евтюшка. — оба торгуютъ въ гостиномъ: одинъ веревками, другой валенками да лаптями. Я пойду къ нимъ, и уладимъ все, — сказалъ Усъ, подымаясь съ мѣста, крестясь и кланяясь хозяевамъ.

Недолго спустя, Усъ явился къ инокинѣ.

— Молодцы, до двухъ сотъ, соберутся, когда хочешь, да съ оружіемъ. Нужны три аль четыре струга... повеземъ рыбу да хлѣбъ въ Бѣлозерскъ, а подъ рыбою будетъ оружіе и порохъ... Нуженъ отъ воеводы охранный листъ, да на одномъ стругѣ нужно взять пять аль шесть стрѣльцовъ для охраны. . И поѣдемъ мы по Волгѣ какъ паломники. Оедька да Евтюшка были бѣльцами, да и я былъ бѣльцомъ: мы въ одежѣ черной и поѣдемъ, точно монахи на богомолье... Да и мои молодцы будутъ въ крестьянской, точно и въ заправду на богомолье идутъ.

Инокиня благодарила его за усердіе и тотчасъ распорядилась купить у купцовъ четыре уструга, и послѣ того Жидовинъ началъ грузить на нихъ хлѣбъ и сушенную рыбу. Для свободнаго же прохода вверхъ по Волгѣ, она достала отъ воеводы не только охранный листъ, но за плату ей дали нѣсколько стрѣльцовъ, для защиты отъ воровъ. Потомъ инокиня или, какъ ее звали, Алена объявила, что на уструги просятся много богомольцевъ, идущихъ въ монастыри Кирилловскій и Терапонтвъ, а нѣкоторые въ Соловки. Заплатила она въ воеводской канцеляріи, и выдали ей охранные листы и на всѣхъ молодцовъ Уса, переписавъ предварительно ихъ имена и откуда они.

По окончаніи нагрузки, отслуживъ молебень, инокиня тронулась въ путь.

Вверхъ по Волгѣ они шли очень медленно, — то волокомъ, то на веслахъ, и не раньше мѣсяца пришли въ Бѣлозерскъ.

Для избѣжанія подозрѣнія, Жидовинъ повелъ торгъ рыбою и хлѣбомъ, а паломники сошли на берегъ.

Въ Бѣлозерскѣ купчиха Алена купила лошадей и повозки, нагрузила ихъ разными припасами: рыбою, хлѣбомъ, — оружіемъ и порохомъ, и потянулась къ Өерапонтovu монастырю съ Усомъ, Евтюшкою и Өедькою Сидоровымъ. Двѣсти же богомольцевъ двинулись за ними разными партіями.

Купчиха сидѣла въ особой, хорошей и крытой повозкѣ, запряженной тройкою прекрасныхъ воронежскихъ степныхъ лошадей, привезенныхъ ею на одномъ изъ струговъ.

Когда мама Натя приблизилась къ монастырю и увидѣла его издали, сердце ея забилося, и съ нею сдѣлалось почти дурно.

— Намъ бы не ѣхать дальше, — сказала она: — а лучше пробраться въ тотъ лѣсъ... вонъ, что виднѣется... Мы тамъ расположимся станомъ... и оттуда ужъ будемъ дѣйствовать.

Усъ согласился съ нею.

— Такъ ты поѣзжай туда, а я подожду богомольцевъ здѣсь.

— Да какъ же ты найдешь меня?

— Часа черезъ два, какъ придешь туда, выстрѣли изъ пистолета, и мы соберемся... Мы къ лѣсу привычны.

Инокиня поѣхала по направленію къ лѣсу. Когда она приблизилась къ нему, она убѣдилась, что не трудно ее найти. Къ лѣсу была проложена узенькая дорожка, — вѣроятно еерапонтскими монахами, ѣхавшими туда по дрова, а потому, пріѣхавъ туда, она свернула только въ лѣсъ, чтобы никто ее не видѣлъ.

Не прошло и часа, какъ по той же дорогѣ потянулся и ея караванъ съ рыбою, съ хлѣбомъ, и богомольцы.

Было подъ вечеръ, а потому они расположились лаге

ремъ въ лѣсу, разложили костры, разставили часовыхъ и заварили пищу.

Ночь была хотя свѣтлая, но огни костровъ, у которыхъ сидѣла инокня, и суровые донцы приняли какой-то фантастическій видъ.

Сердце инокни трепетно билось, и мысли ея были тревожны. Удастся-ли освободить Никона, согласится-ли онъ поднять знамя мятежа,—а если мятежъ не удастся, такъ его ждетъ смертная казнь...

Все это волновало ее, устрашало и не давало покоя, и когда сподвижники ея, насытивъ голодь, улеглись спать, она тоже улеглась на своемъ коврѣ, но всю ночь она не сомкнула глазъ, а все молилась и плакала.

Къ утру отдаленный звонъ въ церкви Терапонтскаго монастыря, призывающій на заутреню, поднялъ инокню на ноги.

Она разбудила Уса, Евтюшку и Ѳедьку Сидорова и объявила, что имъ пора отправляться въ монастырь. Чернецы помолились Богу и тронулись въ путь. Подойдя къ монастырскимъ воротамъ, они объявили сторожу, что идутъ на богомолье въ Соловки и что желали бы поклониться святымъ терапонтскимъ иконамъ и мощамъ, и отслужить молебенъ.

Богомольцевъ-чернецовъ впустили въ монастырь. Въ обители они усердно молились, вносили деньги въ кружки и дарили попа, дьякона и причетниковъ деньгами, и объявили, что на Дону, на рѣкѣ Чирѣ имѣется скитъ, гдѣ и состоятъ чернецами, а теперь идутъ по обѣту въ Соловки, причемъ они подробно разспрашивали о Соловецкихъ островахъ и о пути, которымъ они должны слѣдовать.

Попъ умаслился и попросилъ ихъ къ себѣ, такъ-какъ въ этой пустынѣ рады были всякой новой живой душѣ, въ особенности пришедшей изъ дальней стороны. При томъ къ нимъ доходили слухи о Стенькѣ-Разинѣ, и попъ интересовался послушать, что дѣлается на Дону.

Разсказывалъ Усъ и были, и небылицы, приписывая Стенькѣ и всѣ свои похождения. Попъ и семья его заслушалась

этихъ разсказовъ. Въ это время входитъ дьяконъ и объявляетъ, что Никонъ, узнавъ, что чернецы-богомольцы идутъ въ Соловки, хочетъ дать имъ денегъ, чтобы они поставили тамъ неугасимыя лампадки св. Зосиму и Савватию, а потому онъ просить ихъ въ свою келью.

— А я васъ провожу къ нему, — закончилъ любезно дьякъ.

Повелъ онъ ихъ черезъ дворъ, въ особый флигелекъ, забрался по лѣстницѣ во второй этажъ, прошелъ корридоромъ и въ концѣ его постучалъ въ небольшую тяжелую дверь.

— Гряди во имя Господне, — раздался голосъ за дверью.

Дьякъ отворилъ дверь, пропустилъ въ нее трехъ чернецовъ, и самъ остался за дверью.

Чернецы перекрестились иконамъ, распростерлись передъ патріархомъ и подошли подъ его благословеніе.

Когда они поднялись и взглянули на Никона, ихъ поразилъ величественный его видъ: онъ въ заточеніи посѣдѣлъ, но станъ его былъ прямъ, а борода, не знавшая ножницъ, висѣла на груди. Онъ былъ въ мантии архіерейской, и грудь его украшалась крестомъ, который онъ носилъ будучи патріархомъ.

Въ затворничествѣ полнота щекъ его и носа упала, и черты лица его сдѣлались тонки и нѣжны, а выраженіе серьезно, но вмѣстѣ съ тѣмъ, при улыбкѣ, оно принимало выраженіе доброты и грусти, что замѣчается у всѣхъ людей, много думавшихъ и выстрадавшихъ.

Патріархъ попросилъ гостей сѣсть и повелъ бесѣду о Донѣ и о томъ, что тамъ дѣлается, и наконецъ объявилъ, чтобы они взяли отъ него деньги на неугасимую лампадку въ Соловки, причемъ онъ вынулъ нѣсколько золотыхъ монетъ и вручилъ ихъ Усу.

Тогда Усъ и товарищи его пали къ ногамъ его, объявили, кто они, и начали просить его ѣхать съ ними.

Никонъ ужаснулся.

— Куда пойду я и для чего, — сказалъ онъ: — Для того, чтобы, по трупамъ отъ Астрахани до Москвы шествую, сѣсть

на патриаршій престолъ ... Богъ съ ними! Не хотѣлъ я сидѣть съ ними и прежде, такъ теперь подавно.

Усъ и товарищи умоляли его, просили, плакали, наконецъ грозили, что-де они силою его возьмутъ, — патриархъ былъ непреклоненъ.

— Кто подымаетъ мечъ, тотъ погибаетъ отъ меча, — вознегодоваль онъ: — Коль я бы хотѣлъ насильно сѣсть на свой престолъ, я бы давно на немъ сидѣлъ: стоило только въ послѣдній прїѣздъ мой въ Москву ударить въ царь-колоколь... Да и въ Воскресенскій монастырь являлся Стенька Разинъ да и многіе другіе, и предлагали поднять весь Донъ и боярскихъ людей, чтобы идти на Москву, но я подь клятвою запретилъ это, и благодарю Господа силъ, что черезъ меня не пролито ни единой капли крови. Пуцай мои злодѣи ликують, но судъ Божій ждетъ ихъ на небесахъ, за всѣ мои мученія, за все зло, которое они причинили мнѣ.

Съ сокрушеннымъ сердцемъ казаки простились съ Никономъ, просили отъ него отпущенія грѣховъ и ушли.

Когда они возвратились къ инокинѣ, та съ лихорадочнымъ жаромъ спросила:

— Ну что?

— Видѣли его, не соглашается, — отвѣчалъ Усъ: — не хочетъ кровопролитія.

— Видно на то воля Божья, — перекрестилась набожно инокиня: — Таперь нужно вернуться домой, дождаться Стеньки; и коли онъ вернется, подыдемъ всю русскую землю, и она посадитъ его сама на патриаршій престолъ. Пуцай падетъ грѣхъ на голову враговъ Никона.

Они тотчасъ тронулись въ обратный путь.

Не прошло и двухъ мѣсяцевъ послѣ этого, какъ представленный къ Никону архимандритъ Іосифъ отпросился у московскаго патриарха Іоасафа прїѣхать въ Москву. Онъ получилъ разрѣшеніе и выѣхалъ туда съ монахомъ Провомъ.

Прибывъ въ Москву, онъ донесъ царю:

«Весною 1668 года были у Никона воры, донскіе казаки. Я самъ видѣлъ у него двоихъ челоувѣкъ, и Никонъ мнѣ говорилъ, что это донскіе казаки, и про другихъ сказывалъ,

что были у него въ монашескомъ платьѣ, говорили ему: «Нѣтъ-ли тебѣ какого утѣшенія: мы тебя отсюда опростаемъ». Никонъ говорилъ мнѣ также: «И въ Воскресенскомъ монастырѣ бывали у меня донскіе казаки и говорили: если хочешь, то мы тебя по прежнему на патриаршество посадимъ, сберемъ вольницу, боярскихъ людей». Никонъ сказывалъ мнѣ также, что будетъ о немъ въ Москвѣ новый соборъ, по требованію цареградскаго патриарха; писалъ ему объ этомъ Аѳанасій Иконійскій».

Пріѣхавшій съ архимандритомъ монахъ Провъ донесъ отъ себя, что Никонъ хотѣлъ бѣжать изъ Оерапонтова и обратиться къ народу съ жалобою на напрасное заточеніе.

Безъ слѣдствія и суда, по одному лишь голословному доносу, враги Никона, а главный изъ нихъ Хитрово, добился у царя, что Аѳанасія Иконійскаго сослали въ Макарьевскій монастырь, на Унжѣ; а Никона велѣли держать подъ замкомъ въ его кельи.

Никонъ вновь сдѣлался безсрочно затворникомъ и въ одиночествѣ, казалось, тщетно взывалъ о мщениі, но вскорѣ оказалось, что его пророчество, сказанное Стрѣшневу, осуществилось.

XL.

Карликъ Лучко.

Дрискававъ въ Гадячъ, Лучко никому не сказалъ о смерти гетмана Брюховецкаго, а распорядился послать нѣсколько подставовъ по четвергѣ, до самаго Переяслава и, послѣ того, отправился къ Огаревымъ.

Онъ разсказалъ имъ подъ секретомъ объ ужасной смерти гетмана и объявилъ, что послалъ подставы до Переяслава, а они должны собраться въ путь, чтобы въ ту же ночь выѣхать и имъ.

— Какъ это, — воскликнулъ Огаревъ.

Стеньга Разинъ бросаетъ персидскую царевну въ Волгу.

Дозволено цензурою, Спб., 31 июля 1885 г.

— А такъ, — отвѣтилъ Лучко: — Я выйду въ легкой повозкѣ въ Гадячъ, а вы приходите туда. Мы и уйдемъ.

— Да насъ возьмутъ и задержатъ въ первомъ же селѣ или мѣстечкѣ, — сказала Огарева.

— Не задержатъ. Охранные листы я забралъ изъ шатра гетмана и вписалъ въ нихъ: что ты, бояринъ, съ женою отправляетесь послами въ Переяславль, чтобы москали сдались; а въ сопровожденіе къ вамъ, онъ и меня отпустилъ. Лошади — гетманскія, да и я его служба, — меня по дорогѣ знаютъ всѣ, — и какъ мы доберемся до Переяславля, такъ тамъ и концы въ воду.

Огаревы разцѣловали его и стали готовиться незамѣтно въ путь, укладывая лишь немного бѣлья и платя въ сумку.

Вечеромъ они вышли, будто бы, прогуляться и направились къ заставѣ. Тамъ даже не было сторожа: Лучко распорядился такъ, чтобы вѣхъ разослать подъ разными предлогами.

Ночь была темная, и бѣглецы пошли по дорогѣ, но вскорѣ они набрали на повозку.

Лучко забралъ ихъ къ себѣ, и кони пошли крупною рысью.

На каждыхъ тридцати верстахъ они находили подставы, и днемъ ѣзда ихъ сдѣлалась быстрѣе, такъ что они прибыли въ Переяславль безъ остановокъ.

Экипажъ этотъ, лошадь и Лучко были извѣстны по дорогѣ, и, поэтому, повсюду народъ имъ кланялся, не спрашивая, куда и зачѣмъ они ѣдутъ.

У воротъ Переяславской крѣпости ихъ остановили, но Огаревъ слѣзъ и потребовалъ стрѣлцаго сотскаго. Сотскій его узналъ и тотчасъ впустилъ въ крѣпость.

Григорій Григорьевичъ Ромодановскій находился въ это время самъ въ Переяславлѣ и къ нему направился Огаревъ.

Ромодановскій не былъ изъ искусныхъ воеводъ, но это былъ честный и храбрый солдатъ и, не смотря на суровую свою наружность, имѣлъ доброе сердце.

Онъ обрадовался, увидѣвъ Огарева и жену его въ живыхъ, и просилъ ихъ зайти въ хату, которую занималъ.

Огаревы передали ему о трагической кончинѣ гетмана Брюховецкаго и о томъ, какъ много они выстрадали и какъ теперь спаслись.

Выслушавъ ихъ, Ромодановскій тотчасъ велѣлъ оповѣстить войско о смерти Брюховецкаго и сдѣлалъ, согласно съ этимъ, и другія распоряженія.

Исполнивъ долгъ службы, онъ возвратился и спросилъ Огарева: желаетъ-ли онъ оставаться при немъ и продолжать службу, или не хочетъ-ли ѣхать въ Москву на отдыхъ.

— Не искалъ-ли же я, — отвѣтилъ Огаревъ: — чтобы не продолжать службы царю; а жену мою, бью челомъ, отправить съ стрѣлцевою охраною до нашей Украйны... Да кстати ее проводить туда Лучко.

Ромодановскій согласился и былъ такъ любезенъ, что далъ боярынь свой рыдванъ, съ которымъ она на другой же день уѣхала въ Москву съ Лучкомъ.

Пріѣздъ Огаревой произвелъ здѣсь сильное впечатлѣніе: на боярыню глядѣлъ теремъ какъ на великомученицу, а подвигъ карлика Лучко надѣлалъ сильный шумъ.

Въ тѣ времена карлики не считались мужчинами и двери теремовъ были для нихъ открыты; поэтому боярыни и боярышни полюбопытствовали поглядѣть на это диво.

Огарева упросила Лучко показываться съ нею повсюду, и онъ сдѣлался предметомъ какого-то обожанія: его до крайности малый ростъ, его стройность, его маленькое личико и бѣлыя ручки приводили весь женскій полъ въ восторгъ. Забывали, что онъ двадцати-пяти-лѣтній мужчина, обнимали и цѣловали его и боярыни, и боярышни.

Дошло объ немъ и въ царскій теремъ. Больная въ то время царица Марья Ильинишна, ея дѣти и сестры царя, — всѣ пожелали его видѣть, и Огарева повезла его въ царскія палаты.

Когда вѣсть объ его пріѣздѣ облетѣла дворецъ, въ теремъ тотчасъ явился царевичъ Алексѣй Алексѣевичъ, и

когда увидѣлъ его, такъ сначала залюбовался на него, а потомъ бросился къ нему и началъ его обнимать и цѣловать.

И было дѣйствительно, чѣмъ полюбоваться: его бѣлое лицо и темно-каріе добрые глаза, бѣлые зубы, темно-каштановые шелковистые волосы были въ тѣ времена признакомъ высокой красоты; а одежда его придавала ему еще больше блеска: на немъ былъ черный бархатный казакинъ, шитый серебромъ, припоясанный золотымъ кушакомъ, съ драгоценною пряжкой, — подарокъ покойнаго гетмана, а на ногахъ стучали у него красные польскіе сапожки, съ серебряными шпорами.

Лучко оторопѣлъ сразу, когда царевичъ выказалъ ему столько нѣжности, но оправился и поцѣловалъ его руку.

Царевичъ, овладѣвъ имъ, потащилъ его въ свое отдѣленіе, чтобы показать всѣ свои диковинки: и попугая, и ученаго грача, и дорогое оружіе.

Но вотъ пришли за Лучкомъ, чтобы онъ ѣхалъ съ боярынею домой.

Алексѣй Алексѣевичъ заплакалъ и объявилъ, что не разстанется съ нимъ.

Сначала дядька, а потомъ мать уговаривала его отпустить домой карлика, но царевичъ заливался слезами.

Лучко объявилъ тогда съ важностью, «что онъ готовъ остаться, если на это соизволитъ боярыня Огарева и государь, но съ тѣмъ, чтобы ему разрѣшено было безпрепятственно навѣщать боярыню, такъ-какъ ему поручилъ Огаревъ заботу объ ней».

Огарева, само собою разумѣется, согласилась, а когда дядька доложилъ объ немъ царю, тотъ велѣлъ привести къ себѣ и царевича, и Лучко.

Царевичъ потащилъ его къ отцу: они застали царя въ его комнату.

Поглядѣвъ на Лучко

— Знаешь что, — сказалъ онъ: — всѣ мои карлы, а ихъ перебывало не мало у меня: Ивашка, Федотовъ, Тимошка,

Петръ Семеновъ, Карпъ Рѣдкинъ, Дмитрій Верховецкій. Петръ Бисеревъ,—всѣ они были великаны противъ тебя...

— Да и мой покойный Зуевъ, -- воскликнулъ царевичъ:— тоже былъ противъ него великъ.

— А тебя какъ чествуютъ, молодець, — обратился къ Лучко государь.

— Покойный гетманъ Брюховецкій назвалъ меня Лучкомъ, въ память своего покойнаго брата, а меня зовутъ Никитою Гавриловымъ Комаромъ... Пожалованъ я, великій государь, тобою, когда прїѣзжалъ сюда съ Брюховецкимъ, въ боярскія дѣти.

— Теперь я жалую тебя въ стольники. Пожаловалъ бы тебѣ и шубу съ плечъ моихъ, да такихъ, какъ ты, цѣлый десятокъ упрячешь туда, — улынулся царь: — Ну, доподлинно, ты не Комаръ, а Комарикъ. Будь при царевичѣ, служи ему вѣрно, а за мною служба твоя не пропадетъ.

Онъ подаль ему руку, тотъ ее поцѣловалъ.

Припрыгивая на одной ножкѣ, царевичъ ухватилъ Лучко за руку и повлекъ его къ себѣ.

— Ну, стольникъ Комаръ, — прыгалъ и хлопалъ въ ладоши царевичъ: — будешь ты у меня не стольникъ, а собиный другъ, но...

Онъ нагнулся къ нему на ухо и шепнулъ:

— Но не заточу тебя въ Оерапонтовъ, какъ Никона...

Онъ подбѣжалъ къ клеткѣ попугая и крикнулъ:

— Никонъ! Никонъ!

Погодя нѣсколько минутъ, попугай закричалъ:

— Никонъ святѣйшій патриархъ всея Великія, Малыя и Бѣлыя Руси...

— Гдѣ Никонъ? — продолжалъ царевичъ.

— Бояре заѣли, — крикнулъ грачъ, показавшись изъ-подъ дивана и хлопая крылушками.

— А!... и ты показался? Гляди, галочка, любви моего пѣстуна Лучко... да сапоги его не порти, — расхохотался царевичъ.

Такимъ образомъ, Никита Комаръ устроился у царевича

и получилъ важныя обязанности: ухаживать за попугаемъ и грачомъ.

Жилось ему весело съ царевичемъ: повсюду онъ выходилъ и въѣзжалъ съ нимъ. Но вскорѣ ихъ постигло большое горе: царица стала таять и гаснуть, и наконецъ умерла.

Царевичъ сильно затосковалъ по матери, но слишкомъ часто посѣщался имъ теремъ, подъ предлогомъ посѣщенія ея опочивальни.

Комаръ заподозрилъ не ладное и вскорѣ убѣдился, что онъ правъ: теремъ безощадно развращалъ его.

Честная душа Комара возмутилась и онъ рѣшился объяснить съ царемъ. Не менѣе часа говорилъ онъ Алексѣю Михайловичу, что нужно вырвать царевича изъ теремнаго омута, а потому предлагалъ на лѣто вывести его въ Коломенское село, а теремъ, по его мнѣнію, слѣдовало расселить по другимъ загороднымъ дворцамъ.

Откровенность и честность Комара вызвали большое расположеніе царя къ карлику, и онъ предоставилъ ему дѣйствовать по своему усмотрѣнію.

Когда настала весна, царь, подъ предлогомъ готовящейся перестройки дворца, переселилъ теремъ въ разные подгородныя царскіе дворцы, а Комаръ, съ царемъ и царевичемъ, выѣхали въ Коломенское село.

Чтобы разсѣять царевича, предпринимались путешествія на поклоненіе по монастырямъ, охоты соколиныя и разныя потѣхи звѣриныя, которыя устраивались въ селахъ: Покровскомъ, Хорошовѣ и Танинскомъ.

Но здоровье царевича не поправлялось: онъ хилѣлъ и хилѣлъ, а однажды утромъ, проснувшись и желая встать съ кровати, почувствовалъ, что ноги отказываются ему служить.

Съ каждымъ днемъ эти припадки усиливались, и лицо его приняло какое-то лихорадочное выраженіе, а щеки какъ будто потемнѣли.

Зачастую царевичъ былъ не въ силахъ даже и по комнатѣ пройти. Тогда Комаръ придвигалъ къ окну мягкій диванчикъ и, садясь къ нему, занималъ его разказами о

походахъ Брюховецкаго и о другихъ казачьихъ войнахъ, набѣгахъ и борьбахъ казачьихъ съ поляками и турками.

Алексѣй Алексѣевичъ заслушался его разсказовъ и полюбилъ Малороссію; но вмѣстѣ съ тѣмъ привязался такъ къ Комару, что не отпускалъ его ни на шагъ.

Прошло такъ нѣсколько томительныхъ мѣсяцевъ, и царевичъ сдѣлался тѣнью: глаза впади и худоба у него была поразительна: это были въ полномъ смыслѣ кости да кожа.

Ночью, однажды, проснулся царевичъ и крикнулъ:

— Комарь!...

Проснулся Комаръ и бросился къ нему.

— Комаръ, обними меня... Мнѣ страшно... Развѣ не видишь?... Тамъ въ углу мама... да такая, какъ положили ее въ гробъ...

— Царевичъ, успокойся,—тамъ никого нѣтъ... Въ углу горитъ лампадка, да образъ Божьей Матери...

— Говорю, мама... Ты сказывалъ, лампадка горитъ... ничего не вижу... какъ здѣсь темно... я и тебя не вижу... Какъ душно... открой окно... мнѣ давить въ груди... въ горлѣ... языкъ....

Царевичъ умолкъ и голова его повисла на груди Комара: онъ тяжело дышалъ... Но вотъ, раздался какой-то хрипъ въ его груди, царевичъ конвульсивно сжалъ руки Комара, вытянулся,—и его не стало.

Какъ безумный выбѣжалъ Комаръ изъ комнаты царевича и звалъ на помощь людей. Съѣзжались придворные, врачи, самъ царь, но царевичъ лежалъ мертвый, съ улыбкою на лицѣ.

На другой день погребальная процессія потянулась въ Новоспасскій монастырь, усыпальницу дома Романовыхъ, при печальномъ перезвонѣ всѣхъ московскихъ сорока соколовъ. Вся Москва провожала усопшаго, и за гробомъ шель самъ царь, оплакивая горько нѣжно любимаго имъ сына.

Комаръ убивался больше всѣхъ, и когда хотѣли зарыть могилу царевича, его насилу оторвали отъ гроба.

Когда приставъ Никона, князь Шайспуновъ, объявилъ

ему о смерти царевича Алексѣя, тотъ сильно опечалился и упалъ духомъ: какъ будто съ его смертію рушились и всѣ его надежды, причемъ онъ неосторожно сказалъ:

— Пророчество мое Родіону Стрѣшневу осуществляется: судьбы провидѣнія не исповѣдимы...

XLI.

Стенька Разинъ.

В воеводскомъ домѣ въ Астрахани, сидятъ въ столовой два боярина и, обѣдая, ведутъ бесѣду. Оба сильно озабочены. Оба среднихъ лѣтъ, но загорѣлыя ихъ лица и руки доказываютъ, что они закалены давно въ бою.

Одинъ изъ нихъ брюнетъ, съ карими прекрасными глазами, — князь Прозоровскій, первый воевода астраханскій; собесѣдникъ его, съ такими же волосами и бородою, и съ темно-синими глазами, — товарищъ его, Семень Ивановичъ Львовъ, братъ родной погибшаго подъ Конотопомъ жениха царевны.

— Приѣхали ко мнѣ купцы персидскіе, — рассказывалъ Прозоровскій: — и баяли: Стенька-то Разинъ со своими голутвенными натворилъ бѣдъ персидскому шаху... Погулялъ онъ и разорилъ все отъ Дербента до Баку, а въ Рештѣ предложилъ службу шаху и билъ челомъ: дать-де ему земли для поселенія... Переговоры затянулись, а казаки не въ зачетъ воровали. Взбеленились жители Решта, напали на него въ расплохъ и убили четыреста казаковъ. Стенька отплылъ отъ города, потомъ вновь вернулся, будто бы для покупки товаровъ, и просилъ пустить его лишь на шесть дней. Его пустили и онъ съ товарищами дѣлалъ пять дней закупки, и все свозилъ на свои суда. Рештцы, видя ихъ миролюбіе, забыли о предосторожности, а Стенька на шестой день поправилъ на головѣ своей шапку. По этому знаку казаки бросились на купцовъ: кого убивали, кого побрали въ плѣнъ,

много товаровъ награбили и на своихъ судахъ двинулись жь Свиному острову, гдѣ устроили себѣ зимовлю. Отсюда размѣнивалъ онъ съ персами плѣнныхъ.. Весною нынѣшняго года Разинъ перекинулся на восточные берега моря и погромилъ трухменскіе улусы, но здѣсь же убили его удалаго товарища Серезку Криваго. Шахъ, провѣдавъ это, послалъ на него Менеды-хана, своего сродственника, и тотъ отплылъ къ Свиному острову, съ четырехъ-тысячною ратью... Стенька попалъ на него и потопилъ всѣ суда, и спасся ханъ лишь съ тремя судами, за то полонилъ Стенька дочь и сына хана... Теперь идетъ онъ къ намъ.

— Пущай пожалуетъ: мы и угостимъ его на славу, какъ дорогаго гостя,—улыбнулся князь Львовъ.

— Упаси Боже, — воскликнулъ воевода: — Получилъ я указъ царскій отъ боярина Нащокина: коли-де дадутъ повинную, такъ простить и отпустить на Донъ. Таперь-де и такъ смута въ народѣ: боярскіе люди мутятъ, да и Васька Усъ гдѣ-то шляется по селамъ да по лѣсамъ.

— Какъ великому государю угодно, а я бы того Стеньку да на висѣлицу на первую осину: еще до похода его на шаха онъ по пути, въ Черномъ Яру, ограбилъ, прибилъ да посѣкъ плетями, встрѣтившагося воеводу Беклемишева. Въ Яицкомъ городѣ, обманомъ вошелъ онъ въ городъ, велѣлъ вырыть большую яму, поставилъ у ямы стрѣльца Чикмача и велѣлъ ему вершить *) своихъ же: перваго вершили стрѣлцаго голову Яцыну, а за нимъ сто семьдесятъ человекъ... Остальныхъ онъ отпустилъ въ Астрахань, а тамъ нагналъ и порубилъ ихъ; а изъ твоихъ, княжъ Иванъ Семеновичъ, одного отправилъ онъ въ Саратовъ, а другаго убилъ и бросилъ въ воду. Кажись, воровства много, чтобы его повѣсить.

— Твоя то правда, да такой ужъ указъ: коли принесеть повинную, такъ послать отъ нихъ въ Москву пословъ. Такъ и дѣлай, княже.

*) Рубить головы.

Второй воевода покачалъ только головою и вздохнулъ. Въ это время къ воеводамъ явился митрополичій боярскій сынъ.

— А что?—спросилъ Прозоровскій.

— Ъхалъ я изъ моря,—произнесъ онъ въ попыхахъ:— изъ моря на учугъ, ловилъ рыбу. На меня напалъ Стенька Разинъ, пограбилъ рыбу, а меня отпустилъ, наказавъ: въ море-де не ѣзди...

Не успѣлъ онъ это сообщить, какъ явился персидскій купецъ и объявилъ, что онъ ѣхалъ отъ шаха съ дарами великому государю, но на него напалъ Стенька, пограбилъ все изъ судна, и даже сына его забралъ въ плѣнъ и требуетъ выкупа.

Прозоровскій увидѣлъ, что дѣло становится серьезнымъ, и тутъ же велѣлъ князю Львову выступить противъ Стеньки на тридцати шести устругахъ, взявъ съ собою четыре тысячи ратниковъ.

Увидѣвъ такую грозную и внушительную силу, Стенька Разинъ весь свой флотъ обратилъ въ бѣгство.

Князь Львовъ преслѣдовалъ его болѣе двадцати верстъ, потомъ остановился и послалъ къ Стенькѣ пословъ, что если онъ повинится, такъ онъ объявляетъ ему царское прощеніе.

Стенька поплылъ обратно и отъ войска своего послалъ двухъ выборныхъ къ князю.

Тотъ принялъ отъ нихъ, отъ имени войска, присягу и повезъ ихъ съ собою; Стенька поплылъ за нимъ съ своею флотилією.

25 августа, князь Прозоровскій и князь Львовъ съ духовенствомъ собрались въ приказной избѣ, въ ожиданіи Стеньки Разина.

Вся площадь передъ избою занята была войскомъ, пушками и народомъ.

Къ двѣнадцати часамъ дня, съѣхали на берегъ Стенька съ казаками, съ плѣнными персіанами.

Разинъ шелъ впереди всѣхъ съ бунчукомъ, а одинъ изъ головъ казачьихъ несъ войсковое знамя. Войдя въ избу и

перекрестившись иконамъ, Разинъ положилъ бунчукъ и знамя къ ногамъ и билъ челомъ:

— Великій государь да отпуститъ насъ, холоповъ своихъ, на Донъ, а таперъ бы шестерыхъ выборныхъ изъ нихъ отправить въ Москву бить великому государю за вины свои головами своими.

Оставили воеводы Стеньку и казаковъ его въ Астрахани на свободѣ, а шесть выборныхъ съ донцами отослали въ Москву.

Закутили и загуляли здѣсь голутвенные люди: Стенька, роскошно, ярко одѣтый, звенить не только оружіемъ, но и деньгами.

Казаки расхаживали по городу въ шелковыхъ, бархатныхъ кафтанахъ,—на шапкахъ жемчугъ, дорогіе камни. Завели они здѣсь торговлю съ жителями, отдавали добычу ни по чемъ: фунтъ шелка продавали за 18 денегъ.

А о батюшкѣ своемъ, Степанѣ Тимофеевичѣ, распускаютъ они молву, что онъ прямой батька: со всѣми ласковъ, добръ и ни въ чемъ отказа нѣтъ... И кланялись они ему въ землю и становились на колѣни.

— Вотъ-то молодецъ, — восклицаютъ астраханцы: — и богатырь какой, точно Илья Муромецъ.

— Да и казаки его, — говоритъ другой: — молодцы, — гляди, сколько добра и пенязъ навезли, счету имъ не знаютъ... Погулялъ годикъ да и нажилъ.

— Каждый казакъ, что нашъ голова, — завистливо глядитъ на богато разодѣтыхъ казаковъ стрѣлецъ: — а нашъ братъ изъ-за алтына аль деньги службу служи.

Производитъ это такое впечатлѣніе на народъ, что, кажись, за Степаномъ Тимофеевичемъ пошелъ бы весь онъ и все ищущее голутбы, а тогда тѣ мѣста были полны такого люда.

Да и самъ князь Прозоровскій его честитъ и въ трапезу приглашаетъ, да съ собою рядомъ сажаетъ. Степанъ же Тимофеевичъ ждетъ не дождется возвращенія пословъ изъ Москвы, чтобы развязаться и съ войскомъ своимъ, да съ воеводами.

Наконецъ, возвратились послы и объявили: «По указу царскоиу, казакамъ вины ихъ выговорены, и сказано, что великій государь, по своему милосердному разсмотрѣнію, пожаловаль, вмѣсто смерти, всѣмъ дать имъ животь и послать ихъ въ Астрахань, чтобъ они вины свои заслужили».

Но прощенные и отпущенные изъ Москвы донцы не дошли до Астрахани. За Пейзею, въ степи, за рѣкою Медвѣдицею, они напали на провожавшихъ ихъ стрѣльцовъ, отняли лошадей и ускакали на Донъ...

Нужно было отпустить, по указу царскому, Стеньку на Донъ.

Тотъ сдаль всѣ свои морскіе устрugi, всего 21 штуку; остальные двадцать онъ взялъ съ собою какъ рѣчные струга, — взялъ онъ ихъ, будто бы, для защиты своей отъ крымскихъ и азовскихъ татаръ, — съ обѣщаніемъ возвратитъ ихъ по минованіи надобности. Забралъ онъ тоже съ собою плѣнныхъ персіанъ, и воеводы оправдывали себя передъ Москвою тѣмъ, что они-де боялись: «чтобы казаки вновь шатости къ воровству не учинили и не пристаи бы къ ихъ воровству иные многіе люди».

4 сентября 1669 года было большимъ праздникомъ для князей Прозоровскаго и Львова: они выпроваживали до Царицына Стеньку.

Разинъ выѣзжалъ оттуда не какъ простой атаманъ шайки разбойниковъ, а какъ князекъ независимой страны: рѣчные струги его были нагружены товарами, оружіемъ и пушками, также — разными запасами. Одинъ же устругъ отличался отъ другихъ роскошною отдѣлкою; весь онъ былъ увѣшанъ персидскими коврами, а всѣ снасти были изъ шелка. На устругѣ этомъ находились только гребцы и рулевой, и нѣсколько самыхъ близкихъ къ нему людей. Плѣнные персіане находились на разныхъ другихъ устругахъ. Съ нимъ была дочь Менеды-хана, которую онъ взялъ себѣ въ наложницы. Сидѣла она на бархатныхъ подушкахъ, въ драгоцѣнной одеждѣ, и поражала не столько своими драгоцѣнными камнями и жемчугами, какъ красотою. Была она повелительницею и Стеньки, и всѣхъ казаковъ: всѣ гля-

дѣли ей въ глаза, чтобы отгадать ея мысль, ея желаніе. Бросала она на богатыря, красавца Стеньку, любовные взоры и явно гордилась своимъ счастьемъ, въ особенности при мысли, что, прощенные великимъ государемъ, ѣдутъ они на покой. И мечтаетъ персіянка о томъ, какъ она будетъ счастлива съ нимъ, въ особенности когда пойдутъ у нихъ дѣти... и при этой мысли она чувствуетъ, что у ней внутри что-то бьется... у нея показываются слезы умиленія...

Но Стенька и казаки на радостяхъ, какъ только исчезаетъ изъ ихъ глазъ Астрахань, начинаютъ ѣсть, пить, пѣть и плясать.

Попойка и гульба идетъ нѣсколько часовъ. Но вотъ выступаетъ домрачей и начинаетъ играть и пѣть: всѣ умолкаютъ, а Стенька стоитъ и вслушивается въ пѣсню. Казакъ поетъ:

Ахъ, ты матушка, Волга-рѣченька,
Дорога ты намъ пуще прежняго,
Одарила ты сиротинушекъ
Дорогой парчей, алымъ бархатомъ,
Золотой казной, жемчугами, камнями...
И въ долгу-то мы передъ матушкой
И въ долгу большомъ передъ родненькой...

— Врешь! — кричитъ Стенька:—Много ты мнѣ, матушка Волга, дала серебра и золота, и всякаго добра, надѣлила честью и славою, такъ и я отблагодарю... отдамъ тебѣ, что ни на есть дорогое моему сердцу и люби ты ее, какъ я люблю...

Схватилъ онъ мощными руками ханскую дочь и, пока его товарищи очнулись, онъ бросилъ ее въ волны Волги...

Красавица сразу захлебнулась и пошла ко дну,— а устремъ, разсѣкая волны и покачиваясь, поплылъ быстро вверхъ по теченію, такъ-такъ вѣтеръ дулъ сильно въ паруса...

Отрезвившись на другой день, Стенька ужаснулся своему поступку, возвратился назадъ, самъ бросался въ воду и нырялъ, но по пословицѣ: что въ воду упало, то пропало.

Всѣ прежнія его мечты, что онъ возвратится на Донъ, заживетъ съ братомъ Фроломъ миролюбиво (о женѣ своей,

казачкѣ, онъ не думалъ) и въ семейномъ счастьи, сразу разбились. Онъ сдѣлался мраченъ и запыль.

По дорогѣ они останавливались у сель и по тогдашнему выраженію учиняли дурости и воровства.

Медленно шли они и только къ Покрову подошли къ Царицыну. Приказъ былъ—не впускать казаковъ въ городъ, но у воеводы Унковскаго не было столько войска, чтобы воспрепятствовать Стенькѣ войти, съ его казаками, въ городъ закупить сани, такъ-какъ наступили морозы.

Впустили казаковъ. Чтобы удержать ихъ отъ пьянства, Унковскій велѣлъ продавать водку по двойной цѣнѣ; а когда два казака позволили себѣ грабежъ, онъ задержалъ у одного пару лошадей съ санями и хомутами, у другаго—пищаль.

Казаки прибѣжали къ Стенькѣ, поселившемуся у купца Ѳедьки Сидорова, ходившаго съ Усомъ въ Ѳерапонтовъ монастырь и принесли ему жалобу на воеводу.

Стенька разсвирѣпѣлъ: велѣлъ тотчасъ, чтобы Ѳедька пошелъ съ нимъ розыскивать воеводу.

Съ большою толпою казаковъ двинулись они къ воеводскому двору и стали вламываться въ его палаты. Воевода выскочилъ изъ окна и спрятался куда-то.

Стенька искалъ его по всѣмъ хоромамъ, но не найдя его, отправился въ церковь, гдѣ онъ осматривалъ даже алтарь.

Въ церкви шла обѣдня, и тамъ молилась въ это время купчиха Алена: она стояла на колѣняхъ, дѣлала поклонны, не обращая вниманія на шумъ казаковъ.

— Кто это?—спросилъ Стенька Ѳедюшку.

— Великая черница,—дома расскажу.

Не найдя здѣсь воеводы, Стенька возвратился домой; Унковскій, когда все успокоилось, отправился въ приказную избу.

Не успѣлъ онъ войти туда, какъ явился казачій старшина, запорожець.

Обругавъ онъ воеводу и даже потрепалъ у него бороду; въ это же время появился въ избу Стенька.

Дѣло обошлось довольно миролюбиво: воевода запла- тилъ казакамъ за хомутъ, сани и лошадей, но при этомъ Стенька молвилъ:

— Коль ты станешь впредь нашимъ казакамъ налоги чинить, такъ тебѣ отъ меня живу не быть.

Послѣ этого Стенька возвратился домой и за обѣдомъ выслушалъ рассказъ о великой черницѣ, о грамотѣ къ нему, Стенькѣ отъ Брюховецкаго и какъ они шли съ Усомъ осводить Никона, да тотъ отказалъ.

— Сегодня же, какъ стемнѣетъ, веди меня къ ней, — задумчиво произнесъ Стенька:— Но что бы она не испуга- гась, ты, Ѳедька, пойди и скажи, что я буду къ ней.

— Пушай придетъ, — молвила инокиня, когда Ѳедька явился къ ней:—только одинъ съ тобою, но безъ молодцовъ своихъ.

Вечеромъ Стенька съ Ѳедькою Сидоровымъ прокрады- вались къ дому инокини, и когда постучали въ ворота, имъ открылъ двери Жидовинъ.

Войдя въ избу, Стенька перекрестился иконамъ и по- шелъ подъ благословеніе къ хозяйкѣ. На ней была одежда монахини, на главѣ клобукъ, а на груди крестъ, осыпан- ный драгоцѣнными камнями, — подарокъ царевны Татьяны Михайловны.

— Сатанѣ, водяному, а не Богу служишь ты, — крикну- ла она со сверкающими глазами, отдернувъ руку: — да, водяному. Слышала, какъ бросилъ ты наложницу свою, прекрасную персидскую царевну, въ воду водяному... а се- годня, въ день святой Богородицы, ворвался ты въ алтарь... Да какъ тебя земля выносить... Не благословеніе, а прокля- тіе на твою голову... пушай отнынѣ царевна мучить и пре- слѣдуетъ тебя...

— Стой... молчи... виновать... каюсь... грѣшенъ... И такъ царевна ночью выплываетъ изъ воды и тянетъ ко мнѣ свои синія руки.

Стенька упалъ на колѣни, прильнулъ лицомъ къ полу и зарыдалъ.

— Много нужно для твоего спасенія! — еще съ большимъ жаромъ крикнула иногиня.

— Скажи, что долженъ дѣлать... Роздамъ все, что имѣю... пойду ко гробу Господню... на Иордань... Пострижусь... въ чернецы пойду...

— Не отмолишь этимъ грѣховъ, а долженъ ты положить душу свою за овцы.

— Прикажи...

— Стонетъ по всему царству, отъ Урала до Смоленска, отъ Соловокъ до Кіева, вся русская земля... Боярскіе люди точно овцы, а бояре помѣщики — точно звѣри лютые: пьютъ и сосутъ они кровь христіанскую, бьютъ холоповъ и батогами, и кнутами, кожу съ нихъ сдираютъ... А земля и душа Богомъ даны... Коль хочешь искупленія, такъ подыми знамя черной земли, иди освобождать угнетенныхъ и уничтожать притѣснителей, — и тогда ты положишь душу за овцы.

— Положу я и голову, и душу за нихъ, только прости и благослови, великая черница...

— Клянись! Вотъ крестъ, — и она сняла съ груди крестъ.

— Клянусь святымъ Богомъ и Богородицею, — и онъ поцѣловалъ крестъ.

— Прощаю и благословляю тебя...

Стенька поднялся и, сильно потрясенный, возвратился домой.

Вскорѣ Стенька объявилъ себя противъ государства: изъ Москвы въ Астрахань ѣхалъ сотникъ съ царскими грамотами. Ночью казаки напали на устругъ, пограбили его а царскія грамоты бросили въ воду.

Отъ него требовали, чтобы онъ выдалъ бѣглыхъ крестьянъ бывшихъ въ его отрядѣ. Онъ отказалъ.

Узнавъ объ этомъ, князь Прозоровскій послалъ къ нему съ тѣмъ же требованіемъ:

— Какъ ты смѣлъ прійти ко мнѣ, собака, съ такими рѣчами, — крикнулъ онъ посланному: — Чтобъ я выдалъ друзей своихъ?! Скажи воеводѣ, что я его не боюсь, не боюсь и того, кто повыше его. Я увижусь и рассчитаюсь съ воеводою. Онъ — дуракъ, трусь! Хочетъ обращаться со

мною какъ съ холопомъ, а я прирожденный вольный человекъ. Я сильнѣе его: я расплачусь съ этими негодяями...

На другой день онъ двинулся на Донъ, гдѣ онъ уже прежде сдѣлалъ себѣ Земляной городокъ между Кагальниковымъ и Ведерниковымъ; перезвалъ онъ сюда изъ Черкаска брата Фрола и жену свою.

Сталъ сзывать онъ къ себѣ людей, и въ ноябрѣ при немъ ужъ находилось около трехъ тысячъ человекъ.

Весною 1670 года, онъ явился въ Черкасскъ и почти овладѣлъ имъ: никто ничего не могъ съ нимъ подвѣлать; отсюда онъ двинулся въ городъ Паншинъ, куда привелъ ему голутвенныхъ Васька Усь.

Собралось около батюшки Степана Тимоѣевича около семи тысячъ, и онъ объявилъ: идти вверхъ по Волгѣ подъ государевы города, выводить воеводъ и идти въ Москву противъ боярѣ.

Вскорѣ загорѣлся мятежъ по всему востоку Руси и слышались въ пожарищахъ, въ дыму, пламени и кроволитіи имена Никона и царевича Алексѣя.

Но на побоищѣ олышалось не одно лишь имя Стеньки было еще нѣсколько другихъ, изъ которыхъ не менѣе грѣмѣли имена: Харитоновъ, Федьки Сидорова и Алены, еретички-старички.

Шли даже слухи, что Никонъ съ царевичемъ да съ батюшкою Степаномъ Тимоѣевичемъ идутъ освобождать крестьянъ и наказывать воеводъ и боярѣ.

Хотѣлъ Стенька положить голову свою за овцы, но образъ несчастной персіянки не оставлялъ его, и онъ, отвергнувъ бракъ, вѣнчалъ казаковъ, обводя ихъ съ невѣстами вокругъ дерева, причемъ пѣлись только свадебныя пѣсни.

— Коли я, да атаманъ, совершилъ такой грѣхъ, — думалъ онъ: — тагъ пуцай мы всѣ грѣшны.

Когда же боярство узнало, что въ лагерѣ Стеньки проносится имя Никона, они передали объ этомъ царю, и Никона еще крѣпче стали запираеть въ келью и разобщили отъ всего свѣта.

XLII.

Наталья Кирилловна Нарышкина.

Послѣ смерти царицы Ильинишны, хозяйкою царскаго терема сдѣлалась царевна Татьяна Михайловна.

Царскія дочери имѣли въ это время слѣдующій возрастъ: Евдокія — двадцати двухъ, Марѳа — шестнадцати, Софія — двѣнадцати, Екатерина — десяти, Марія — девяти, Феодосія — шести лѣтъ.

Старшія дочери усопшей и сама царевна Татьяна были противъ новаго брака царя, вотъ почему на новый годъ т.-е. 1-го сентября 1669 года, она имѣла слѣдующій разговоръ съ Анною Петровною Хитрово, мамою новаго наследника престола Феодора.

— Слышала ты новость, — говорила раздраженно царевна: — братецъ затѣялъ женитьбу. Смотрины назначилъ къ февралю... племянницы мои ревмя плачуть: дескать, не хотимъ мачихи. Покойная матушка говаривала: коль будетъ мачиха, добра не ждать.

— Да вѣдь, царь-то не Богъ знаетъ какъ старъ, — молвила уклончиво Хитрово: — ему и сорока нѣтути... а кровь такъ и брызжетъ изъ щекъ...

— Оно-то такъ, да не къ слову, ужъ очинно онъ разжирѣлъ, обрюзгъ, да и брюшко отпустилъ, — вздохнула царевна: — Люблю-то и я его безъ души, да чего боюсь: кабы къ нему не влѣзъ тестигъ облыжный. Братецъ мой покладистъ; ну, и учнетъ всѣмъ ворочать, да и сживетъ всѣхъ нашихъ родственниковъ со свѣту, а мачиха загрызетъ и племянниковъ, и насъ съ тобою, Анна Петровна.

Была это святая правда, но Анна Петровна смолчала и только произнесла, крестясь набожно:

— Съ нами силы небесныя.

Помолчавъ не много, Татьяна Михайловна взяла ее за руку и сказала.

— Ты, Анна Петровна, теперь наша мать, и на душѣ твоей будетъ грѣхъ, коли намъ не поможешь. Коли будутъ смотрины, ты учини такъ, чтобы царю ни одна не была годна...

— Учинить-то учинимъ, да и у тебя царевна все въ рукахъ: хозяйка ты теперь въ теремѣ, а царь души въ тебѣ не слышитъ.

— Боюсь я, что тутъ не послушается... Гляди, все боярство поднялось и прищлютъ они видимо не видимо невѣсть.

Этимъ окончился ихъ разговоръ, но обѣ приняли тайное намѣреніе постараться, во чтобы то ни стало, если не разстроить свадьбы, то, по крайней мѣрѣ, отложить ее на неопредѣленное время.

Татьяна Михайловна, однако же, отгадала: съ Покрова до февраля явилось въ Москву на смотрины восемьдесятъ невѣсть. Въ Золотой Царицыной палатѣ ихъ осматривали и всѣ онѣ не попали на верхъ.

Ликовалъ и торжествовалъ теремъ, и считалъ ужъ побѣду за собою, какъ, совсѣмъ неожиданно, Матвѣевъ привезъ изъ своего дома воспитанницу свою, Наталью Кирилловну Нарышкину, съ указомъ великаго государя: безъ смотрины-де взять ее на верхъ, т.-е. какъ кандидатку на невѣсты.

Наталья Кирилловна произвела сильное впечатлѣніе на теремъ: стройная, какъ тополь, съ черными выразительными умными глазами, съ темно-каштановыми волосами, съ прекрасными зубами и немного смуглымъ лицомъ, не набѣленная и не нарумяненная, въ возрастѣ ужъ возмужалая, т.-е. за двадцать лѣтъ, она была необыкновенно эффектна.

Сдѣлайся она, въ обыкновенномъ порядкѣ, по избранію терема, царскою невѣстою, она стала бы его идоломъ, а тутъ, никѣмъ незнаемая, худородная, да еще воспитанница худороднаго Матвѣева, она встрѣчена на верху верховыми боярынями и всѣмъ теремомъ хотя вѣжливо, но сухо.

— Вотъ-то напасть,—кипятилась царевна Татьяна Михайловна, зазвавъ въ тотъ же день къ себѣ Хитрово:—съ этой-то стороны и не ожидала я... Спрашивала брата, а

тотъ говорить: «Знаю я еще изъ-подъ Смоленска Наташу... На рукахъ ее носилъ въ лагерѣ... Потомъ изъ виду упустилъ. А теперь захворалъ Артамонъ Матвѣевичъ и я его посѣтилъ... Гляжу, а за нимъ ухаживаетъ дѣвица въ покрывалѣ. Кто она?—спрашиваю я; а онъ въ отвѣтъ:—Помнишь, великій государь, дѣвчурку Наташу въ смоленскомъ лагерѣ,—вишь какая выросла. Ну, говорю, хочу я чествовать ее... Ушла Наташа, принесла серебряныя чарки да заморскаго вина, ну и чествовалъ я ее: въ ноги поклонился да облобызались... Какъ подняла она покровъ, такъ сердце мое забилось и выскочить хотѣло, а въ ухахъ точно кто шепчетъ: это твоя судьба, самъ Богъ ее послалъ».

— Коли судьба, такъ Богъ благословить, — молвила Анна Петровна.

— Ахъ, Анна Петровна, покладиста ты стала; а по моему, коли восемьдесятъ невѣсть спустили, да почище смолянки, такъ и ее сплавить-то надоть.

— Коли твоя воля царевна... но какъ-то и сплавить?

— А вотъ, ты сходи въ Вознесенскій монастырь, да скажи—по моему указу, да пушай-де старица Егакова привезетъ ко мнѣ сиротку Авдотью Ивановну Бѣльеву, да поскорѣй.

— Слушаюсь, царевна, сейчасъ же туда.

— Да зайди къ царю и проси, пушай-де послѣ трапезы ко мнѣ пожалуетъ.

— Безпремѣнно найду. Твоя воля.

Послѣ обѣда Татьяна Михайловна сидѣла въ своей приемной на диванѣ, а противъ нея стояла Бѣльева. Какъ воспитанница монастыря, она была въ одеждѣ бѣлицы.

Царевна разспрашивала ее о родителяхъ, родственникахъ и чѣму училась.

Въ это время вошелъ государь и съ минуту стоялъ въ недоумѣннн: передъ нимъ находилось какое-то не земное существо... Никогда еще въ жизни своей онъ не видѣлъ такой красавицы: темносиніе глаза, коралловыя губки, свѣжее и, вмѣстѣ съ тѣмъ, необыкновенной бѣлизны лицо, хотя

серьезное, но доброе и ангельское; къ этому присовокупите стройность и формы вполне здоровой и крѣпкой природы.

Бѣлица зарумянилась и опустила покрывало.

— Ты, сестрица, звала меня?— произнесъ смущенно государь.

Царевна сдѣлала знакъ, чтобы бѣлица удалилась. Сдѣлавъ низкій поклонъ царю, она вышла.

— Кто это?— спросилъ царь.

Татьяна Михайловна объяснила ему, кто—она, ея родители и родственники.

— Призвала я ее въ теремъ,— закончила царевна:— чтобы оставить ее наверху, какъ одну изъ невѣстъ тебѣ.

Алексѣй Михайловичъ еще болѣе смутился.

— Благодарю тебя, сестрица,— сказалъ онъ:— но я рѣшился... Зачѣмъ набирать...

— Свершить надоть обычай,— сухо возразила царевна:— Скажутъ, женили-де царя зря. Притомъ, воля твоя: отослать можно. Одно лишь скажу, коль ты ее не захочешь, такъ отдаришь потомъ парчею, а суженой дашь ширинку да кольцо.

— Зачѣмъ отсылать теперь, пушай остается... а тамъ, какъ Богъ благословитъ ...

Онъ вышелъ.

Зажили наверху, въ теремъ, у царевенъ обѣ невѣсты, и тѣ устраивали, чтобы царь могъ видѣть то ту, то другую.

Но Бѣлева не хотѣла показываться безъ покрова, а Наташа напротивъ: привыкнувъ въ Смоленскѣ, гдѣ она жила съ своею семьею, быть безъ покрывала, охотно показывала царю свое лицо.

Нащокинъ въ это время тоже не дремалъ: не хотѣлось ему, чтобы царь женился на дѣвицѣ, покровительствуемой Матвѣевымъ, и вотъ, появился на Постельномъ царскомъ крыльцѣ пасквиль, прибитый къ дверямъ.

Въ письмѣ говорилось, что Наталья Кирилловна любовница Матвѣева. Постельное крыльцо ежедневно посѣщалось и дворянами, и жильцами, и даже боярами и окольныхчыми, и инымъ людомъ, являвшимся за новостями и сплетнями.

Не удивительно, что пасквиль былъ всѣми прочтенъ, но его сорвали и доставили къ царю.

Гнѣвъ царя не имѣлъ мѣры и границы: приказалъ онъ доподлинно розыскать, кто виновникъ безобразія, и, по обыкновенію, многіе были схвачены и пытаны, а истинныхъ виновниковъ не раскрыли.

Вспомнилъ при этомъ государь, какъ разстроили счастье его съ Евѣиміею Всеволожскою и какъ, въ послѣдствіи, раскрылось, что мнимая ея болѣзнь произошла отъ тѣсной куроны. -- и онъ еще пуще злобился и волновался.

— Коли такъ,—говорилъ онъ:—учиню я иное... Теперь вся Москва говоритъ ужъ о Наташѣ Богъ-знаетъ что; такъ, коли я теперь да на ней женюсь, они скажутъ, что я-де покрылъ ея грѣхъ... Мы и погодимъ. Пуцай она поживетъ здѣсь годъ, такъ и Москва тогда умолкнетъ: въ годъ покажется есть-ли за нею грѣхъ, аль нѣтъ. А Евѣимію поддержали три дня да увезли въ Сибирь... Нѣтъ, теперь поумнѣлъ.

Съ этими мыслями онъ отправился къ царевнѣ Татьянѣ Михайловнѣ: ему хотѣлось знать ея мысли.

Сестра его ходила тоже возмущенная по своей комнатѣ. Когда государь вошелъ къ ней, она, послѣ первыхъ пріѣтствій, воскликнула:

— Такой мерзости я не ожидала... По правдѣ, не по сердцу мнѣ твоя Наташа... но такой гадости я не ждала:— опозорили дѣвицу передъ цѣлымъ міромъ... Хотѣли учинить ей что ни на есть злое, такъ пуцай сказали-бъ: болѣзнь въ ней какая ни на есть, аль зла, аль глупа, а то—полюбовница Матвѣева. Еще что бы они выдумали, злодѣи... Да вѣдь здѣсь умыселъ: опозорить-де ее такъ, что царь самъ не женится.

— Это-то правда... Что-де и бояре и патриархъ скажутъ? Коли у попа жена да опозорена, такъ по ихнему и попъ не попъ, и его отлучаютъ отъ священства, аль отъ службы.

— Глупости однѣ, вотъ что скажу я тебѣ, братецъ... Коли повлепъ, такъ и не пристанетъ... Коли чиста твоя

Наташа, такъ по мнѣ—женись: снимется и поклепъ, коли сдѣлается царицею.

— Да баяла ты, что она тебѣ не по сердцу.

— Не мнѣ же жить съ нею, а тебѣ; а коли сдѣлается царицею, и я любить стану.

— Такъ чтожь по твоему,—улыбнулся царь:—По рукамъ да въ баню.

— Нѣтъ, братецъ. Ужь ты погоди годикъ, такъ замажешь всѣмъ рты... А тамъ... понимаешь, коли благополучно... такъ я и сама сведу въ баню... А въ годъ приглядись и къ Наташѣ, и къ Авдотьюшкѣ.

— Молодецъ ты у меня, а не дѣвка,—обнялъ и поцѣловалъ ее царь.

Проходилъ почти годъ, Алексѣй Михайловичъ былъ въ сильныхъ хлопотахъ весь 1670 годъ: онъ перестраивалъ всѣ загородные дворцы,—въ Коломенскомъ онъ сооружалъ новыя хоромы, изящныя по архитектурѣ и русскому стилю, а внутри онъ отдѣлывалъ ихъ разною работою и позолотою; Преображенское и другія села тоже отдѣлывались, и повсюду иностранцы устраивали сады, парки, цвѣтники.

Дѣлалъ царь много движенія, чтобы не много спустить, какъ онъ говаривалъ, жиру, а потому особенно усердно занялся псовой охотою.

Политическія дѣла были тоже благоприятны: малороссы рѣзались межъ собою и русскіе вслѣдствіе этого вновь укрѣпились въ восточной ея части, сдѣлавъ имъ уступки, то-есть—уничтоживъ тамъ воеводскія и боярскія начала. Это же дало возможность царю отдѣлать часть войска, для усмиренія мятежа Стеньки Разина.

Казна, повтому, стала вновь обогащаться сборами съ Малороссіи, да и царь вновь почувствовалъ себя на твердой почвѣ, хотя мятежь Стеньки не былъ еще подавленъ.

Прошелъ годъ со времени пасквилья, прибитаго на Постельномъ крыльцѣ и ничего не оказалось.

Въ этотъ же годъ Алексѣй Михайловичъ успѣлъ наглядѣться на Наташу, а отъ Бѣляевой не могъ добиться, чтобы сняла покрывало.

Объ ему нравились, и его взяло раздумье: ужъ кого выбрать?... объ хороши, молоды, здоровы.

Приметь онъ рѣшеніе о Наташѣ, жаль ему становится Авдотьюшки, и обратно. При прежнихъ же отношеніяхъ мужчинъ къ женщинамъ, обычай не допускалъ сближенія половъ, посредствомъ разговоровъ, а потому объ умѣ и сердцѣ ихъ и помину не могло быть; а чужая душа—потемки, да чтобъ узнать человѣка, не одинъ пудъ соли нужно съѣсть съ нимъ.

Раздумываетъ такъ часто государь и не знаетъ, какъ ему принять окончательное рѣшеніе; а тутъ нужно же рѣшиться: назначенъ ужъ день, когда царю должны въ Золотой Царицыной палатѣ представить невѣсть, для врученія имъ избранной ширинки и кольца, послѣ чего онъ избранницу взведетъ на царицынъ тронъ и наречетъ ее царицею.

Спрашивалъ онъ какъ-то царевну Татьяну Михайловну, а та махнула рукою и молвила:

— Выбирай по сердцу, а я коль скажу, такъ потомъ пенять будешь. Миѣ что? Лишь бы ты счастливъ былъ да любилъ жену.

Ушелъ онъ къ себѣ: а нельзя не рѣшиться, завтра нужно кончить дѣло...

Въ то время, какъ онъ въ такомъ раздуміи рассказываетъ по своимъ хоромамъ, къ нему входитъ Лучко.

— Что, Комарикъ, скажешь?

— Да вотъ, великій государь, моя челобитня: пожаловалъ бы-де меня, великій государь, да дозволилъ бы жениться на стольницѣ царевны Татьяны Михайловны, Меланьѣ. Она тоже небольшая.

— Какъ? Тебѣ, Комарику, да жениться...

— Ужъ дозвожь, великій государь. И мои Комаришки служить будутъ и твоему царскому величеству, да и дѣткамъ твоимъ. Полюбились мы съ Меланьюшкою и жить-то не можемъ другъ безъ дружки... Умница она, а сердце—душа, не человѣкъ; говоритъ, какъ по писанному.

— Счастливъ ты, Комаришка, что съ невѣстою-то побалагурить можешь, да узнать и сердце ея, и ра-

зумъ. Вотъ намъ, такъ и невозможно: таковъ обычай... А съ моими-то невѣстами говариваль ты?

— Какъ не говорить: по цѣлымъ часамъ аль я рассказываю, аль—онѣ.

— Ктожь изъ нихъ добрѣе, сердечнѣй да умнѣй?

— Доброта-то у Авдотьюшки необычная, а у Наташи—палата ума... бойкая...

— Ктожь тебѣ больше нравится?...

— Прости, великій государь, ая-то трыпогъ не люблю... хошабъ и Авдотьюшка: плачетъ, коль воробышекъ изъ гнѣздышка упадетъ:—Точно, сердце у нея доброе... да разумомъ-то слабенька: вѣдь сотни-то ей не счесть и не сообразить. Иной разъ толкуешь ей о разныхъ порядкахъ цѣлый часъ, а она ни въ зубъ, и коломъ-то не втешешъ ей. Ино дѣло Наташа: смекалка необычная. Намекнешь-ли, она не токмо лишь пойметъ, но и дальше метнетъ. Коли по красотѣ, такъ далеко ей до Авдотьюшки,—та точно ангелъ небесный. За то, сколько разума въ глазахъ, да и во всемъ лицѣ Наташи: вся-то ея душа и умъ въ немъ. Какъ же, великій государь, соизволишь ты пожаловать меня, да разрѣшишь жениться.

— Можешь, и пуцай свадьбу справятъ здѣсь. А тебѣ, за честное слово твое, спасибо.

Ушелъ Лучко, а царь пошелъ въ свою крестную и горячо молился.

На другой день въ Золотой палатѣ собрались всѣ боярыни, родственницы и придворные.

Царь сидѣлъ въ особенно приготовленномъ ему креслѣ, и было только двое невѣстъ. На столѣ, съ боку кресла, лежалъ кусокъ парчи, ширинка и на ней кольцо.

Ввели обѣихъ невѣстъ: Бѣльева, въ бѣломъ блестящемъ нарядѣ невѣсты, была еще болѣе ослѣпительно прекрасна, а Нарышкина много потеряла: лицо ея не подходило къ этому костюму.

Боярыни всѣ ахнули, взглянувъ на Бѣлеву и стали впередъ шептаться: куда-де устоятъ Нарышкиной.

Первую подзываютъ къ царю Бѣлеву.

Величественно она подходит къ нему и становится на колѣни. Красота ея сильно его поражаетъ. Онъ колеблется, медлитъ и жадно на нее глядитъ.

Сердца всѣ замираютъ и слѣдятъ за рукою царя.

Онъ подымается и, взявъ ширинку, съ минуту стоитъ въ нерѣшимости... Но вотъ онъ кладетъ ее назадъ,—и парча очутилась въ рукахъ Бѣляевой. Ошеломленная, та цѣлуетъ его руку, встаетъ и отправляется на свое мѣсто.

Натальѣ Кирилловнѣ становится дурно: она не ожидала сдѣлаться побѣдительницею. Такою красавицею показалась ей Бѣляева, что она сама дала ей первенство.

Шатаясь, подходитъ къ царю Наташа и становится на колѣни.

Царь подаетъ ей ширинку и кольцо.

Она цѣлуетъ его руку и истерично начинаетъ рыдать.

— Успокойся Наташа,—произноситъ Алексѣй Михайловичъ взволнованнымъ голосомъ и, взявъ ее за руку, подымаетъ съ колѣнъ и ведетъ на престолъ царицы:—Отнынѣ произноситъ онъ громко:—ты нарекаешься царицею Натальею Кирилловною, а предъ мясопустомъ Господь Богъ соединитъ насъ передъ алтаремъ..

Межъ боярами раздался шопотъ и ропотъ:

— Околдовали царя... Дали ему приворотный камень...

— Покрывало сбрасывала,—шипѣла одна.

22 февраля 1871 года, царь Алексѣй отпраздновалъ торжественно свою свадьбу, и въ день свадьбы Матвѣевъ и отецъ Наташи возведены въ бояре.

Нащокинъ вскорѣ получилъ отставку и мѣсто его занято Матвѣевымъ.

Не вынесъ такой обиды гордый и надменный Нащокинъ и, нѣсколько лѣтъ спустя, поступилъ въ монастырь.

За то день свадьбы былъ радостенъ для Лучка. Женившись за годъ передъ тѣмъ, онъ въ этотъ день праздновалъ рожденіе сына Ивашки. Маланья родила ему такого же крошку, какъ и онъ самъ, и онъ, прыгая на одной ногѣ, пѣлъ:

— Ивашка Комарикъ! Ивашенька душечка! Ивашка

родненькій!... Ну, ужъ Маланьюшка, скажетъ тебѣ спасибо царь...

— Отчего же царь?—недоумѣвала Маланья.

— Да вѣдь это хлопчичекъ царскій, не нашъ...

И Лучко прыгаль, вертѣлся, цѣловаль родильницу и дитя.

XLIII.

Облегченіе участи Никона.

Бодъ женитьбы былъ радостенъ и счастливъ для царя Алексѣя Михайловича: восточная Малороссія окончательно умиротворилась, а западная, принявъ подданство султана, дала ему возможность не возвращать Кіева Польшѣ и даже надѣяться на присоединеніе къ себѣ и этой части.

Мятежъ же Разина тоже утихаль, по милости побѣдъ царскихъ войскъ.

Въ декабрѣ князь Юрій Долгорукій тѣснилъ Темниковъ. 4 декабря, за 2 версты отъ города, встрѣтили его темниковцы и обѣщались ему выдать попа Савву и восемнадцать человекъ воровскихъ крестьянъ, да и сподвижницу Ѳедьки Сидорова, Алену, вора-еретика старицу. Приказалъ Юрій Долгорукій изготовить висѣлицу и срубъ, и повѣситъ велѣлъ до свѣта попа и крестьянъ, а въ срубъ сжечь Алену...

Схватили Алену и повлекли въ земскую избу, и поставили сильный караулъ.

Мама-Натя начала готовиться къ смерти. Радостно ей было, что она умираетъ за Никона и за крестьянство, т.е. за его идею. Молилась она горячо... горячо... и представилось ей все ея прошедшее: и счастливая ея жизнь въ Нижнемъ, и Хлопова, и дѣти ея... потомъ промелькнулъ величественный образъ Богдана Хмѣльницкаго,—тоже сражавшагося за крестьянство... потомъ пред-

ставился образъ Стеньки,—и она невольно вздрогнула, вспомнивъ смерть персидской царевны... Но не жалѣла она о жизни: послѣ низложенія Никона, она перестала вѣрить въ правду на землѣ, и омерзительны сдѣлались въ глазахъ ея всѣ власть имущіе.

— Да и чего-то мнѣ, старухѣ, жалѣть о жизни? Вотъ Савва, тотъ молодой, да и молодую жену имѣеть, и того завтра на висѣлицу... Да говорятъ, собирается онъ на смерть какъ на пиръ. Сказываютъ: князь Долгорукій говорилъ де ему: «повинись и жизнь дарую», а тотъ: «каются грѣшники, а я душу кладу за овцы».

Такъ думаетъ она, но сердце ея вдругъ замираетъ... дверь избы отворяется... Это пришли за нею... схватываютъ ее мощныя руки... влекутъ ее изъ избы, а на ея мѣсто бросаютъ что-то тяжелое.... Ночь темна... ее садятъ въ сани, и лошади мчатся...

На другой день до разсвѣта, собирается за городомъ народъ, войска, привозятъ попа Савву и крестьянъ, и казнять ихъ, а срубъ сожигаютъ съ Аленою...

Крестясь и молясь, расходится народъ. Объ этомъ доносится въ Москву, и тамъ у бояръ радость неописанная: попа-де повѣсили, а колдунью-де сожгли.

Наконецъ получена вѣсть о полоненіи донскими казаками самого Стеньки и о томъ, что онъ ужъ на пути въ Москву.

6 іюня 1671 года, въ Москвѣ было зрѣлище, не виданное ею со времени казни боярина Шеина: готовилось исполненіе приговора о четвертвованіи Стеньки Разина.

Царь и дворъ отсутствовали: они находились въ загородныхъ дворцахъ.

Съ самаго ранняго утра лобное мѣсто было ужъ занято народомъ и войсками; а въ девять часовъ показалась повозка, на которой сидѣлъ преступникъ и заплечный мастеръ. Стенька былъ спокоенъ и кланялся по обѣ стороны съ такою важностью, какъ будто это было торжественное шествіе для его прославленія: онъ шелъ положить голову за овцы.

Народъ былъ безмолвенъ и мраченъ.

Когда взвели преступника на помость, онъ поцѣловалъ крестъ, который подалъ ему священникъ и поклонился во всѣ четыре стороны. Онъ хотѣлъ говорить, но барабаны ударили и заглушили его голосъ.

Стенька снова поклонился народу, подошелъ, къ плахѣ и положилъ на нее правую руку:—палачъ ее отсѣкъ. Безъ всякихъ криковъ Стенька положилъ на тоже мѣсто другую руку:—ее тоже отсѣкли. Потомъ его схватили, отсѣкли ему ноги,—а тамъ ужъ положили на плаху и отрубилъ голову.

Затѣмъ, когда палачъ схватилъ голову за волосы, показалъ народу и далъ ей оплеуху, громкій крикъ негодованія и угрозы народа были ему отвѣтомъ.

Гробъ, въ который положено было тѣло, провожала до кладбища огромная масса народа, а палача осаждали, чтобы онъ продалъ части одежды казненнаго. Самое дерево, на которомъ казненъ Стенька кусочками разобрано, какъ какая-нибудь святыня.

За то государство успокоилось: крестьянскій мятежъ потушенъ и бояре получили возможность окончательно закрѣпить народъ. Стенька Разинъ, однакожь, далъ имъ урокъ: они сдѣлались съ своими холопами человѣчице.

Алексѣй же Михайловичъ, съ прекращеніемъ смуты, совершенно измѣнился: онъ повеселѣлъ, и подвижная и игривая Наталья Кирилловна, вмѣстѣ съ Матвѣевымъ, начали занимать царя свѣтскимъ пѣніемъ, музыкою и готовили комедійныя дѣйствія.

Матвѣевъ изъ своей дворни образовалъ цѣлый оркестръ: трубачей, накрачей, сурначей, литаврщиковъ и набатчиковъ, и увеселялъ царя, а органисты играли на органахъ разныя народныя пѣсни.

Въ селѣ же Преображенскомъ строились комедійныя хоромы, то-есть театръ, гдѣ должна была быть поставлена 17 февраля 1672 года драма «Эсѳирь», подъ руководствомъ режиссера Яна Готфрида Грегора.

Жилось, такимъ образомъ, весело при дворѣ.

Что же дѣлалъ въ это время святѣйшій старецъ?..

Болѣе трехъ лѣтъ сидѣлъ онъ въ полномъ заточеніи. Маленькая келья его, въ одно окошечко, черезъ которое едва-едва проникалъ свѣтъ, не давала ему возможности ни пройтись, ни достаточно имѣть воздуха. Лѣтомъ въ этомъ застѣнкѣ, было душно и жарко, а зимою, изъ трещинъ печки, выходило столько дыму, что не рѣдко Никонъ задышался.

Единственное движеніе ему разрѣшалось дѣлать, такъ это ходить въ трапезную, гдѣ онъ ѣлъ изъ общаго котла со всѣми служителями монастыря. Сдѣлался у него скорбуть и цынга, да десны пухли, такъ-что онъ ничего ѣсть не могъ; ноги отъ отеки распухли, глаза отъ дыма сильно страдали, такъ-что старецъ началъ плохо видѣть, и ему показалось даже, что у него сдѣлались бѣльмо.

Никого къ нему не пускали, и онъ три года никого не видѣлъ, ни съ кѣмъ не говорилъ; продавать или покупать что-либо, ему воспрещено было.

Крестъ отъ него отобрали, и на немъ не было его ужъ четвертый годъ. Одежда и обувь на немъ изодрались, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ виднѣлось голое тѣло, такъ-что въ послѣдній годъ, ему стыдно было посѣщать трапезную.

Тоскуя въ одиночномъ заключеніи, не имѣя ни книгъ, ни бумаги, ни чернилъ, чтобы развлечься, изнывая отъ отсутствія воздуха и движенія, и отъ разобщенія съ цѣлымъ міромъ, онъ и молился, и плакалъ, но не рѣдко онъ приходилъ въ ярость,—и тогда гремѣли проклятія. Но вотъ, однажды онъ проснулся и почувствовалъ, что лѣвая рука у него безъ движенія,—съ нимъ сдѣлался ударъ.

Съ этого времени ему начали являться видѣнія: то ему казалось какая-то черная птица къ нему летаетъ, то демоны не давали ему спать и тащили съ него одѣяло или били его, то бѣсы, въ видѣ кирилловскихъ монаховъ, являлись къ нему, грозясь всякими злобами,—то показывались они въ видѣ чудовищныхъ звѣрей, то птицами—какими-то чудными, гигантскими *).

*) Историкъ Соловьевъ, желая во что бы то ни стало чернить и бросать въ Накона грязью, простираетъ свое пристрастіе до того, что даже и эти галлюцинаціи ставитъ въ укоръ великому чловеку (стр. 390, т. XI „Истор. Рос-

Никонъ явно шелъ къ полному сумашествію... Сдѣлалось-ли жаль старца тюремщику, или же онъ получилъ изъ Москвы приказаніе, но къ рождеству 1671 года, онъ далъ Никону перья, бумагу и чернила, чтобы тотъ написалъ царю письмо.

Въ письмѣ этомъ Никонъ описывалъ все, что съ нимъ происходило въ Ферапонтовомъ монастырѣ; потомъ разсказалъ о болѣзняхъ своихъ и недостаткахъ, и въ концѣ просить его дать кого-нибудь ему въ услуженіе: «Ослаби ми мало да почію, преже даже не отъиду, прошу еже жити ми въ дому Господнѣ, во вся дни живота моего».

Получивъ это письмо, государь зашелъ къ Натальѣ Кирилловнѣ и прочиталъ ей.

Наталья Кирилловна прослезилась и сказала:

— Если Никонъ опасенъ, такъ окружить монастырь солдатами, аль стрѣльцами, но зачѣмъ лишать его воздуха и движенія. Три года заточенія!—это ужасно... И позоръ для насъ, что онъ ободранъ и оборванъ. .

— Что же по твоему, Наташа?

— А то, что пошли къ нему Родіона Лопухина, — это бравый и правдивый человекъ. Онъ узнаетъ все на мѣстѣ и устроитъ старца. Не знаю, отчего не допускать къ нему людей? Покуда Стенька Разинъ былъ въ полѣ и воровалъ,—иное дѣло. Таперь онъ казненъ, восточныя области умиротворены и нѣтъ никакой опасности. Почто держать старца въ заперти? Чтобы проклиналъ тебя, меня, да...

Она покраснѣла.

— Будущаго младенца,—докончилъ царь, обнимая и цѣлуя ее.

сiv⁴). «Скорбь,—говоритъ сей quasi-психологъ:—располагаетъ мягкія натуры къ уединенію, къ жизни внутренней, созерцательной, натуры же безпокойныя становятся отъ скорби еще безпокойнѣе». Если бы мягкая натура Соловьева выдержала въ казематѣ три года, то посмотрѣли бы, какъ бы онъ вдался въ созерцаніе, при обстановкѣ Никона. Нужно еще удивляться могучей его натурѣ, какъ могъ онъ такъ долго выдержать заточеніе. Всѣ статистическія данныя указываютъ, что, при трехлѣтнемъ одиночномъ заключеніи, болѣе 66% или умираютъ отъ разныхъ болѣзней, или съ ума сходятъ, или же становятся неспособными ни къ чему.

— Да, я сегодня его почувствовала, — зардѣлась царица: — Коль родится мальчикъ, то какъ наречемъ?

— Нареку Петромъ: пушай, какъ митрополитъ Петръ, будетъ разуменъ и управляетъ царствомъ, какъ тотъ паствою.

— Аминь, — произнесла набожно царица.

Передъ отъѣздомъ въ Терапонтовъ монастырь, она дала Лопухину подробное наставленіе: какъ говорить со старцемъ, какъ успокоить его, — и поручила ему одѣть его и обезпечить его содержаніе.

Пріѣхавъ Лопухинъ, далъ ему свободу ходить по монастырю, одѣлъ его, распорядился, чтобы Кирилловскій сосѣдній монастырь доставлялъ ему все необходимое, по росписанію, и уѣхавъ, получивъ отъ него благословеніе царю и царицѣ, и будущему младенцу.

На радостяхъ, что у него отъ Наташи будетъ, быть можетъ, новый наслѣдникъ и что съ собиннымъ другомъ онъ примирился, царь Алексѣй, по возвращеніи Лопухина изъ Терапонтова монастыря, устраивалъ праздникъ за праздникомъ: и на Москвѣ-рѣвѣ былъ бой медвѣдей, и въ селѣ Преображенскомъ, въ оконченныхъ преображенскихъ комедійныхъ хоромахъ, готовился спектакль.

Наслышались и царь, и царица отъ Лихачева, видѣвшаго во Флоренціи балъ и балетъ, такъ много, что имъ хотѣлось и у себя завести театръ или комедійное дѣйствіе.

Наконецъ, 17 февраля, должна была быть поставлена драма «Эсеиръ».

Въ этой драмѣ было много намековъ на клевету, которую выпустили противъ Натальи Кирилловны и Матвѣева, и на судьбу Нащокина, — тотъ, по правдѣ, и въ дѣйствительности имѣлъ сходство не только съ Аманомъ, но съ его паденіемъ.

Да и себя оправдывала Наталья Кирилловна: такъ-какъ тенденція библейской Эсеири та, что первая жена Артаксеркса получила отъ него разводъ за то, что не хотѣла снимать покрывала, и любя ему сдѣлалась Эсеиръ именно, а то, что она ходила безъ покрывала. Это должно было

напомнить царю упрямство въ теремѣ Бѣляевой и уступчивость ея, Натальи Кирилловны.

Съ трепетомъ въ сердцѣ, Наталья Кирилловна явилась въ театръ, въ закрытую ложу, гдѣ она съ царевнами должна была смотрѣть комедійное дѣйство сквозь отверстія, которыя были между обтянутыми краснымъ сукномъ досками, закрывавшими ложу со стороны зрителей. Царь помѣстился въ креслѣ передъ сценою, а придворные за нимъ. Музыка играла, какъ и теперь, передъ сценою.

Царю не было извѣстно содержаніе драмы, а только фабула библейской книги Эсѣири.

Съ большимъ вниманіемъ и интересомъ слѣдилъ онъ за ходомъ драмы и, по ея оканчаніи, онъ вошелъ въ ложу царицы и, обнявъ ее, сказалъ:

— Благодарю тебя и Матвѣева, что отгадали мои чувства и мысль. Ты истая Эсѣирь, а онъ истый—Мардохей... Я же считаю себя счастливымъ, что мнѣ выпала завидная доля Артаксеркса.

Съ этого времени онъ еще горячѣе привязался къ ней,— а 30 мая 1672 года послѣ крайне тяжелыхъ родовъ, такъ что бабка опасалась за самую жизнь царицы, онъ сдѣлался счастливымъ отцомъ: Богъ далъ ему сына. Съ большими воплями появился на свѣтъ Божій темнокрасный мальчуганъ... Повивальная бабка схватила его, завернула въ пеленку и, бросивъ въ корыто, побѣжала къ отцу—объявить радостную вѣсть. Услышавъ, что родился сынъ, царь Алексѣй перекрестился и побѣжалъ поглядѣть на младенца. Ему показали толстенькаго ребенка, темнокраснаго, съ темными волосами на головѣ и со сморщеннымъ лицомъ, какъ сморчокъ.

— Экій молодецъ!—воскликнулъ отецъ:—Да хопа ты таперь и сморчокъ, будешь ты у меня богатырь... на счастье русскаго царства.

Этотъ сморчокъ былъ Петръ Великій.

2 іюня произошло торжественное крещеніе Петра въ Золотой палатѣ, и потомъ угощеніе было предложено всѣмъ боярамъ и святителямъ.

Во время обѣда, еще по старому обычаю, заведенному царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, пѣлись духовныя пѣсни, но вмѣстѣ съ тѣмъ игралъ и органъ.

Это было какъ будто предвѣстіемъ того, что родившійся поведетъ къ чему-то новому.

XLIV.

Заточеніе Никона въ Кирилловскую обитель.

Получивъ свободу, Никонъ воспользовался ею для блага народа: онъ занялся леченіемъ больныхъ.

Приставленнаго къ нему монаха Мардарія посылалъ онъ въ Москву за лекарствами: за деревяннымъ масломъ, ладономъ роснымъ, скипидаромъ; за травами чечуй и звѣробой; за напатыремъ, квасцами, купоросомъ, канфорою и за камнемъ бузуй...

Къ Никону въ келью являлись изъ разныхъ мѣстъ и женщины, и мужчины, и дѣти, и онъ давалъ имъ лекарства, и вѣрующимъ читалъ молитвы.

Въ послѣдствіи онъ писалъ царю, что слышалъ онъ глаголь: отнято-де у тебя патріаршество, за то дана чаша лекарственная:—лечи болящихъ.

Дѣятельность эту оклеветали передъ царемъ: будто это дѣлается, чтобы къ нему ходилъ народъ съ цѣлями политическими...

Вслѣдствіе этого, въ 1674 году, въ Великій четвертокъ, когда въ церкви монастырской собралось много народу и онъ шелъ туда приобщиться, явились стрѣльцы съ сотникомъ,—два пошли впереди его, а четыре—позади. Никонъ обидѣлся:

— Не преступникъ я, чтобы идти въ храмъ Божій, къ причастію, со стрѣльцами...

И съ этими словами онъ возвратился обратно въ келью,—и пересталъ ходить въ церковь.

Но все же царь, и въ особенности Наталья Кирилловна, поддерживали старца: ему посылались и провизія, и полотна, и мѣха, — и даже соболи.

Да вотъ, приходитъ страшная вѣсть: въ зимній мясоѣдъ царь заболѣлъ, а 30 января 1676 года его не стало.

Смерть Алексѣя Михайловича поразила все царство и готовила что-то необыкновенное, такъ-какъ накопилось много горячаго матерьяла.

Въ теченіи почти тридцатилѣтняго царствованія, Алексѣй Михайловичъ довель русскую древнюю жизнь до апогея, то-есть ученіе домостроя дошло до крайности въ домашней и общественной жизни, такъ-что теремъ и вообще боярскіе дома были обращены въ богадѣльни и монастыри. Войны же со Швеціею, съ Польшею и союзъ съ Малороссіею, какъ равно и иностранцы, наполнившіе армию и Москву, внесли новыя понятія въ общество. Отсюда произошло смѣшеніе направлений, не рѣдко другъ другу противорѣчащихъ.

Раскольники требовали неприкосновенность древляго благочестія, т.-е. сохраненія старыхъ книгъ, иконъ и богослуженія, и вмѣстѣ съ тѣмъ называли никоніанцевъ ханжами. Они же требовали точнаго исполненія стоглава, т.-е. въ религиозномъ отношеніи держаться ихъ толка, а въ государственномъ — земскихъ началъ.

Никоньяне раздѣлились на двѣ партіи: одна требовала тоже оставленія порядковъ домостроя, но желала въ жизни государственной земскихъ началъ и уничтоженія мѣстничества; другая партія требовала самодержавія, на началахъ боярства и воеводства, и желала уничтоженія мѣстничества, — словомъ, она идеаломъ своимъ считала конецъ правленія царя Алексѣя Михайловича.

Это раздѣленіе общества и вызвало при похоронахъ царя различныя чувства: раскольники восхитились и рассказывали, что пророчество одного изъ монаховъ Соловокъ оправдалось. Онъ говорилъ, что вмѣстѣ съ паденіемъ Соловокъ, гдѣ раскольники заперлись и защищались, умретъ и государь. Слѣдовательно, смерть его дала надежды расколу-учителямъ, что ихъ толкъ восторжествуетъ. Земцы надѣя-

лись, что боярство и воеводскія начала будутъ уничтожены; одни только почитатели самодержавія приуныли, такъ-какъ власть ускользала изъ ихъ рукъ.

Узнавъ о смерти царя и о настроеніи общества, патріархъ Никонъ заплакалъ и сказалъ:

— Воля Божья, видно, судиться намъ на томъ свѣтѣ. Богъ его проститъ, — поминать его я буду.

Вступилъ на престолъ четырнадцатилѣтній Ѳеодоръ.

Съ первыхъ же дней переменъ этой, юнымъ царемъ овладѣлъ его дядька, Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ Куракинъ, и Анна Петровна Хитрово, его мама.

Объ эти личности были враждебны Никону, какъ участники его низложенія, и притомъ они принадлежали къ самодержавной боярской партіи, во главѣ которой стоялъ Матвѣевъ.

Милославскіе, а потому весь теремъ, составляли земскихъ никоньянъ.

Во главѣ съ Матвѣевымъ стоялъ въ самодержавной партіи и патріархъ Іоакимъ, преемникъ Іоасафа.

Іоакимъ былъ человекъ дюжинный, безъ всякаго образованія, и всѣ его заслуги передъ церковью и государствомъ заключались въ томъ, что онъ былъ безпрекословнымъ исполнителемъ воли Нащокина, а потомъ Матвѣева, потому что онъ былъ личный врагъ Никона; притомъ, подобно знаменитому Торквемадѣ, съ особеннымъ усердіемъ жегъ расколоучителей, еретиковъ и колдунъ... Не обладая ни талантомъ, ни умомъ, ни знаніемъ, ни влияніемъ въ обществѣ, онъ страшился Никона, какъ чертъ ладона, и ему было страшно приблизить даже къ Москвѣ святѣйшаго, изъ боязни, что онъ самъ, въ подобномъ случаѣ, можетъ потерять свое патріаршее значеніе. Самъ Никонъ давалъ ему поводъ на эти опасенія: онъ еще въ 1672 году велѣлъ и царю передать, что онъ не признаетъ для себя обязательнымъ постановленіе восточныхъ патріарховъ. Да и константинопольскій патріархъ писалъ до собора о возвращеніи Никона; притомъ, два года передъ тѣмъ, Никонъ писался къ

епископу вологодскому: «Божією милостію, мы, патріархъ Никонъ...»

Партія же Милославскихъ, стоявшая за Никона, съ первыхъ же дней новаго царствованія начала дѣйствовать, чтобы освободить и приблизить старца къ Москвѣ.

Царевна Татьяна Михайловна, господствуя въ теремѣ, имѣла ужъ въ это время сильную помощницу въ царевнѣ Софѣ Алексѣевнѣ: той исполнилось двадцать лѣтъ и она была энергична, умна, мужественна и учена.

Послала, поэтому, царевна Татьяна, нѣсколько дней спустя послѣ смерти брата, племянницу къ новому государю, чтобы его убѣдить въ необходимости приближенія Никона къ Москвѣ и переѣздъ его въ «Новый Іерусалимъ».

Софья Алексѣевна отправилась къ брату. Краснорѣчиво и горячо она говорила съ нимъ и довела его до слезъ. Онъ обѣщался сдѣлать все, что можно.

На другой день онъ повидался съ Іоакимомъ. Выслушавъ мальчика царя, патріархъ молвилъ:

— Никону и такъ хорошо въ Ферапонтовомъ монастырѣ, но ему можно еще больше сдѣлать: я переведу его поближе, въ Кирилловъ монастырь... Въ «Новомъ Іерусалимѣ» будетъ ему хуже: со времени ссылки Никона, тамъ ничего не правляли, и въ кельяхъ обители и холодно и сыро; притомъ, братія тамъ и сама не имѣетъ его ѣсть, а Кирилловскій монастырь богатъ. А потому, не соизволить-ли великій государь дать указъ о переводѣ Никона въ Кирилловскій монастырь.

— Коли ему будетъ тамъ лучше, такъ пушай, — отвѣтилъ государь.

Не прошло и мѣсяца, какъ получился царскій указъ въ Ферапонтовомъ монастырѣ о переводѣ патріарха въ Кирилловскую обитель.

Монастырь эготъ былъ крайне ему враждебенъ. Покойный государь велѣлъ ему, по росписанію, отпускать Никону содержаніе, что и вызвало съ обѣихъ сторонъ неудовольствіе и враждебность: Никонъ жаловался царю на монастырь, а тотъ на Никона.

— Кушаетъ вашъ батька насъ,—говорили кирилловны ѳерапонтскимъ монахамъ.

— Я, благодатию Божіею, не человѣкоядецъ, — жаловался царю на это Никонъ.

Притомъ, въ Кирилловскомъ монастырѣ находился Флавіанъ, поддерживавшій Хитрово на судѣ, когда Никонъ доносилъ на Богдана Матвѣевича: «о чародѣйствѣ его съ лютвою и монахомъ Іоилемъ».

Патріархъ Іоакимъ поэтому, какъ говорится, выдалъ Кирилловскому монастырю Никона головою...

Повезли патріарха въ обитель эту, и когда его ввели въ келію, его тотчасъ же замкнули,—и сдѣлался онъ снова заточникомъ.

Осмотрѣлъ патріархъ келію,—она была еще хуже той, какую онъ занималъ во время заточенія въ ѳерапонтовомъ монастырѣ.

Это была узенькая комнатка, въ одно крошечное окошечко, на такой вышинѣ, что Никонъ не могъ его достать, наставивъ даже всю мебель свою другъ на друга. Въ углу висѣла иконка безъ лампы. Деревянная кровать, безъ настилки, стулъ о четырехъ ножкахъ и поломанный столикъ,—вотъ убранство келіи. Это была монастырская темница для преступныхъ монаховъ.

Пищу приносилъ ему служка: — щи да каша, кусокъ хлѣба и кружка воды.

Представлялись узнику въ этой смрадной темницѣ, въ этой духотѣ, и родительница его — Маріамна: и родимый дѣсь его въ Вельяминовѣ или Курмышахъ, и его жизнь, когда онъ помогалъ своимъ крестьянамъ въ полѣ, и жизнь его въ Макарьевскомъ монастырѣ, его женитьба и семейное счастье, его знакомство съ Нefeldомъ Миничемъ, смерть Хлоповой, переѣздъ его въ Москву, кончина патріарха Филарета, казнь Шеина, жизнь его въ Соловкахъ, его бѣгство оттуда, Кожезерскій монастырь, пріѣздъ его въ Москву, назначеніе игуменомъ Новоспасскаго монастыря, московская гиль, сближеніе съ царемъ, возведеніе его въ митрополиты новгородскіе, мятежъ новгородскій, вызовъ его въ Москву, поѣздка

за мощами св. Филиппа въ Соловки, возвращеніе его и избраніе въ патріархи, собиная дружба царя, его могущество, управление имъ государствомъ, война съ Польшею, прекращеніе имъ чумы, паденіе Смоленска, присоединеніе Малороссіи, исправленіе церковныхъ книгъ...

Во всѣхъ подробностяхъ проходитъ все это передъ его глазами, и каждое изъ этихъ воспоминаній вызываетъ его вздохи и не рѣдко слезы изъ глазъ:

— Боже, за что меня наказуешь такъ,—говоритъ онъ, кладя поклоны передъ иконою:—ужь лучше прекратилъ бы мои дни, а то живешь для вѣчныхъ мукъ. Хоша-бъ ты память пришибь,—забыть бы все прошедшее, не чувствовать, не мыслить.

А, тутъ, какъ нарочно, еще въ болѣе плѣнительномъ видѣ начинаютъ являться передъ нимъ и картины природы, и люди имъ любимые: и жена его, и царица Татьяна, и Марья Ильинична, и родственники его,—и все это какъ будто манить къ себѣ, зоветъ и говоритъ:

«Вѣдь ты-то настоящій патріархъ и плачешь объ тебѣ Россія... и Малороссія, и все Поволжье вѣдь волновалось изъ-за тебя... Приди вновь на свѣтъ,—и будешь вновь ты на престолѣ патріаршемъ. Гляди, всѣ враги твои сходятъ въ могилу: умеръ патріархъ Іоасафъ и самъ царь... Трубецкой и другіе... расколоучители въ заточеніи»...

Вдохновляетъ это надежду въ сердце Никона, и онъ чувствуетъ, что у него имѣются друзья въ Москвѣ, что не дадутъ они ему погибнуть въ застѣнѣхъ и что, рано или поздно, онъ выползетъ отсюда съ величіемъ и славою, какъ заслуживаетъ онъ за свои заслуги.

«Коль,—думаетъ онъ:—царевичъ Алексѣй живъ былъ бы, ино было бы: онъ ослобонилъ бы меня... онъ зналъ меня:—я носилъ его на рукахъ, онъ дралъ меня за бороду, игралъ моими панагіями... А этотъ Федоръ,—не знаетъ онъ меня, а враги мои у него въ силѣ... Но придетъ время, сдѣлается онъ мужъ: тогда и сжалится онъ надъ старцемъ... пойметъ, что въ его царствѣ все дѣло моихъ рукъ... и благолѣпіе въ церкви и новыя книги... и сильное войско,

и Малороссія и Бѣлоруссія .. Даже дворцы царскіе, — все это дѣлали мои мастера...

Подкрѣпляютъ его силы эти думы, но послѣ трехъ-лѣтняго одиночества, начинается заѣдать его тоска, мысли мутятся, и овладѣваетъ имъ злоба:

«Почто онъ держитъ меня въ затворѣ?.. Кому я что сдѣлалъ?.. Этотъ поганый, коростявый Іоакимъ, страшится тѣни моей, точно бѣсъ ладона... А царь-мальчишка не спроситъ даже, гдѣ и что Никонъ... Да и царевна Татьяна хороша... а мама Натя? Всѣ покинули меня, какъ тряпку старую, негодную... Да и въ заправду я тряпка:—ноги опухли, рука лѣвая разбита, зубы всѣ выпали, а тутъ грызи черствый хлѣбъ и корку, —а коли корки не съѣсть, не даютъ другаго хлѣба... Пилъ бы квасъ, —да мышъ попалась надысь, ну и противно... Да вотъ вчера показался снова черный вранъ въ окнѣ... потомъ чудища.. бѣсы... демоны... рвутъ послѣднюю мою одеженку... Да вотъ теперь... точно бѣсы лютые: Боборыкинъ, Сытинъ, Стрѣшневъ, Хитрово... Чего вамъ, злодѣи... не отдамъ одежды... Смотрите... и такъ вся изодрана, вся въ дыряхъ, не грѣетъ меня... вишь и зубъ на зубъ не попадетъ...

Стучать у него зубы, и весь онъ синѣетъ.

— Мама Натя, царевна Татьяна, гдѣ вы? Спасите, спасите... снова бѣсы, —кричитъ онъ однажды неистово, прячась въ уголь...

Но что это? Отворяется дверь темницы, и появляется монашка.

Никонъ глядитъ на нее съ недоумѣніемъ.

— Не узнаешь меня, святѣйшій? — спрашиваетъ она.

— Нѣтъ... нѣтъ... не узнаю... и ты пришла меня мучить, какъ тѣ, какъ ихъ...

— Не мучить я прицла тебя, съ доброю вѣстью... Вспомни игуменью дѣвичьяго Воскресенскаго монастыря, Марю... я та самая... Помнишь, я ходила къ тебѣ въ Ферапонтовъ... подъ твое благословеніе.

— Помню, помню... но нѣтъ ужъ во мнѣ больше благодати... бѣсы мною овладѣли... и умру я здѣсь въ этомъ

смадрѣ, сырости и холодѣ... Уйди отсюда и ты окоростовѣ-
ешь, какъ я... уйди, мать игуменья...

— Благослови меня святѣйшій и выслушай...

Она пала ницѣ и, поднявшись, подошла къ его благо-
словенію.

— Благословить тебя Господь Богъ... Садись и повѣ-
дай, какую вѣсть принесла?

— Вѣсть радостная. Была у меня въ монастырѣ на бо-
гомольѣ паломница, боярыня Огарева, и сказывала: «Пущай-
де святѣйшій напишетъ грамоту въ «Новый Іерусалимъ», а
братія и попросить царя отпустить тебя къ нимъ». Грамоту
твою я повезу къ нимъ, — вотъ бумага, чернильница и перья

Игуменья вынула весь этотъ запасъ изъ кармана и по-
ложила на столъ.

— Да я-то и писать разучился, да и года и дни за-
былъ... да и глаза плохо видятъ...

Никонъ сѣлъ къ столу и кое-какъ нацарапалъ къ бра-
тіи грамотку.

Инокія простилась, взявъ его благословеніе царю, ца-
рицѣ и царевнамъ.

Грамота Никона къ братіи «Новаго Іерусалима» произ-
вела свое дѣйствіе: они отправили съ челобитною къмоло-
дому царю своего игумена.

Федоръ Алексѣевичъ, выслушавъ милостиво игумена,
послалъ за патріархомъ.

Прибывъ къ царю, патріархъ Іоакимъ вознегодовалъ,
что помимо него, осмѣлились говорить объ Никонѣ съ го-
сударемъ. Въ продолженіи четырехъ лѣтъ, онъ при каж-
домъ свиданіи, и съ нимъ, и съ царевнами, увѣдомлялъ ихъ,
что Никонъ живетъ въ Кирилловскомъ монастырѣ во вся-
комъ удовольствіи и что, если онъ не показывается на
свѣтъ, такъ это отъ того, что у него ноги слабы. Для вя-
щаго же убѣжденія всѣхъ въ блаженной жизни святѣйшаго,
онъ, каждый разъ, отъ имени его отдавалъ благословеніе
царю, царицѣ и царевнамъ. Тутъ же, неожиданно, хотятъ
снова вызвать его на свѣтъ, и онъ разоблачить, что его въ
Кирилловскомъ держатъ въ заточеніи. Нужно, такимъ об-

разомъ, во что бы то ни стало воспрепятствовать этому возвращенію.

— Я,— сказалъ онъ съ видомъ смиренія:— день и ночь думаю о святѣйшемъ старцѣ, забочусь объ немъ ... и ... скорблю сердцемъ ... Хотѣлъ бы его любовно видѣть ... да нельзя ... есть причина ... Да я не дерзалъ докладывать великому государю ... нельзя его возвратить ... Будетъ великій соблазнъ и грѣхъ въ церкви.

— Да что такое случилось?— встревожился государь.

— Вотъ ужъ четвертый годъ ... прости мнѣ Господи мои согрѣшенія! ... Никонъ ежечасно мертвецки пьянъ ... ругается святымъ иконамъ ... въ церковь не ходитъ ... разные ругательства произносить на тебя, великій государь, да на меня, на церковь святую ... Говоритъ съ бѣсами, демонами ... бредитъ видѣніями ... Ругаетъ свои исправленные книги и называетъ ихъ еретичными ... Какъ же его привести въ подмосковную обитель ... Себѣ и церкви на срамоту. Одежды и обуви не хочетъ носить, босой да полуголый ходить.

— Пошли ему, святѣйшій отъ меня и обувь, и одежду,— онъ и носить будетъ ... Сказать, что то воля моя ... Да бають, что некому тамъ и приглядѣть за нимъ, такъ послать къ нему Ивана Шуперу да Ольшевскаго: благо они челомъ бьютъ послать ихъ къ святѣйшему старцу.

Закусилъ губы патриархъ Іоакимъ и вынужденъ былъ исполнить приказъ царя.

Весною 1681 года, прибылъ въ Кирилловъ монастырь Шупера и Ольшевскій.

Первое свиданіе ихъ было трогательно: это были безконечныя лобзанія, объятія и бесѣды. Служки привезли ему отъ царя гостинцы, одежду и обувь. Перевели святѣйшаго въ другую, болѣе просторную келію и разрѣшили гулять по монастырскому саду. Но ноги отказывались ему служить, притомъ воздухъ дѣйствовалъ на него одуряюще, и голова у него кружилась и болѣла. Да и постарѣлъ онъ: волосы на головѣ и въ бородѣ его совсѣмъ посѣдѣли, исхудалъ онъ и сдѣлался скелетомъ, а на лицѣ кожа даже потемнѣла.

Видъ онъ имѣлъ еще болѣе величественный, чѣмъ прежде, да силы его оставили: многолѣтнія страданія сломили его могучую природу.

Начали Никона вновь посѣщать въ Ферапонтовомъ монастырѣ жители городовъ, монахи и монахини.

Никонъ принималъ всѣхъ любовно, лечилъ, благословлялъ, ко всѣмъ былъ добръ, но Кирилловскому монастырю не могъ простить причиненныхъ ему обидъ и мученій. Душа его рвалась отсюда въ «Новый Іерусалимъ», въ его рай, объ которомъ онъ такъ давно плачетъ и горюетъ.

— Альбо то можно, — говорилъ часто Ольшевскій: — такъ да съ патріархомъ поступать... Джебелы то можно, я бы всѣхъ монаховъ утопилъ... Надѣя на Бога, насъ домой въ «Новый Іерусалимъ» отпустить... Ты, святѣйшій, только отпиши туда, а мы Шушеру туда пошлемъ... Будемъ мы съ тобою, патріархъ, еще тамъ архіерейску службу править...

И вотъ, подъ такимъ впечатлѣніемъ, пишетъ Никонъ вновь въ «Новый Іерусалимъ»:

«Попросите, братія, еще обо мнѣ царя. Умираю я, не попомните моей прежней грубости, пожалуйте старика».

Грамоту эту отвозитъ Шушера въ «Новый Іерусалимъ», и оттуда отправляется вновь посоль, но ужъ не къ царю, а къ царевнѣ Татьянѣ Михайловнѣ.

Посоль рассказываетъ всю подноготную царевнѣ.

Татьяна Михайловна приходитъ въ страшное негодованіе и бѣжитъ къ царевнѣ Софѣ.

— Соня, насъ безчестно обманывалъ патріархъ Іоакимъ, — говоритъ она, едва переводя дыханіе отъ волненія: — Вѣдь патріарха Никона онъ держалъ четыре года въ заточеніи на однѣхъ щахъ да кашѣ и ржаномъ хлѣбѣ, никого къ нему не допускалъ, въ церковь Божью не пушалъ, безъ одежды и обуви содержалъ въ кельи... Это безбожно, безчеловѣчно... Идемъ къ царю.

— Какъ? Да мнѣ патріархъ всегда сказывалъ, что Никонъ во всякомъ удовольствіи живетъ... Пойдемъ къ брату, пушай ссыскъ учинить... Пушай не вѣрять патріарху.

Обѣ побѣжали къ царю.

Федоръ Алексѣевичъ сильно встревожился, увидѣвъ сестеръ гнѣвныхъ и взволнованныхъ: нервный и впечатлительный, онъ почувствовалъ даже сильное сердцебиеніе.

— Что случилось?—спросилъ онъ испуганно, воображая, что не приключилось-ли какая-нибудь бѣда и съ второю его женою, на которой онъ недавно лишь женился.

Царевны рассказали ему о бывшемъ заточеніи Никона.

— Теперь понимаю,—вздыхнулъ царь:—зачѣмъ патриарху Іоакиму понадобилось перевести его въ Кирилловскій монастырь... Да и пьянство Никона, вижу я,—поклепъ.

— Такъ ты, племянничекъ, и вели перевести его въ «Новый Іерусалимъ»,—обрадовалась царевна Татьяна Михайловна.

— Да какъ же безъ патриаршаго благословенія?...—недоумѣвалъ юный государь.

— Такъ, братецъ, покличь его и поговори съ нимъ,—обнявъ и поцѣловавъ его, проговорила царевна Софья.

— Ужъ вы, тетушка и сестрица, лучше сами позовите его, да и уговорите... А я велю царскихъ лошадей и кареты отослать за святѣйшимъ въ Ярославль.

Царевны поцѣловали его и ушли въ теремъ. Они послали за патриархомъ Іоакимомъ. Іоакимъ явился въ теремъ, воображая, что они желаютъ духовной бесѣды съ нимъ.

Когда онъ вошелъ въ пріемную царевны Татьяны Михайловны, онъ засталъ тамъ и царевну Софью.

Царевны подошли къ его благословенію и посадили его на почетное мѣсто на диванѣ, подъ образа.

— Прости, святѣйшій,—начала царевна Софья:—что мы съ тетушкою Татьяною потребовали тебя... У насъ великая къ тебѣ челобитня.

— Повелѣніе царевенъ для меня указъ,—опустивъ скромно глаза и положивъ руки на животикъ, произнесъ патриархъ.

— Бьемъ мы челомъ: монастырь «Новый Іерусалимъ» и Воскресенская церковь приходять въ запустѣніе.

— Приходитъ онъ въ запустѣніе,—поднялъ набожно глаза къ небу Іоакимъ:—ибо восточные патриархи, на соборѣ

1666 года, осудили и название «Новый Иерусалимъ», и строителей его: Никона и Аарона. Гдѣ нѣтъ благословенія святителей, тамъ и благодати нѣтъ.

— Гдѣ два или три соберутся во имя мое, тамъ и я пребываю,—возразила царевна Софья:—Не лишена, поэтому, св. благодати и обитель. «Новый Иерусалимъ».

— А въ Воскресенской церкви, кромѣ частицъ Святаго гроба, покоятся еще мощи св. Татьяны,—вставила царевна Татьяна Михайловна.

— Не вѣдалъ... не вѣдалъ,—вдохнулъ Іоакимъ и, набожно перекрестясь, произнесъ:—Господи прости мнѣ согрѣшеніе.

— Вотъ,—продолжала царевна Софья:—я съ тетушкою желаемъ увеличить благолѣпіе монастыря; я дала обѣтъ соорудить тамъ храмъ Богоявленія, а царевна все достояніе отдасть на святую обитель.

— Богоугодное дѣло... богоугодное, я благословляю... Вы внесите деньги въ патриаршую казну. А тамъ, что соборная дума скажетъ.

— Мы пожертвуемъ всѣмъ, но братія просятъ возвратить ей отца и благодѣтеля ея,—возразила царевна Софья.

— Тому не можно быти, — какъ ужаленный вскочилъ Іоакимъ.

— Садись и выслушай, святѣйшій... Никонъ хилъ, старъ и годы его сочтены... Пушай умереть въ своей обители, не проклиная царя и насъ за безсердечіе.— произнесла скороговоркою Софья.

— Тому не можетъ быти,—упорствовалъ патриархъ:—да ты, царевна, не вѣдаешь, что онъ и одежды, и обуви не носитъ, да день деньской отъ вина пьянъ бываетъ, сквернословить, богохульствуетъ...

— Неправду говоришь, святѣйшій, и это поклепъ на святѣйшаго старца,—вышла изъ себя царевна Татьяна Михайловна:—Держишь ты его въ темницѣ пятый годъ, безъ одежды и обуви; а отъ квасу твоего съ мышами не опьянѣешь. Господь Богъ милосердный накажетъ тебя... Покайся и разрѣши Никону переѣхать въ «Новый Иерусалимъ».

— Тому не можно быти, — упорствовалъ Іоакимъ и соби-
рался выйти.

— Коли такъ, — затопала ногами Татьяна Михайлов-
на: — такъ я сама поѣду за святѣйшимъ; да не въ «Новый
Іерусалимъ» я его свезу, а въ Успенскій соборъ... Ударимъ
въ царь-колоколъ, созовемъ народъ, и онъ поведетъ его
на патриаршій престолъ, а тебя лицемѣра, ханжу, пустосвя-
та, мы упрячемъ въ ту келью, гдѣ ты томилъ безбожно боль-
наго, хилаго, слабаго старца столько лѣтъ...

У Іоакима опустились руки и затряслись ноги:

— По мнѣ что, — заикаясь произнесъ онъ: — пуцай Ни-
конъ ѣдетъ въ «Новый Іерусалимъ»... Какъ великій госу-
дарь соизволить.

— Такъ пиши грамоту! — повелительно произнесла царевна
Татьяна.

Софья подала перо, бумагу и чернильницу.

— Мнѣ нужно съ царемъ переговорить, — молвилъ па-
триархъ и торопливо вышелъ изъ терема.

XLV.

Кончина Никона.

А либо то можно, Иванъ, — накинудся Ольшевскій на
Шушера: — поѣхалъ въ «Новый Іерусалимъ» къ бра-
тія и возвратился ни съ чѣмъ. Джебелы то я поѣхалъ,
такъ давно бы пріѣхали за патриархомъ.

— Хвастай, хвастай... Да и такъ я на силу-то упробилъ
братію, чтобы помимо патриарха Іоакима послали въ Мо-
скву... Ну, и послали... А тамъ, что Богъ дастъ.

— Я бы ино учинилъ: поѣхалъ бы въ Москву съ ними
да съ царскимъ посланцемъ вернулся... Надѣя на Бога, мнѣ
не первина: мы съ патриархомъ, Никономъ...

— Толкуй ты, Попробуй-ка ты, — сунься въ Москву, тамъ

таперь чертъ ногу сломить: не знаешь, кто первый, кто послѣдній.

— Таперь. Иванъ, погляди: патриархъ точно изъ гроба всталъ, блѣдный да слабый... Ждетъ не дождется присылки изъ Москвы: у меня у самого душа переболѣла... а иной разъ, гляючи на него, такъ и плакать хочется.

Слезы показались у него на глазахъ,—онъ вытеръ ихъ со щеки и высморкалъ носъ въ полу.

— Иванъ!... Ольшевскій! — раздался голосъ Никона. Оба бросились въ его келью.

Никонъ былъ одѣтъ: на немъ была архіерейская мантия, на годовѣ клобукъ и въ рукахъ посохъ.

— Чтожъ не собираетесь... Что мѣшкаете... ждать не буду.

— Куда, святѣйшій?— удивился Ольшевскій.

— Какъ куда? Домой... въ «Новый Іерусалимъ»... Проворнѣй, живѣй, укладывайтесь, собирайтесь...

Шушера переглянулся съ Ольшевскимъ: они полагали, что онъ бредить.

— Святѣйшій, да изъ Москвы еще не прислали,—возвразилъ Ольшевскій:—Джелебы изъ Москвы пріѣхали, иное дѣло... А допрежъ нечего укладываться.

— Говорю укладывайтесь... Подѣхалъ устругъ... а на немъ посланные отъ царя... они вышли на пристань... Вотъ, вотъ идутъ... слѣшите—ждать не буду,—торопливо произнесъ Никонъ.

— Ярославскій воевода, да епископъ и архимандрить, пріѣхали за святѣйшимъ и идутъ сюда,—крикнулъ Шушера.

У Никона задрожали руки и ноги, и онъ въ сильномъ волненіи сѣлъ на стулъ.

— Господи, услышалъ ты мои молитвы, не далъ умереть здѣсь, какъ злодѣю,—прошепталъ онъ:—Укладывайтесь, да торопитесь, — скорѣй, скорѣй отсюда... Здѣсь столько слезъ я пролилъ.

Ольшевскій началъ укладываться и увязывать вещи свои и патриарха.

Появились въ келии царскіе посланцы: они подошли подъ благословеніе патриарха. Никонъ перецѣловался съ ними.

— По указу великаго государя, святѣйшій старецъ, прїѣхали за тобою: въ Ярославлѣ ждуть тебя царскія лошади, колымага и рыдваны. Отвезутъ тебя въ Новый Иерусалимъ, гдѣ будешь жить по собственной волѣ, на покоѣ.

— Да благословить Господь Богъ царя, царицу и всю государеву семью, за многія ихъ милости ко мнѣ, — прослезился Никонъ: — Снова сподобить меня Божья Матерь узрѣть и Голгоу, и Иордань, и храмъ «Воскресенія», гдѣ я на плечахъ своихъ таскалъ камни и бревна... и заживу я снова съ дѣтьми моими, — деревьями, и дѣда Мамврійскаго дуба снова обниму... Боже милостивый! одна ужъ эта радость искупить мое пятнадцатилѣтнее заточеніе въ монастыряхъ...

И твердыми шагами патріархъ вышелъ изъ кельи, въ сопровожденіи пословъ спустился во дворъ, и здѣсь остановился, поглядѣлъ на монастырь, на храмъ, перекрестился и сказалъ:

— Не хочу я видѣть братію, но я прощаю ихъ и благословляю... Передать имъ, что одною вѣрою да молитвою не спасешься, а нужны и добрыя дѣла: пушай сердца свои смягчать, — вѣра безъ дѣлъ мертва есть.

Онъ направился къ пристани; придя туда, онъ пошелъ прямо на устругъ и, пережрестясь, прошепталъ:

— Господи помилуй и спаси люди твоя...

Часъ спустя, стругъ, несомый теченіемъ Шексны и парусомъ, потянулся къ Волгѣ.

Вѣсть о томъ, что Никонъ возвращенъ и поѣдетъ водою до Ярославля, быстро разнеслась по городамъ и селамъ, и тысячи народа, въ лодкахъ и на берегу, ожидали его съ женами и дѣтьми, для полученія его благословенія. Духовенство же, съ хоругвями, крестами и иконами, выходило тоже на берегъ и пѣло: «исполаети деспота», «достойно» и «многая лѣта».

Въ мѣстахъ, гдѣ они останавливались, народъ падалъ ницъ, плакалъ, цѣловалъ его руки, платье и слѣдъ его ногъ.

Любовь народная сильно тронула его, и онъ понялъ

тогда, почему Стенька Разинъ именемъ его поднялъ все Поволжье.

По Волгѣ было тоже, что и по Шекснѣ: шель стругъ вверхъ волокомъ, и это дало возможность народу еще больше выказать свою любовь.

Огромныя толпы встрѣчали и провожали его, а для смѣны волока, явились люди съ лошадьми.

Такъ тянулись они почти до самаго Ярославля, гдѣ Никонъ долженъ былъ пересѣсть въ царскіе экипажи и ѣхать на Владиміръ.

Но въ шести верстахъ отъ Ярославля, онъ почувствовалъ сильное утомленіе и слабость.

Пришлось послать въ близъ находившійся монастырь за лошадьми и экипажемъ.

Въ обители игуменъ со всею братіею встрѣтилъ его съ крестомъ и образами у воротъ.

Когда Никонъ прикладывался къ кресту и къ иконамъ, одинъ изъ монаховъ отдѣлился отъ братіи и бросился къ нему, къ ногамъ.

— Кто ты? — спросилъ его Никонъ.

— Я бывшій архимандритъ Сергій, который не далъ тебѣ говорить къ народу, при отвозѣ тебя изъ Чудова монастыря въ земскую избу... Богъ меня наказалъ: — я въ ссылкѣ ужъ многіе годы въ этомъ монастырѣ... и горько оплакивалъ я мой грѣхъ передъ тобою.

— Да проститъ тебя Господь Богъ, какъ я прощаю, — кротко произнесъ Никонъ.

Отдохнувъ здѣсь не долго, святѣйшій велѣлъ себя вести въ Ярославль.

Все Ярославское духовенство, всѣ горожане отъ мала до велика и множество народа съ окрестностей явились поклониться святѣйшему. Духовенство встрѣтило его съ крестами и хоругвями, и когда со струга онъ началъ благословлять народъ, всѣ пали ницъ и пѣли «многая лѣта».

Народъ плакалъ, цѣловалъ его руки и одежду.

Здѣсь онъ сѣлъ въ колымагу, и народъ поволокъ его за городъ, но не далеко отъ Ярославля, на небольшой рѣчен-

Никонъ пророчить, что за нимъ пріѣхали царскіе послы.

Дозволено цензурою, Спб., 10 іюля 1885 г.

къ *), патриархъ возжелалъ, чтобы запрягли лошадей, изъ боязни утомить народъ.

Колымагу остановили,—онъ просилъ высадить его на берегъ рѣчки.

Разостлали тамъ коверъ и на рукахъ снесли его туда изъ экипажа.

Онъ сѣлъ на коверъ, вдохнулъ въ себя свѣжій лѣтній воздухъ и обратился къ сопутствовавшимъ его:

— Какъ хорошъ,—произнесъ онъ восторженно:—Божій миръ... и жить бы людямъ въ любви и согласіи... а они грызутъ, заѣдаютъ другъ друга, какъ будто нѣтъ мѣста для всѣхъ на землѣ... Льется кровь братская и въ войнахъ, и на плахахъ, и въ застѣнкахъ... Льется она не ручьями, а рѣками... Отъ чего, Боже, такое проклятiе на людей?... Пути твои неисповѣдимы...

Онъ умолкъ, набожно глядѣлъ на небо и шепталъ какую-то молитву.

Но вотъ лошадей запрягли, взяли подъ руки святѣйшаго, чтобы повести его въ колымагу. Раздался вдали благовѣсть къ вечернѣ изъ Ярославля.

Никонъ остановился и перекрестился.

Когда его посадили въ колымагу, онъ сталъ шептать:

— Поскорѣй... поскорѣй... тамъ меня ждутъ...

При послѣднемъ словѣ, онъ началъ поправлять платье, благословилъ народъ, потомъ сложилъ руки на груди и... отошелъ въ вѣчность!

Народъ палъ на колѣни, молясь, крестясь и громко рыдая.

Свершилось это 17 августа 1681 года, на 76 году его славной и многострадальной жизни.

Вѣчная ему память!...

* По преданію это было на рѣкѣ Которости или Которосли.

XLVI.

Похороны Никона,

Пять дней спустя, въ Москвѣ разнеслась вѣсть о смерти Никона, и дьяковъ Успенскаго собора, дѣтей котораго благословилъ тотъ въ послѣднее его посѣщеніе этой церкви, услышавъ объ этомъ на патриаршемъ дворѣ, побѣжалъ къ царь-колоколу, висѣвшему тогда въ особой колокольнѣ у собора и ударилъ въ него съ погребальнымъ перезвономъ.

По обычаю это совершалось только во время смерти царя и патриарха.

Всѣ московскіе сорокъ сороковъ подхватили печальный перезвонъ и бѣлокаменная столица поднялась на ноги.

Узнавъ о смерти Никона, столица облеклась въ черную одежду и народъ устремился въ церкви ставить свѣчи и служить панихиды. Въ народѣ и въ частныхъ домахъ слышались рыданія, а царскій дворъ облекся въ печальныя одежды, — въ придворной церкви царь съ семьєю своею слушали тоже панихиды.

Возникъ вопросъ, гдѣ и какъ хоронить его.

По обычаю, патриархи хоронились въ Успенскомъ соборѣ. Но похоронить его здѣсь — значило признать соборъ, низложившій его, недѣйствительнымъ, а его — патриархомъ; патриарха же Иоакима похитителемъ патриаршаго престола.

При печали же, скорби и возбужденіи народа, если бы его привезли въ Москву, могло бы тоже случиться нѣчто печальное для патриарха Иоакима.

Судили, радили и рѣшили похоронить его въ «Новомъ Иерусалимѣ», какъ строителя монастыря, тѣмъ болѣе, что на это была его воля.

Но кому хоронить и какъ?

Если хоронить его какъ патриарха, то обрядъ погребенія не приходится совершать Иоакиму, такъ-какъ этимъ онъ признаетъ недѣйствительность соборнаго постановленія.

Рѣшили, поэтому, чтобы хоронилъ усопшаго Рязанскій архіепископъ.

Когда же этотъ спросилъ: какъ же хоронить святѣйшаго старца, какъ монаха или патріарха, Іоакимъ отвѣтилъ: какъ соизволить великій государь.

Никона, между тѣмъ, отвезли въ Ярославль, сдѣлали гробъ и на рукахъ понесли въ «Новый Іерусалимъ».

Ко дню его прибытія, огромная масса народа собралась въ «Новый Іерусалимъ», и туда прибылъ государь, всѣ бояре и высшее духовенство, а также все московское бѣлое духовенство. По всему пути слѣдованія тѣла Никона народъ съ благоговѣніемъ и слезами встрѣчалъ и провожалъ его прахъ. Многіе слѣдовали за нимъ отъ самаго Ярославля.

На встрѣчу усопшему двинулось изъ «Новаго Іерусалима» все духовенство съ иконами, крестами и хоругвями, и пѣло: «Христось воскресе!» Приблизившись ко гробу, они приняли его и на головахъ своихъ понесли въ церковь.

Послѣ соборне отслуженной обѣдни, причемъ, по установленному Никономъ правилу, соблюдающемуся понынѣ, пѣлось «Христось Воскресе»,—Никона облекли въ патріаршую одежду и переложили въ каменный гробъ. Перенесеніе въ другой гробъ совершалъ самъ царь; отпѣвали его, какъ патріарха, причемъ царь читалъ самъ апостоль и каѳизму.

Послѣ погребальной службы, когда нужно было проститься съ усопшимъ, государь подошелъ къ нему и, цѣлуя его руку, громко рыдалъ и просилъ у него прощеніе, по чему давно не возвратилъ его.

Въ церкви всѣ рыдали, прощаясь съ Никономъ.

Не смотря на теплое еще сентябрьское время, онъ лежалъ въ гробу, не издавая никакого запаха; а патріаршая одежда, при сѣдой огромной его бородѣ, давала ему особенно величественный видъ и напоминала св. митрополита Филиппа.

Когда всѣ простились съ нимъ и хотѣли ужъ закрыть гробъ, появилась согбенная старушка-черница, и протолкавшись, взошла на подмости и припала къ рукѣ покойника.

Долго она стояла въ такомъ положеніи, но вотъ пошатнулась, упала съ подмостковъ.

Придворныя боярыни и царевны, стоявшія по лѣвой сторонѣ церкви, за занавѣсомъ, бросились подымать ее: — она была мертва.

Царевна Татьяна, подымавшая ее, взглядышись въ ея лицо, вскрикнула:

— Мама Натя...

Погребли Никона на Голгоѣѣ же, на южной сторонѣ, внизу, на томъ мѣстѣ придѣла, гдѣ въ Иерусалимскомъ храмѣ указываютъ прахъ Мелхиседека.

Послѣ похоронъ государь снесся съ восточными патриархами, и онѣ признали его низложеніе неправильнымъ и въ грамотахъ писали: «Патриархъ Никонъ столпъ благочестія, непоколебимый, и божественный и священный канонъ оберегатель присноискунѣйшій, и отческихъ догматовъ, и повелѣній, и преданій неизрѣченный ревнитель и заступникъ достойнѣйшій».

XLVII.

Эпилогъ.

Прошло съ небольшимъ полъ года со дня смерти Никона, какъ царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ, въ Свѣтлое воскресенье (16 апрѣля 1682 г.) бывши веселымъ и совсѣмъ здоровымъ, вдругъ захворалъ, и 27 апрѣля вечеромъ его не стало.

Остались его наслѣдниками, слабый душою братъ его Иванъ и малолѣтній Петръ.

Правленіе государствомъ приняла энергичная, мужественная и умная царевна Софія.

Получивъ власть, она исполнила обѣтъ свой: она соорудила церковь Богоявленія.

Въ скитѣ, въ келіи Никона, виситъ современный ему

портретъ, его, съ надписью посвѣтившаго эту келію, въ Бозѣ почившаго царя-освободителя. Надпись собственноручная и гласить: «Александръ, 30 мая 1837 года».

Что думалъ едва двадцати-лѣтній наслѣдникъ престола въ этомъ священномъ мѣстѣ: думалъ-ли онъ о печальной участи великаго чловѣка, или тогда уже явилась у него мысль быть послѣдователемъ Никона и освободить крестьянъ, или же онъ сѣтовалъ о многострадальной его жизни, или онъ предчувствовалъ тогда, что и онъ будетъ тоже великомученикомъ людской злобы и неблагодарности... Надпись его надъ портретомъ свидѣтельствуетъ о сочувствіи его къ Никону, а жизнь его и дѣянія святителя были ему вполне извѣстны, такъ-какъ онъ былъ отличный знатокъ исторіи своего народа.

Надъ могилою Никона нынѣ повѣшены двухъ пудовыя желѣзныя вериги, состоящія изъ цѣпи съ желѣзными крестами, которыя возлагалъ на себя Никонъ во время его пребыванія въ монастырѣ.

У гроба патріарха служатся обыкновенно всѣ совершаемыя въ храмѣ панихиды, причемъ на каждой изъ нихъ поминается его имя во главѣ прочихъ.

Храмъ dokonченъ еще царемъ Θεодоромъ Алексѣевичемъ и царевною Софіею, и торжественно освященъ въ 1685 г. патріархомъ Іоакимомъ, причемъ тотъ служилъ панихиду Никону какъ патріарху. Потомъ передѣлывался храмъ нѣсколько разъ и теперь, по грандіозности своей, это одно изъ лучшихъ зданій въ Россіи.

Близъ монастыря имѣется городъ Воскресенскъ, основанный Никономъ и числящій теперь шесть тысячъ жителей.

Но безсмертнѣйшій памятникъ поставилъ себѣ Никонъ присоединеніемъ Малороссіи и Бѣлороссіи къ Россіи, и тѣмъ благолѣпіемъ и великими началами братолюбія, вѣротерпимости и милосердія, которыми обязана ему всецѣло наша православная церковь.

Но, спросите вы, какъ же появилась на свѣтъ вновь мама Натя, когда ее сожгли въ Темниковѣ въ срубѣ?

Запорожцы, находившіеся въ этомъ городѣ съ Долгору-
кимъ, узнавъ ее, спасли изъ темницы и на ея мѣстѣ со-
жжеть какой-то женскій трупъ умершей въ тотъ день жен-
щины.

КОНЕЦЪ.

РУСАЛКА.

Романъ

Эмиля Эргарда.

Переводъ съ нѣмецкаго М. Сароченковой.

I.

Грозныя, черныя тучи заволокли все небо; воздухъ былъ чрезвычайно удушливъ, — казалось, что гладкая, неподвижная поверхность Балтійскаго моря, собираясь съ силами, ждетъ сигнала для начатія борьбы. Все предвѣщало сильную бурю. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ берега стояли маленькіе, скромные домики мѣстечка Гельгевиля, за которыми вдали виднѣлся густой лѣсъ. Ближе всѣхъ къ морю уныло торчалъ неуклюжій, одноэтажный домикъ, обнесенный полуразвалившимся заборомъ. Неприглядная наружность его носила на себѣ отпечатокъ самаго грустнаго уединенія.

Въ одной изъ комнатъ этого домика усердно занимался молодой человекъ, не обращая вниманія на явное приближеніе грозы. Серьезное, блѣдное, оттѣненное густыми, вьющимися волосами лицо его склонилось надъ ретортою; вооруженные очками глаза пристально слѣдятъ за ходомъ какого-то химическаго препарата. Столъ, у котораго онъ работалъ, весь былъ заставленъ стеклянками, кубами и плавильными горшечками; въ комнатѣ не было ничего, кромѣ деревянныхъ скамеекъ, да одного какого-то допотопнаго, соломаннаго кресла; на открытыхъ окнахъ не было занавѣсокъ.

— Скоро-ли ты перестанешь возиться, голубчикъ мой! — раздался изъ смежной комнаты жалобный женскій голосъ.

Молодой человекъ отвѣчалъ, не отрываясь отъ своего занятія:

— Я хочу воспользоваться остаткомъ дневнаго свѣта, Марушка, я слѣжу за чрезвычайно интереснымъ соединеніемъ двухъ...

— Отстань ты отъ меня съ своими соединеніями, изъ которыхъ не выходитъ ничего путнаго!

Ученый юноша поднялъ голову и улыбнулся; то не была горькая, насмѣшливая улыбка, но кроткая, чисто дѣтская усмѣшка.

— Ты ничего не понимаешь въ этихъ вещахъ, милая Марушка, — замѣтилъ онъ: — если надежда на удачный исходъ эксперимента не обманетъ меня сегодня, то наука обогатится новымъ, драгоценнымъ открытіемъ!

Неожиданный трескъ въ ретортѣ и ярко вспыхнувшее синее пламя заставили старуху поспѣшно вбѣжать въ комнату.

— Гроза приближается! — вскричала она: — Брось ты къ черту свои проклятые эксперименты! Меня съ самаго утра преслѣдуютъ ужасныя предчувствія.

— Это происходитъ отъ избытка углерода въ твоей крови, — съ невозмутимымъ хладнокровіемъ возразилъ молодой человекъ.

— Вотъ глупости! Я чувствую приближеніе грозы и предчувствую нѣчто недоброе. Не даромъ мнѣ снились ко тата цѣлую ночь, это вѣрный признакъ несчастія. Ай! — неистовымъ голосомъ вскрикнула Марушка: — Боже милостивый! Мнѣ показалось, что кто-то заглянулъ въ окно!

— Ну, чтожъ такое? — кроткимъ, успокаивающимъ тономъ возразилъ ученый: — Вѣроятно кто-нибудь спѣшитъ укрыться отъ грозы.

— Ужъ не въ нашемъ-ли домишкѣ? — не безъ ироніи возразила старуха, подходя къ окну.

— И это возможно.

— Такъ неожиданно подкрадываются къ людямъ только мошенники или злые духи!

Густавъ расхохотался, какъ ребенокъ. Во всей на-

ружности его было замѣтно много дѣтскаго, не смотря на пробивающіеся усы и бороду. Онъ былъ худощавый, стройный, но совершенно здоровый юноша.

— Не познакомились-ли ты тутъ съ какими-нибудь привидѣніями? — пошутилъ онъ.

— Мнѣ говорили о какой-то русалкѣ, — Богъ меня сохрани съ нею встрѣчаться! Да еще рассказывали про чернаго Конрада, который здѣсь разбойничаетъ, да такъ ловко скрывается, что его никакъ поймать не могутъ.

— Это очень интересно! Я предоставляю чернаго Конрада въ полное твое распоряженіе, Марушка; но молоденькой и хорошенькой русалкѣ охотно отворю дверь моего дома.

— Вотъ еще что выдумалъ! Развѣ ты когда-нибудь обращалъ вниманіе на красоту и молодость? — съ презрительною усмѣшкою вскричала старуха и прибавила, боязливо озираясь: — Не шути съ злыми духами, Густавъ: многихъ молодыхъ людей погубили эти проклятыя русалки. Овладевъ человѣкомъ, онѣ заставляютъ его бросить все, — отца, мать, жену, дѣтей, родину...

— Чего у меня никогда не бывало, — съ улыбкою прервалъ ее молодой человѣкъ: — стало быть, мнѣ и опасаться нечего

Это тебя не спасетъ, мой милый! Если ты вступишь въ свой домъ русалку, то она тебя будетъ мучить и преслѣдовать до тѣхъ поръ, пока не завлечетъ тебя съ собою въ воду, гдѣ ты утонешь, а душа твоя пойдетъ въ адъ, на вѣчную муку!

Въ эту минуту раздался сильный ударъ грома, вѣтеръ съ шумомъ ворвался въ комнату. Густавъ и Марушка бросились закрывать окна и двери.

— Зажги скорѣе лампу, Марушка, — приказалъ молодой человѣкъ, протирая свои мокрыя очки: — здѣсь совсѣмъ темно.

— Въ своемъ-ли ты умѣ? — вскричала старуха: — Я и въ кухнѣ-то погасила огонь. Совѣтую тебѣ сдѣлать то же самое, мой голубчикъ, — задуй и здѣсь это самое пламя; оно можетъ притянуть молнію.

— Оно никому не мѣшаетъ,— замѣтилъ юноша, хладнокровно продолжая свои наблюденія, не спуская глазъ съ реторты.

— Силы небесныя!— въ ужасѣ закричала Марушка, оглушенная сильнымъ ударомъ грома, отъ котораго задрожалъ весь домъ: окна и двери съ трескомъ распахнулись. Безпрерывный блескъ молніи наполнилъ всю комнату какимъ-то зловѣщимъ свѣтомъ.

Вдругъ въ дверяхъ показалась фигура, какъ волною морскою окутанная чѣмъ-то сѣровато-бѣлымъ. Она остановилась на порогѣ, съ умоляющимъ видомъ простирая руки впередъ.

Старуха громко вскрикнула, закрыла руками лицо и упала на колѣни; Густавъ сдѣлалъ шагъ впередъ и съ удивленіемъ взглянулъ на это неожиданное явленіе. Передъ нимъ стояла молодая дѣвушка.

— Я озябла,— проговорила она тихимъ, но совершенно спокойнымъ голосомъ.

Молодой человѣкъ успѣлъ уже овладѣть собою и, введя незнакомку въ комнату, поспѣшилъ затворить окна и двери; а Марушка, лежа на полу, громко читала то польскія, то нѣмецкія молитвы. Въ комнатѣ было темно.

— Зажги лампу,— приказалъ Густавъ, прерывая жалобные вопли испуганной старухи.

— Голубчикъ мой!— рыдала она:— Прогони ты ее, ради самаго Бога! Не губи ты себя!.. Вѣдь это... вѣдь это...

Она не рѣшалась выговорить ужаснаго слова и, обнявъ юношу своими костлявыми руками, всѣми силами старалась удалить его отъ мнимой русалки; но онъ вырвался изъ ея объятій и поспѣшно зажегъ спичку.

«Бѣдная дѣвочка промокла до костей»,— подумалъ онъ, взглянувъ на неожиданную гостью.

Круглое, дѣтски-наивное личико незнакомки было прелестно; мокрые волосы длинными прядями спускались на ея шею и руки; бѣлый, шерстяной платокъ покрывалъ ее съ головы до ногъ. Молча стояла она, устремивъ умоляющій взоръ на молодаго человѣка, какъ бы прося его защиты отъ нападеній старухи.

— Сядьте и отдохните, — сказала ей Густавъ, указывая на деревянную скамейку.

Дѣвушка провела рукою по скамейкѣ и начала ее разсматривать, какъ нѣчто никогда ею не виданное.

Ужась съ новою силою овладѣлъ Марушкою.

— Богъ знаетъ, откуда она явилась сюда! — проговорила она, дрожа всѣмъ тѣломъ.

— Изъ воды, — отвѣчала незнакомка, съ улыбкою указывая на свое промокшее платье.

— Боже мой милостивый! Предчувствіе не обмануло меня! — завопила старуха; но Густавъ заставилъ ее замолчать приказаніемъ подать гостѣ чашку горячаго чаю.

— Густавъ, дорогой мой, исполни просьбу вынянчившей тебя старухи: выгони ты изъ своего дома эту проклятую! Не подпускай ты ее къ своему очагу! Вытолкай ее за двери, голубчикъ мой! — съ воплемъ причитала Марушка, стоя на колѣняхъ.

— Здѣсь я хозяйинъ! — сердитымъ тономъ возразилъ Густавъ: — Дѣлай, что тебѣ приказано!

Стонъ вырвался изъ груди старухи, когда она выходила изъ комнаты.

Незнакомка, выжимая воду изъ своихъ волосъ, привѣтливо взглянула на стоящаго передъ нею молодаго человѣка.

— Миѣ кажется, что вы промогли насквозь, — наконецъ проговорилъ онъ, въ сильномъ замѣшательствѣ.

— Не мудрено! — съ улыбкою возразила дѣвушка, вздрогнувъ всѣмъ тѣломъ.

Глубокое состраданіе изобразилось на лицѣ Густава; въ первый разъ въ жизни случилось ему находиться въ такомъ затруднительномъ положеніи.

— Не могу-ли я быть чѣмъ-нибудь вамъ полезень? — спросилъ онъ: — Къ сожалѣнію, у насъ здѣсь...

— Ничего не приготовлено для приѣма гостей, — добавила незнакомка, озираясь во всѣ стороны: — это замѣтно!

— Вы совершенно правы, въ особенности для...

— Для гостей, выскочившихъ изъ воды!

— Перевзжая сюда, мы запаслись только самымъ для насъ необходимымъ ...

Бѣдный малый теперь только созналъ, до какой степени была убога его обстановка. Вдругъ глаза его остановились на стоявшей на окнѣ корзинкѣ съ работою Марушки. Броситься къ ней, схватить ее обѣими руками и подать гостѣ, было дѣломъ одного мгновенія. Въ попыхахъ онъ поскользнулся и едва не упалъ на свою гостью.

— Вамъ угодно, чтобы я занялась вязаньемъ?—не безъ лукавства спросила она, принимая изъ рукъ его корзинку.

— О, нѣтъ! Извините меня ... Я полагалъ, что въ этой корзинкѣ найдется что-нибудь для васъ необходимое ... Тамъ есть всякая всячина, — прибавилъ онъ, вытаскивая шерстяной чулокъ, и съ торжествующею улыбкою обратился къ незнакомкѣ:—Я не ошибся! Вотъ видите-ли какіе здѣсь находятся предметы!

— Одно этого предмета недостаточно для пары мокрыхъ ногъ, — замѣтила она, указывая на свои крошечныя, покрытыя пескомъ ножки.

— Разумѣется ... но, можетъ быть ...

Онъ вытащилъ изъ корзинки другой, недовязанный чулокъ, въ которомъ торчали спицы, и съ досадою бросилъ его на полъ.

— Во всякомъ случаѣ шерстянымъ чулкомъ можно растереть ваши озябшія ножки, — это очень полезно; я убѣдился въ этомъ во время моихъ путешествій на сѣверъ ...

— Благодарю васъ за добрый совѣтъ, — сказала дѣвушка, вытирая чулкомъ свои руки, между тѣмъ какъ съ волосъ и юбки ея ручьями текла вода.

Обрадованный тѣмъ, что чулокъ хоть на что-нибудь пригодился, Густавъ схватилъ стоящій на скамейкѣ тазъ съ водою и полотенце, и снова подбѣжалъ къ молодой дѣвушкѣ.

— Я и безъ этого уже слишкомъ мокра! — засмѣялась она, беря полотенце и отталкивая рукою тазъ.

— Конечно, — сквозь зубы проговорилъ испуганный юноша, бѣгая по комнатѣ съ тазомъ въ рукахъ и не находя мѣста, куда его поставить.

— Сколько я вамъ надѣлала хлопотъ! Извините меня,— сказала незнакомка.

— Помилуйте! Эти хлопоты мнѣ такъ пріятны! Движеніе очень полезно мнѣ, я постоянно веду сидячую жизнь!

Замѣтивъ, что гостья снова закутывается въ свой мокрый шерстяной платокъ, Густавъ хотѣлъ было этому воспрепятствовать.

— Оставьте,— кротко возразила она:— такъ онъ скорѣе высохнетъ. Если это васъ не обезпokoитъ, потрудитесь обтереть мои волоса этимъ полотенцемъ,— прибавила дѣвушка, закидывая за спину свои тяжелыя косы.

— Съ удовольствіемъ! — вскричалъ юноша и принялся за дѣло съ такимъ усердіемъ, какъ будто это было его обычнымъ занятіемъ.

— Какъ ловко вы выжимаете волоса, — похвалила его малютка: — Можно подумать, что вы дѣлаете это не въ первый разъ.

Эти слова придали Густаву еще болѣе энергіи, на губахъ его мелькнула самодовольная улыбка.

— Не парикмахеръ-ли вы? — полюбопытствовала дѣвушка.

— Парикмахеръ?!—повторилъ онъ:—О, нѣтъ! хотя я кое-что и смыслю въ этомъ дѣлѣ; я самъ завиваю свои волоса самъ брѣюсъ ежедневно.

— Зачѣмъ вы это дѣлаете? — спросила незнакомка, взглянувъ на его почти дѣтское, круглое лицо: — Зачѣмъ не отпускаете вы бороды?— прибавила она, замѣтивъ, что Густавъ ее не понялъ.

— Мнѣ такъ лучше нравится...—замаялся юноша, отъ вниманія котораго не ускользнула насмѣшливая усмѣшка его собесѣдницы.

И онъ продолжалъ тереть полотенцемъ волоса своей жертвы до тѣхъ поръ, пока она не сказала ему:

— Довольно, очень вамъ благодарна.

— Позвольте мнѣ продолжать, я еще не усталъ; не думайте, что это занятіе мнѣ надоѣло.

— Волоса почти сухи; посмотрите,—кончики уже вьют-

ся,—и она вырвала свои косы изъ рукъ своего усерднаго помощника.

— Вотъ еще на полотенцѣ осталось нѣсколько волосковъ,—сказалъ Густавъ, осторожно собирая ихъ пальцами.

— Бросьте ихъ, они не нужны.

— Жаль,—прибавилъ онъ, любуясь волосами:—всѣ они еще съ корнями...

— Но вѣдь они снова не прирастутъ къ моей головѣ!

— Право, жаль!.. Марушка постоянно собирала и прятала свои волоса... я это замѣтилъ, когда жилъ у нея...

— Развѣ вы теперь не у нея живете?

— Нѣтъ, теперь она живетъ у меня.

— Вотъ какъ! Ну, такъ присоедините эти волоса къ тѣмъ, которые собираетъ ваша старушка.

— Благодарю васъ! — вскричалъ Густавъ и, взявъ со стола распечатанное письмо, вложилъ волоса въ конвертъ и прикрылъ его камнемъ, исправлявшимъ у него должность прессъ-папье.

Дѣвушка внимательно слѣдила глазами за всѣми его движеніями и, когда онъ снова обернулся къ ней лицомъ, жалобнымъ голосомъ заговорила о своихъ «бѣдныхъ ногахъ».

Юноша подаль ей деревянную скамейчку.

— Благодарю васъ,—сказала гостя:—но эта скамейка мнѣ не поможетъ. Не потрудитесь-ли вы снять съ меня башмаки? Они такъ намокли, что я не въ состояніи сдѣлать это сама.

— Охотно! — возразилъ Густавъ и, снявъ башмаки, принялся внимательно ихъ разсматривать, какъ нѣчто необыкновенное.

Онъ былъ въ затрудненіи, не зная, что съ ними дѣлать.

— Выбросьте ихъ; они мнѣ больше не нужны,—сказала дѣвушка.

— Не пойдете же вы домой въ однихъ чулкахъ?

— Я сниму и чулки.

— И пойдете босикомъ?

— Почему же нѣтъ?

— Нѣтъ, это невозможно! Я спрошу нѣтъ-ли у Марушки пары сухихъ башмаковъ...

И не ожидая отвѣта, онъ выбѣжалъ изъ комнаты; а незнакомка подошла къ столу, приподняла лежащій на письмѣ камень и прочитала написанный на конвертѣ адресъ:— «Господину Густаву Аланду, въ Гельгевиль».

— Хорошо,—прошептала она и, подойдя къ стѣнѣ, начала разсматривать чей-то старинный портретъ.

— Кто это?—спросила она у молодого человѣка, когда тотъ появился на порогѣ.

— Это мой дядя, прежній владѣлецъ этого дома.

— Онъ вовсе не похожъ,—замѣтила она, покачивая головою.

— Развѣ вы его знали?

— Я? вотъ этого господина?! — спросила дѣвушка и громко расхохоталась.

— Вы сейчасъ сказали, что портретъ на него не похожъ...

— Я говорила, что вы не похожи на вашего дядюшку.

— Извините, я не такъ понялъ. Дѣйствительно, я на него не похожъ. Этотъ дядя былъ братъ моей матери, а я, по словамъ Марушки, похожъ на моего отца, котораго она хорошо помнитъ.

— Вашъ батюшка уже умеръ?

— Мои родители умерли оба такъ давно, что я ихъ даже не помню.

Это было сказано такъ просто, но заключало въ себѣ очень печальное событіе. Молодая дѣвушка поняла это сердцемъ; ей стало жаль бѣднаго юноши.

— Значитъ этотъ дядя и Марушка замѣнили вамъ родителей?—тихимъ голосомъ проговорила она.

— Не онъ, а одна Марушка.

Она хотѣла еще что-то спросить, но удержалась и, прикусивъ губу, пошла къ нему на встрѣчу.

Въ рукахъ Густава была пара огромныхъ туфель.

— Неужели вы воображаете, что я ихъ надѣну? — съ ироническою гримасою спросила дѣвушка.

Пристыженный юноша склонилъ голову; онъ такъ обрадовался находкѣ, что не обратилъ вниманія на размѣръ башмаковъ.

— Извините... я объ этомъ не подумалъ, — бормоталъ онъ, покраснѣвъ до ушей:—У Марушки такія большія ноги, что... Послушайте,—сказалъ онъ совершенно другимъ тономъ:—недавно я получилъ отъ Марушки въ подарокъ туфли, которыя оказались мнѣ слишкомъ узки..

Съ этими словами онъ вынулъ изъ ящика красныя бархатныя туфли, на которыхъ была вышита золотомъ буква Г.

— Это мой вензель, меня зовутъ Густавомъ, — поспѣшилъ онъ объяснить.

— Неужели вы позволите мнѣ надѣть эти прекрасныя туфли?—съ удивленіемъ спросила незнакомка:—А что, если я вамъ ихъ испорчу?

— Что за бѣда! Вы мнѣ ихъ растянете, и я вамъ буду за это очень благодаренъ.

— Въ такомъ случаѣ я воспользуюсь вашею любезностью.

И она протянула къ нему свои ножки.

— А туфли, кажется, не много широки,—замѣтилъ молодой человѣкъ, теперь только сознавая, что въ его парадную обувь могли помѣститься обѣ ноги дѣвушки.

— Ничего!—возразила она:—я постараюсь не потерять ихъ дорогою,—и сдѣлала нѣсколько шаговъ по комнатѣ:—Какъ онѣ теплы и мягки! — прибавила она съ лукавою улыбкою.

А дождь лилъ, какъ изъ ведра.

— Мнѣ пора домой, — сказала она, послѣ минутнаго молчанія.

— Помилуйте!—вскричалъ Густавъ: — Погода ужасная! Обождите еще нѣсколько минутъ и выкушайте чашку чаю.

— Мнѣ нельзя долго оставаться; меня ждуть—внизу.

— Вы живете въ Гельгевилѣ, не правда-ли?

— Да... нѣтъ... Я собственно тамъ не живу, а нахожусь только временно...

— Вы, вѣроятно, лечитесь?

— Нѣтъ... У меня есть другая цѣль...

Смущеніе незнакомки было такъ явно, что Густаву стало жаль ее и онъ поспѣшилъ ободрить ее словами:

— Здѣсь можно зарабатывать хорошія деньги.

— Въ особенности теперъ, во время жатвы, — прибавила она и какъ-то странно улыбулась.

— Неужели вы намѣрены работать въ полѣ?

— Это будетъ не въ первый разъ, — уклончиво отвѣчала она и вдругъ спросила: — Бываете-ли вы въ курзалѣ? Посѣщаете-ли вы концерты и общественныя гулянья?

— А вы бываете тамъ?

— Случается.

— Въ такомъ случаѣ я непременно приду послушать концертъ и погулять въ кургартенѣ; моціонъ необходимъ при моей сидячей жизни. Позвольте мнѣ узнать ваше имя и адресъ дома вашихъ родителей?

— У меня нѣтъ родителей, а имени моего никто здѣсь не знаетъ, — послѣ минутнаго колебанія отвѣчала незнакомка.

— Какъ же васъ называютъ, когда къ вамъ обращаются съ рѣчью?...

— Различнымъ образомъ....

— Но мнѣ бы хотѣлось.....

— Понимаю, — съ громкимъ смѣхомъ прервала его гостья: — Вы боитесь, чтобы ваши туфли не затерялись.

Сконфуженный юноша готовъ былъ провалиться сквозь землю. Въ эту минуту, съ подносомъ въ рукахъ, на порогѣ появилась Марушка, жадно прислушиваясь къ разговору молодыхъ людей, не замѣтившихъ ея присутствія.

— Не испугаетесь-ли вы, господинъ Густавъ, если я скажу вамъ, что меня зовутъ — русалкою!

У дверей смежной комнаты раздался душу раздирающій крикъ старухи, сопровождаемый страшнымъ ударомъ грома и блескомъ молніи. Подносъ съ зажженою лампою и чайнымъ приборомъ полетѣлъ на полъ; наружная дверь съ шумомъ распахнулась, — порывъ вѣтра погасилъ стоящую на столѣ свѣчку, — комната погрузилась въ глубокой мракъ...

Черезъ минуту, когда молнія снова освѣтила всѣ предметы, въ лабораторіи оказалось только два живыхъ существа:— Густавъ и Марушка,—незнакомка исчезла безслѣдно...

Молодой человѣкъ поспѣшилъ запереть дверь и зажечь свѣчку.

— Куда же она дѣвалась?—спросилъ онъ, озираясь во всѣ стороны.

— И ты еще спрашиваешь, куда?—всплеснувъ руками закричала старуха:—Разумѣется, въ воду! О, дитя мое, зачѣмъ ты не послушался моего совѣта?!

— Да вѣдь она хотѣла напиться у насъ чаю.

— Слава Богу, что она этого не сдѣлала!—вздохнувъ свободнѣе, возразила старуха:—Помни мудрое изреченіе: «Не позволяй злему духу приблизиться къ очагу твоему»!

— Кстати! Вѣдь у нашего очага просыхаютъ ея башмаки.

— Если они не исчезли вмѣстѣ съ русалкою.

— Какія глупости! Она ушла въ моихъ туфляхъ.

— Въ твоихъ новыхъ, прекрасныхъ туфляхъ?!

— Ну, да, я самъ надѣлъ ихъ на ея мокрыя, маленькія ножки.

— И ты не побоялся этого сдѣлать?! Ты самъ предался ея власти!... Она тебя погубить... О, горе, горе! Предчувствіе мое сбылось.

Густавъ стоялъ посреди комнаты въ глубокой задумчивости, не обращая вниманія на слова старухи.

— Не догнать-ли мнѣ ее? — нерѣшительнымъ тономъ проговорилъ онъ.

— Такъ ступай прямо въ воду!—въ отчаяніи вскричала Марушка.

— Бѣдная, она заблудилась, озябла, промокла,—продолжалъ юноша, предаваясь сладостнымъ воспоминаніямъ.

— Эта вѣдьма, русалка, чертова кукла! Посмотримъ подъ какою личиною явится она къ тебѣ на слѣдующій разъ?

— Перестань твердить твои нелѣпыя, бабьи сказки!

— Перекрестилась-ли она, войдя въ комнату?

— Я и самъ этого никогда не дѣлаю.

— Это потому, что ты взросъ на чужой сторонѣ, среди какихъ-то нехристей; — мать твоя была доброю католичкою.

— А отецъ — безбожникомъ, самымъ отъявленнымъ.

— Прибавь еще — комедіантомъ. Сколько страданій причинилъ онъ твоей несчастной матери, — прости ему Создатель! Ты теперь уже не ребенокъ, твое дѣло замаливать родительскіе грѣхи, а не заниматься волшебствомъ! Давно уже все это накупѣло у меня на сердцѣ; я рада хоть разъ высказать тебѣ всю подноготную. Долго держала я языкъ за зубами! Кому на радость или на пользу твоя проклятая чертова кухня? Что ты сидишь въ ней, какъ медвѣдь въ берлогѣ?

— Я химикъ, Марушка, и занимаюсь научнымъ изслѣдованіями.

— Ты избѣгаешь бывать въ порядочномъ обществѣ и водишь знакомство съ оборванными мазуриками, шляющимися по морскому берегу! Вѣдь это некрещенная сволочь, — прости Господи!

— Эти мазурики несравненно интереснѣе для меня той избранной публики, которая поощряетъ курзалъ и общественныя гулянья. Сколько великолѣпныхъ эскизовъ снялъ я съ этихъ оборванцевъ!

— Ты даже и не стыдишься ѣсть съ ними, точно будто ты у меня голодаешь.

— Признаться сказать, мнѣ уже надоѣли свѣжія сельди, которыми ты меня постоянно угощаешь!

Старуха еще болѣе озлилась.

— И зачѣмъ только я поѣхала съ тобою на этотъ проклятый берегъ? Чуюло мое сердце, что изъ этого не выйдетъ ничего путнаго. Лучше бы я осталась въ Кассубенѣ!

Густавъ подошелъ къ Марушкѣ и сказалъ ей тихимъ голосомъ:

— Я и не подозрѣвалъ, что ты послѣдовала за мною вопреки своему желанію. Мнѣ было такъ отраднo встрѣтиться съ тобою послѣ долгихъ лѣтъ разлуки; ты также

одинок, какъ и я, такъ-что тебѣ все равно, гдѣ бы ни жить. Поселившись со мною навсегда въ этомъ старомъ домѣ, я думалъ...

— Навсегда? Здѣсь?! Да сохрани меня Богъ! Я тутъ умру отъ страха! Это необозримое море, этотъ дремучій лѣсъ, голыя скалы и глубокия пропасти, хоть на кого наведутъ уныніе... Знаешь-ли ты, какая о тебѣ идетъ молва, Густавъ? Говорятъ, что ты черный Конрадъ! И по дѣломъ тебѣ: не избѣгай общества порядочныхъ людей, не водись съ приморскою сволочью!

— Я, черный Конрадъ?! Да у меня и цвѣтъ лица-то не смуглый!

— Это ничего не значитъ! Разбойника прозвали чернымъ, потому-что онъ постоянно носить черную маску и плащъ.

— Въ моемъ образѣ жизни нѣтъ ничего таинственнаго; домъ мой доступенъ для каждаго. Не понимаю, чѣмъ я заслужилъ такое мнѣніе?

— День деньской ты шляешься чертъ знаетъ гдѣ. Я не знаю, что и отвѣчать, когда тебя кто-нибудь спрашиваетъ. Ты ни съ кѣмъ не хочешь знакомиться! Въ твоей этой проклятой лабораторіи всю ночь на пролетъ видѣны свѣтъ, то красный, то синій, то зеленый;—ну, и говорятъ, что ты подаешь сигналы своимъ сообщникамъ. Чудо еще, что полиція до сихъ поръ не сдѣлала у насъ обыска и не арестовала насъ.

— Стало быть, и ты во мнѣ сомнѣваешься, Марушка?— обиженнымъ тономъ спросилъ молодой человекъ.

— Это могло бы случиться, если бы я не любила тебя болѣе своихъ родныхъ дѣтей. Этотъ морской разбойникъ, людоедъ, черный Конрадъ, говорятъ, еще очень молодъ.

— Развѣ я похожъ на людоеда, на разбойника?

Старуха ласково взглянула на своего питомца.

— Я этого не говорю и не думаю, голубчикъ мой,— сказала она:—но вѣдь и злые духи часто являются ангелами, а про волка въ овечьей шкурѣ и въ библіи упомянуто.

Тебѣ слѣдуетъ жениться, вотъ тогда люди и увидятъ, что ты за человѣкъ.

— Ты знаешь, что я уже имѣлъ это намѣреніе...

— Ну, да, знаю; ты все дѣлаешь не по людски. Сдурю вздумалъ жениться на женщинѣ, которую ты никогда не видалъ. Да я комада не позволю внести въ мою комнату, не осмотрѣвши его сто разъ. Ты захотѣлъ взять невѣсту точно въ придачу къ ея огромному состоянію; ну, она и обидѣлась. Это понятно.

Возбужденные нервы Марушки мало-по-малу успокоились; она подобрала черенки разбитой посуды и понесла ихъ въ кухню. А Густавъ все еще стоялъ у стола въ глубокой задумчивости. Машинально вынулъ онъ письмо изъ-подъ камня и началъ его перечитывать, хотя давно уже зналъ наизусть его содержаніе.

— Зачѣмъ я положилъ его на такое видное мѣсто,— думалъ онъ:— Зачѣмъ я вложилъ въ этотъ конвертъ волоса прелестной русалки?... Ахъ, Боже мой! Марушка бросить ея башмаки въ огонь!

Прибѣжавъ въ кухню онъ увидѣлъ, что одинъ башмакъ уже сгорѣлъ, а другой, какъ въ судорогахъ, корчится на раскаленныхъ угольяхъ. Выхватить его изъ огня и сунуть въ свой карманъ, было для Густава дѣломъ одной секунды, такъ-что старуха и не замѣтила.

Напѣвая веселую пѣсенку, вернулся онъ въ лабораторію, гдѣ взоръ его снова упалъ на письмо. Оно было слѣдующаго содержанія:

«Милостивый государь.

Вы глубоко оскорбили меня Вашимъ предложеніемъ. Поступокъ вашъ только изъ вѣжливости можно назвать необдуманнмъ. О нашемъ бракѣ не можетъ быть и рѣчи. Письма Ваши ко мнѣ будетъ получать мой повѣренный по дѣламъ.

Гертруда Ольшевская».

«Хорошо, что она мнѣ отказала; дѣйствительно, я поступилъ опрометчиво»,—думалъ юноша, забирая въ ящикъ башмакъ и локонь волосъ очаровательной русалки.

II.

На слѣдующій день послѣ бури, погода была великолѣпная. Въ кургартенѣ все блестяло подъ яркими лучами утренняго солнца: столы, скамейки, листья деревьевъ и кустарниковъ, газонъ, песокъ; даже оберъ-кельнеръ казался моложе и красивѣе нежели наканунѣ.

Большая площадка передъ курзаломъ была окружена старыми, тѣнистыми деревьями, между которыми, разумѣется, не было померанцовыхъ и лавровыхъ, а изобиловали дубовыя, букovyя, кленовыя и каштановыя. Площадка эта отдѣлялась отъ кургартена желѣзною оградой, не скрывавшею вида на море. Въ павильонѣ музыканты уже настраивали инструменты для утренняго концерта, охотно посѣщаемого публикою.

Въ Гельгевилѣ, кромѣ морскаго купанья и источника минеральной воды, было еще заведеніе для леченія сывороткою, въ которомъ хорошенькая нѣмочка, въ швейцарскомъ костюмѣ, продавала желающимъ «настоящую козью сыворотку», приглашая посѣтителей на веранду красиваго, крытаго черепицею швейцарскаго домика.

Больные любили пить кофе на воздухѣ, при звукахъ веселой музыки; имъ прислуживали прозванный въ шутку «скороходомъ» оберъ-кельнеръ Вильгельмъ и нѣсколько хорошенькихъ служанокъ, въ форменныхъ холстинковыхъ платьяхъ, бѣлыхъ фартукахъ и кокетливыхъ чепчикахъ.

Въ этотъ день, по случаю сырости, только нѣсколько столовъ были заняты публикою. Музыканты сыиграли попури изъ «Нищаго студента», напедшаго отголосокъ въ сердцахъ слушателей.

— «Ахъ, вѣдь я поцѣловалъ ее только въ плечико!— какъ эхо повторилъ щегольски одѣтый, довольно молодой человекъ, ведя подъ руку толстую, неуклюжую барыню, плечо которой находилось на одной линіи съ его губами.

Но онъ, повидимому, не имѣлъ намѣренія воспользоваться

случаемъ поцѣловать и свою даму, возлѣ которой онъ казался крошечнымъ козликомъ, пріютившимся у огромной сѣрой скалы. На барынѣ былъ надѣтъ широкій сѣрый плащъ жирное лицо ея было похоже на комъ тѣста, утратившаго при броженіи, свою первобытную форму. А спутникъ ея былъ человѣкъ среднихъ лѣтъ, съ румяными щеками, кроткими глазами и свѣтлорусыми бакенбардами.

Эта интересная парочка шла по направленію къ швейцарскому домику. На встрѣчу къ нимъ со стороны моря, подбѣжала молодая дама, чрезвычайно привлекательной наружности, хотя черты лица ея нельзя было назвать правильными, въ строгомъ смыслѣ этого слова. Во всѣхъ движеніяхъ ея было такъ много милой, женственной граціи, что на нее можно было залюбоваться. Французы называютъ этотъ родъ красоты юношеской свѣжести: «beauté du diable». Мокрые, каштановые волосы были зачесаны за уши и, не заплетенные въ косы, лежали на спинѣ ея. Всѣ молодыя посѣтительницы морскихъ купаній имѣютъ обыкновеніе выставлять такимъ образомъ свои волосы на показъ публикѣ; само собою разумѣется, что большая часть изъ нихъ очень ловко примѣшиваетъ фальшивые волосы къ своимъ собственнымъ. Мужчины ими восхищаются, не замѣчая подлога, а дамы ничего болѣе и не требуютъ.

— Здравствуйте, дѣтки!—привѣтствовала молодая дама вышеописанную нами пару:—Я провела въ водѣ цѣлый часъ. Что за наслажденіе! Волны такъ и бьютъ! Я ныряла шесть разъ и такъ глубоко, что привела въ ужасъ стоявшихъ на берегу купальщицъ. Онѣ только руки поднимали къ небу. Уморительно!—и она громко расхохоталась.

— Какъ тебѣ не стыдно!—съ упрекомъ вскричалъ краснощекій господинъ.

— Восхитительный воздухъ!—продолжала дама, дыша полною грудью и не обращая вниманіе на его слова:—Мы будемъ завтракать на воздухѣ, не правда-ли?

— Не сыро-ли здѣсь?—замѣтилъ господинъ въ то время, какъ масса, закутанная въ сѣрый плащъ, усѣлась на скамейку, съ явнымъ намѣреніемъ не вставать съ нея.

— Кельнеръ, подайте намъ завтракъ,—живо скомандовала молодая дама.

— Такой, какъ вчера: чай, кофе и яйца? Или прикажете подать что-нибудь болѣе питательное?—спросилъ Вильгельмъ.

— Что же у васъ есть?

— Прекрасныя бараньи и телячьи котлеты, бифштексъ, окорокъ...

— Можетъ быть медвѣжьей и, въ добавокъ, въ первобытномъ состояніи?

— О, нѣтъ! Отличный свиной окорокъ, совершенно свѣжій, даже горячій,—возразилъ оберъ-кельнеръ.

— А еще что у васъ есть?

— Еще есть языкъ.

— Также свѣжій и горячій?

— Нѣтъ, копченный и холодный; половину его господа скушали вчера за ужиномъ. Увѣряю васъ, что онъ очень вкусенъ.

— Вѣрю, но только вы намъ его не подавайте, а принесите намъ чаю, кофе, яицъ и котлетъ.

— Сію минуту!—отвѣчалъ Вильгельмъ и почти бѣгомъ побѣжалъ по направленію къ кургаузу.

Эти трое посѣтителей пріѣхали въ Гельгевиль два дня тому назадъ и чрезвычайно заинтересовали оберъ-кельнера. Прислуживать всѣмъ пріѣзжимъ не входило въ составъ его обязанностей, поэтому онъ избиралъ для себя только тѣхъ изъ нихъ, которымъ, по его соображеніямъ, «стоило» служить, предоставляя остальныхъ находящимся подъ его командою дѣвушкамъ. Вильгельмъ рѣшилъ въ умѣ своемъ, что этимъ тремъ господамъ «стоитъ» служить: они заняли пять комнатъ, спрашивали все самое лучшее, никогда не торговались и платили голландскими червонцами.

Напрасно ломалъ онъ себѣ голову, стараясь догадаться, какая родственная связь существуетъ между этими тремя разнородными субъектами, и почему самая молоденькая изъ нихъ всѣмъ полновластно распоряжается? Не разъ уже пы-

тался онъ подавать книгу, въ которой расписывались путешественники, но молодая дама отбрасывала ее въ сторону.

— И зачѣмъ это, — думалъ онъ: — прїѣхали они изъ Голландіи въ Гельгевиль купаться въ морѣ и пить сыворотку? Что значить, что сундуки ихъ съ верху до низу оклеены желѣзнодорожными билетами? Все это надо разузнать.

Вмѣстѣ съ завтракомъ оберъ-кельнеръ снова принесъ записную книгу и почтительно положилъ ее на столъ, передъ краснощекиимъ господиномъ, который принялся разсѣянно ее перелистывать.

— Ни одной порядочной фамиліи, — замѣтилъ онъ, намѣреваясь расписаться вслѣдъ за «негоціантомъ Мейеромъ», имя котораго красуется въ записныхъ книгахъ всего земнаго шара.

— Подай мнѣ книгу, я распишусь вмѣсто тебя, — вскричала шалунья, вырывая перо изъ руки своего сосѣда, и написала крупнымъ, размахистымъ почеркомъ:

«Мингеръ Класъ Мерманъ, — Амстердамъ; Фрау Кетте Мерманъ, — Амстердамъ; Фрау Гертруда Мерманъ, — Амстердамъ».

Мингеръ Мерманъ заглянулъ въ книгу и спросилъ, когда оберъ-кельнеръ отошелъ отъ стола:

— Гертруда Мерманъ? Это что значить?

— Такъ надо, Мерманхенъ, — былъ лаконическій отвѣтъ молодой дамы.

— Почему же ты не написала своей фамиліи, Герта?

— Потому что твоя мнѣ лучше нравится.

— Но, дитя мое, люди подумаютъ, что у меня двѣ жены.

— Вовсе нѣтъ; скажутъ, что ты путешествуешь съ своей матерью и женою.

— Матерью?! — съ удивленіемъ повторилъ голландецъ: — Хотя я давно уже привыкъ къ твоимъ сумасбродствамъ, но чтобы ты вздумала назваться моею матерью, я никогда и не воображалъ. И къ чему всё эти затѣи?

— Съ чего ты взялъ, что я хочу прослыть твоею матерью? Я предоставляю это удовольствіе Кетте, а сама буду изображать на время жену твою.

— Сьумасшедшая!—сквозь зубы проворчала толстая барыня, съ наслажденіемъ пившая чай и до сихъ поръ не принимавшая участія въ разговорѣ.

Грубый голосъ ея звучалъ точно изъ глубины погребя.

— Объясни ты мнѣ эту комедію,—продолжалъ мингеръ Классъ.

— Изволь. Согласись, что тебѣ уже надоѣло слушать замѣчанія такого рода: «Эта полная дама ваша супруга? Странно, вы сами такъ молодожавы», и т. п. Затѣмъ тебя сильно компрометируетъ этотъ сѣрый плащъ на твоей женѣ,— а когда онъ будетъ окутывать твою мать, это будетъ совершенно прилично. Я же буду для тебя какъ разъ подходящая пара. Какъ ты видишь, всѣ выгоды этого измѣненія ролей на твоей сторонѣ. Это здѣсь никого не удивить, тѣмъ болѣе, что я привыкла называть тебя Мерманхенъ, а твою жену тетекъ Кетте. Насъ здѣсь никто не знаетъ, и мы можемъ прекратить эту комедію, когда намъ вздумается.

— Чистое сумасбродство! — пробормотала толстая барыня.

— Все это прекрасно, милая Герта,—возразилъ голландецъ, расправляя свои бакенбарды:—но я никогда не повѣрю, что ты затѣяла это единственно для моего удовольствія.

— Ты угадалъ, Мерманхенъ. Конечно это польстило бы твоему самолюбію; но извини меня, я дѣйствую подъ влияніемъ эгоизма и просто желаю этимъ способомъ избавиться отъ преслѣдованія жениховъ, которыхъ не въ силахъ разогнать даже и твое высокое покровительство.

— Но вѣдь ты наслѣдница имѣнія твоего покойнаго мужа; какъ же ты предъявишь права свои подъ чужимъ именемъ?

— Я не имѣю правъ на наслѣдство,—процессъ мой проигранъ.

— Проигранъ?! И рѣшеніе суда тебѣ уже объявлено?

— Да, — съ невозмутимымъ хладнокровіемъ отвѣчала вдовушка:—это было недѣли три тому назадъ.

Голландецъ бросилъ скомканную салфетку на столъ; кроткіе, голубые глаза его засверкали.

— И ты только теперь мнѣ это сообщаешь, самымъ равнодушнымъ тономъ?!—вскричалъ онъ въ порывѣ негодованія:—Извини меня, милая Герта, это уже слишкомъ не деликатно съ твоей стороны! Стало быть, когда въ Женевѣ ты изъявила желаніе поѣхать сюда, подѣ предлогомъ осмотра имѣнія...

— Я уже знала, что оно мнѣ не принадлежитъ,—это правда. Я желала избѣгать скучныхъ объясненій по этому поводу,—вотъ и все. Для тети Кетте цѣль путешествія совершенно безразлична: она исполняетъ предписаніе докторовъ и передвигается съ мѣста на мѣсто, почти не снимая своего дорожного плаща. А твои щегольскіе костюмы про извѣдутъ здѣсь фуроръ,—не такой, какъ въ Трувилѣ или Баденъ-Баденѣ. Мнѣ же собственно хотѣлось взглянуть на домикъ моего мужа и на того безсовѣстнаго человѣка, который предложилъ взять вдову своего дяди въ придачу къ его наслѣдству. Согласись, что это обидно, вѣдь я не продажная вещь!

— Въ данномъ случаѣ онъ не составляетъ исключенія: многіе изъ насъ, при женитьбѣ, имѣютъ въ виду одно состояніе, не обращая вниманія на личность, которую берутъ въ придачу,—возразилъ Мерманъ, бросая косвенный взглядъ на свою супругу.

— Но вѣдь онъ меня никогда не видѣлъ и дѣйствовалъ подѣ вліяніемъ холоднаго разчета.

— Я съ этимъ не вполне согласенъ. Корыстолюбивый человѣкъ охотно согласился бы взять съ тебя тридцать тысячъ гульденовъ, которые ты ему предлагала за этотъ клочекъ земли.

— Я имѣла въ виду деликатнымъ образомъ вознаградить его за лишеніе наслѣдства.

— А онъ не захотѣлъ принять отъ тебя милостыни.

— И изъявилъ желаніе воспользоваться всеѣмъ состояніемъ своего дяди, съ несчастною его вдовою въ придачу!

Мерманъ въ раздуміи теребилъ свои бакенбарды и сказалъ, послѣ минутнаго молчанія:

— Загадочная личность! Судя по его письму, этотъ

человѣкъ не похожъ на алчнаго интригана. Это было чисто дѣловое письмо, безъ всякихъ прикрасъ.

— Тѣмъ болѣе оно оскорбительно для меня!— вскричала Гертруда.

— Дѣйствительно обиженная женщина не пріѣхала бы сюда, съ цѣлью взглянуть на своего врага.

— Неужели ты, премудрый, дальновидный человѣкъ, не понимаешь, что влекло меня сюда?

— Пустое, женское любопытство, не правда-ли?

— И оно вполнѣ удовлетворено. Вчера вечеромъ, во время грозы, я не только его видѣла, но даже разговаривала съ нимъ.

— Вотъ почему ты опоздала къ ужину! Ну, какъ же онъ тебѣ понравился?

— Я нашла его хуже, нежели воображала. Онъ не интриганъ, а какой-то простофиля!

Мерманъ нетерпѣливо забарабанилъ пальцами по столу; онъ терпѣть не могъ слова «простофиля».

— Въ такомъ случаѣ, мы можемъ отсюда уѣхать и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше,—сказалъ онъ.

— О, нѣтъ!—возразила вдовушка:—Тетя Кетте пользуется здѣсь отличною сывороткою, ты показалъ только два изъ твоихъ щегольскихъ костюмовъ, а мнѣ чрезвычайно нравится эта мѣстность.

— Ничего здѣсь нѣтъ хорошаго и публика-то дрянная.

— Ты забылъ нашего вчерашняго сосѣда за ужиномъ,— только-что вернувшася съ охоты, красиваго поляка, который разсказалъ намъ цѣлую исторію о своихъ накрахмаленныхъ рубашкахъ?

— Молодаго человѣка въ національной чамаркѣ? Какъ же, я его хорошо помню! Мнѣ очень понравилась его шапочка,—какъ ее у поляковъ называютъ?—конфедератка. Онъ и тебѣ, кажется, приглянулся. Не хочешь-ли ты выйти за него за мужъ?

— Почему же нѣтъ? Я, по крайней мѣрѣ, имѣю понятіе о его наружности; а этотъ простофиля,—прибавила Гертруда, презрительно кивнувъ головою въ сторону:—сдѣлалъ

мнѣ предложеніе, не побезпокоившись ни разу взглянуть на меня.

Во время этого разговора вдовушка не спускала глазъ съ большой аллеи сада, по которой гуляла публика и вдругъ объявила, что сама желаетъ погулять, заплела свои волосы и схватила шляпу Мермана.

— Вотъ твоя шляпа, — остановилъ ее голландецъ: — За чѣмъ же ты берешь мою?

— Оставь, Мерманхенъ, мнѣ пришла фантазія пощеголять въ твоей шляпѣ. Теперь подай мнѣ твою лорнетку.

— Это еще что за причуды?

— Не мѣшай мнѣ! Гдѣ же твое кашнѣ?

— Вотъ, возьми, да прибавь къ этому мои перчатки и пальто.

— Они мнѣ не нужны. Подай мнѣ твою палку.

Проказница надѣла на голову сѣрый цилиндръ, насадила на носъ пенснѣ и обмотала шею клѣтчатымъ шарфомъ.

— Куда же ты намѣрена отправиться въ этомъ шутовскомъ нарядѣ? — спросилъ Мерманъ, а жена его прибавила:

— Совсѣмъ съ ума сошла!

— Я иду гулять, до свиданія! — отвѣчала Гертруда и быстрыми шагами пошла по направленію къ большой аллеѣ.

У рѣшетки она повстрѣчалась съ молодымъ человѣкомъ, пристально взглянула на него и съ восклицаніемъ: «Shocking!» пошла далѣе. Тотъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ ей вслѣдъ и, войдя на площадку, сѣлъ на первый попавшійся стулъ, не замѣтивъ, что на немъ лежитъ пледъ.

— Извините, сударь, — обратился къ нему оберъ-кельнеръ: — вы сѣли на шаль этой барыни.

— Виноватъ! — вскричалъ незнакомецъ, въ испугѣ вскакивая съ мѣста.

Свертывая пледъ, Вильгельмъ внимательно разсматривалъ молодого человѣка: сюртукъ изъ тонкаго сукна, хотя и старомодный, стальная цѣпочка у часовъ, прекрасная касторовая шляпа, туго набитый бумажникъ въ рукахъ, наруж-

ность довольно привлекательная, но во всѣхъ движеніяхъ замѣтна неловкость и нерѣшимость.

— Не угодно-ли вамъ позавтракать?—спросилъ оберъ-кельнеръ, убѣдившись, что передъ нимъ стоитъ личность, услужить которой будетъ для него выгодно.

— Я уже... то-есть мнѣ бы хотѣлось... нѣтъ, пожалуй... Скажите, кто эта дама, съ которою я сейчасъ повстрѣчался?

— Не могу знать. Мало-ли здѣсь есть дамъ? Если она молоденькая и хорошенькая, то должно быть это была голландка.

— Молодая, да, и красивая, если я не ошибаюсь.

— Въ ватерпруфъ и съ распущенными волосами, не правда-ли?

— Въ ватерпруфъ,—это дѣйствительно такъ; но волосъ ея я не видѣлъ, потому-что на головѣ ея былъ огромный, сѣрый цилиндръ.

— Съ прекрасными черными глазами?

— Этого я не могъ разглядѣть, на ней были очки.

— Легкая, граціозная походка?

— О, нѣтъ! Она прошла мимо меня крупными, тяжелыми шагами и проговорила, что-то по-англійски.

— Не умѣю вамъ доложить, кто была эта дама; я ее не знаю. Тутъ по сосѣдству живетъ вернувшаяся изъ Россіи, бѣдная гувернантка-англичанка. Ужъ не она-ли это была? У нея какая-то странная, тяжелая походка.

Незнакомецъ открылъ свой портфель. Замѣтивъ, что онъ набитъ бумагами, а не банковыми билетами, оберъ-кельнеръ скорчилъ презрительную гримасу и отвернулся.

— Подайте мнѣ чашку кофе,—сказалъ юноша.

— Мнѣ некогда,—отвѣчалъ Вильгельмъ:—я поплюю къ вамъ одну изъ служанокъ,—и повернулся къ нему спиною.

Между тѣмъ незнакомецъ развинтилъ свою палку и усталилъ походный мольбертъ, собираясь приняться за работу.

— Войдите сюда на одну минуточку, любезный господинъ оберъ-кельнеръ!—позвала Гертруда, успѣвшая уже пробраться въ свою комнату.

«Любезный господинъ оберъ-кельнеръ, да еще отъ такой хорошенькой дамочки!»—подумалъ Вильгельмъ и, оправившись передъ зеркаломъ, съ быстротою стрѣлы взлетѣлъ вверхъ по лѣстницѣ въ первый этажъ.

Молодая женщина стояла посреди комнаты, въ простомъ ситцевомъ платьѣ и заплетала въ косы свои волосы. Не прерывая своего занятія, она сдѣлала нѣсколько шаговъ на встрѣчу къ Вильгельму и сказала ему мягкимъ, вкрадчивымъ голосомъ:

— Если я не ошибаюсь, вамъ очень нравится молоденькая швейцарка, торгующая сывороткою?

— Она моя невѣста,—пробормоталъ оберъ-кельнеръ, покраснѣвъ какъ ракъ.

— Поздравляю! Этотъ выборъ дѣлаетъ честь вашему вкусу. Когда же будетъ ваша свадьба?

— О, еще не скоро! Въ концѣ сезона мы увидимъ, что достанется на нашу долю.

— Не позволите-ли вы мнѣ помочь вамъ въ этомъ случаѣ?—привѣтливо спросила Гертруда, вынимая изъ кармана голубой, шелковый кошелекъ, связанный въ видѣ кончика чулка.

— Какая прелестная вещица!—воскликнулъ Вильгельмъ, замѣтивъ, что кошелекъ полонъ червонцевъ.

— Не правда-ли? Говорятъ, что деньги надо держать въ чулкѣ, для того чтобы онѣ никогда не переводились.

Вдовушка высыпала золото на столъ; затѣмъ, положивъ одинъ червонецъ въ кошелекъ, подала его оберъ-кельнеру и сказала.

— Передайте это отъ меня вашей невѣстѣ и скажите ей, что я позабочусь о томъ, чтобы этотъ волшебный червонецъ возвращался въ ея кошелекъ, послѣ того, какъ она его истратитъ.

— Чѣмъ могу я отслужить вамъ, сударыня, за такую милость? — дрожащимъ голосомъ проговорилъ чуть не до слезъ тронутый Вильгельмъ.

— Я вамъ сейчасъ это объясню,—возразила Гертруда:—

я попрошу васъ оказать мнѣ маленькую услугу, а главное сохранить это въ тайнѣ.

— Все, что отъ меня зависитъ будетъ мною исполнено.

— Это не болѣе какъ простая, самая невинная шутка. Во первыхъ скажите мнѣ, о чемъ вы разговаривали съ молодымъ человѣкомъ, который вошелъ въ кургартенъ нѣсколько минутъ тому назадъ?

— Онъ разспрашивалъ меня о какой-то англичанкѣ и приказалъ подать ему кофе.

— Этотъ кофе подамъ ему я, любезный господинъ оберъ-кельнеръ. Достаньте мнѣ чепчикъ и передникъ у одной изъ вашихъ служанокъ и принесите сюда поднось со всѣмъ приборомъ. Только ради Бога не выдайте меня передъ этимъ господиномъ. Въ кургартенѣ теперь никого нѣтъ; такъ-что меня никто не увидить.

— А я постараюсь на это время удалить прислугу,— прибавилъ обязательный оберъ-кельнеръ.

— Я имѣю въ виду еще нѣсколько разъ пользоваться вашими услугами.

Вильгельмъ молча поклонился.

— И щедро вознагражу вашу ловкость и молчаніе.

— Я постараюсь исполнять всѣ ваши приказанія, съ ловкостью карманнаго вора, безмолвіемъ могилы и быстрою телеграфа.

— Хорошо, это докажутъ послѣдствія, а теперь я пожду васъ здѣсь на лѣстницѣ.

Ш.

Наши читатели вѣроятно уже узнали Густава Аланда въ робкомъ незнакомцѣ, который, устроивъ себѣ временную мастерскую на площадкѣ, подъ открытымъ небомъ усердно принялся за работу и живо нарисовалъ премиленькій эскизъ живописной мѣстности. Вдали, за рѣшеткою, бе-

регъ моря; налѣво швейцарскій домигъ и пасущаяся на лугу корова; направо группа развѣсистыхъ деревьевъ кургартена. Все это было такъ мастерски изображено на полотнѣ, что трудно было повѣрить, чтобы это была работа знакомаго намъ юноши.

Мингеръ Мерманъ внимательно слѣдилъ за всѣми движеніями молодаго человѣка. Внезапно въ умѣ его возникла мысль приобрести за безцѣнокъ хорошенькую картинку. Это казалось ему тѣмъ удобнѣе, что художникъ, повидимому, былъ человѣкъ небогатый: слишкомъ скромный туалетъ и очевидная робость его служили вѣрнымъ доказательствомъ, что онъ еще не принадлежитъ къ категоріи знаменитыхъ живописцевъ. Практичный голландецъ любилъ пользоваться удобнымъ случаемъ для выгодной покупки. Съ этою цѣлью онъ подошелъ къ Густаву, взглянулъ на его работу и сказалъ:

— Какая хорошенькая картинка! Вы вѣроятно живописецъ, милостивый государь?

— Да, отчасти,—былъ скромный отвѣтъ юноши, что очень понравилось Мерману, любившему выдавать себя за мецената, если это ему дешево обходилось.

— Замѣтно, что вы много практиковались, — продолжалъ онъ.

— О, да; я долго путешествовалъ съ этою цѣлью.

Въ сущности это была неправда, но Густаву, въ качествѣ живописца, казалось удобнѣе наблюдать за тѣмъ, что происходитъ въ кургартенѣ и его окрестностяхъ.

— Вы художникъ по прозванію, не правда-ли? — спросилъ голландецъ, послѣ минутнаго молчанія.

— О, нѣтъ! Я только любитель живописи.

— Вы хотите сказать, что не смотрите на искусство, какъ на средство добывать деньги?

— Разумѣется.

Этого только было и нужно Мерману.

— Вотъ видите-ли,—продолжалъ онъ самоувѣреннымъ тономъ покровителя изящныхъ искусствъ:—миѣ бы очень

хотѣлось присоединить эту картинку къ моей коллекціи, но я попрошу васъ изобразить на ней мою жену. Ты согласна, мой ангелъ?—обратился онъ къ вышеупомянутой, массивной, неподвижной, сѣрой скалѣ, упорное молчаніе которой означало полное согласіе. Это придасть вашей работѣ болѣе цѣнности, видно будетъ, что она сдѣлана на заказъ. Я повезу картину въ Амстердамъ, покажу ее моимъ друзьямъ и, такимъ образомъ, имя ваше сдѣлается извѣстнымъ въ Голландіи. Я считаю священною обязанностью поддерживать начинающихъ свою артистическую карьеру, даровитыхъ художниковъ.

— Очень вамъ благодаренъ,—не безъ замѣшательства возразилъ Густавъ:—но я долженъ вамъ замѣтить...

— Фигура моей жены придасть вашей картинкѣ болѣе рельефности. Не правда-ли, мой ангелъ?

Толстый ангелъ промычалъ что-то, не трогаясь съ мѣста.

— Я долженъ вамъ замѣтить,— снова началъ юноша:— что на этомъ эскизѣ уже изображена пасущаяся корова, поэтому для вашей супруги нѣтъ мѣста, — картина слишкомъ мала ..

— Такъ сотрите корову и, вмѣсто нея, нарисуйте мою жену...

— Темнокоричневая краска стирается съ трудомъ...

— Въ такомъ случаѣ употребите ее на плащъ моей жены; не бѣда, если онъ будетъ коричневый, а не сѣрый!— Не правда-ли, душа моя?

— Мнѣ все равно!—съ невозмутимымъ хладнокровіемъ проговорила наконецъ фрау Мерманъ.

— Я полагаю, что это испортитъ весь эффектъ,—нерѣшительнымъ тономъ сказалъ злополучный юноша, не зная, какъ ему выпутаться изъ этой непріятной исторіи.

— Къ чему всё эти церемоніи? Кому какое дѣло до эффекта, если я буду имъ доволенъ? — вскричалъ мингеръ, крайне недовольный этою, по его мнѣнію, неделикатностью художника.

— Вы не такъ поняли мои слова, сударь, — возразилъ Густавъ.

Въ эту минуту фрау Мерманъ поднялась со скамейки, фигура ея изображала, по прежнему, скалу, имѣющую нѣкотораго рода сходство съ человѣческимъ образомъ.

— Что тебѣ угодно, ангель мой? — спросилъ нѣжный супругъ: — Останься еще на нѣсколько минутъ въ саду. Погода такъ хороша!

— Ступай! — точно топоромъ отрубилa сѣрая скала и схвативъ мужа подъ руку, съ непреклонною неумолимостью судьбы потащила его по направленію къ курзалу.

Вдали раздался взрывъ громкаго смѣха. Голосъ показался Густаву знакомымъ, но никого не было видно. Между завтракомъ и обѣдомъ кургартенъ бываетъ совершенно пусто: больные отдыхаютъ. Густавъ снова принялся за свою прерванную работу; изрѣдка мимо него пробѣгали хорошенькія служанки, съ любопытствомъ поглядывая на картинку.

Вдругъ вблизи отъ него послышался легкій шорохъ; по площадкѣ, съ подносомъ въ рукахъ, шла молодая дѣвушка и, поставивъ кофейный приборъ на столъ, уже собиралась уйти обратно.

— Сколько вамъ слѣдуетъ заплатить? — спросилъ Густавъ, не отрывая глазъ отъ своей работы.

— Четыре гроша, сударь, — звонкимъ голоскомъ отвѣчала служанка.

Густавъ Аландъ быстро обернулся: передъ нимъ стояла та загадочная личность, о которой онъ не переставалъ мечтать со вчерашняго вечера. Ему показалось, что на нее похожа встрѣтившаяся съ нимъ въ паркъ, чопорная англичанка. Почудилось, что онъ только что слышалъ ея смѣхъ; а теперь она стоитъ передъ нимъ. Но можетъ-ли быть, чтобы это была его вчерашняя гостья? Бѣлый чепчикъ на гладко причешанныхъ волосахъ, простенькое платье, передникъ, скромно опущенные глаза, — нѣтъ, это не она! Круглое личико, ротикъ, въ видѣ спѣлой вишни, прелестный прямой носикъ, черныя брови и такія же длинныя рѣсницы, — она, она, — это не подлежитъ сомнѣнію!

Машинально вынулъ онъ изъ кармана свой кошелекъ и

положилъ въ протянутую къ нему руку дѣвушки серебряную монету.

— Прикажете подать сдачи?—спросила она, поднявъ глаза на юнопу, что заставило его невольно вздрогнуть.

— Нѣтъ, не надо, возьмите это себѣ...

— Благодарю покорно!—и монета исчезла въ ея карманѣ.

— Послушайте,—сказалъ Густавъ, когда дѣвушка повернулась къ нему спиною, собираясь уходить.

— Что вамъ еще угодно?

— Сливочкѣ,—чуть слышнымъ голосомъ произнесъ молодой человѣкъ; нервная судорога сдавила ему горло.

— Вотъ они,—указала Гертруда на молочникъ.

— Ахъ, да... Потрудитесь подать мнѣ воды...

— Воды?! Я принесла вамъ полный чайникъ кипятку и стаканъ холодной воды.

— Виноватъ, я не замѣтилъ; я такъ близорукъ! Холодная вода очень полезна для здоровья. Любите-ли вы холодную воду?

— Признаться сказать, она мнѣ ужасно надоѣла. Ну, что въ ней хорошаго? Сырость какая-то...

— Сырость?! Да вы правы; вотъ, хоть бы вчера, во время грозы, вы промокли насквозь...

— Я, во время грозы?! Я была дома, сударь, и не могла промокнуть, сидя въ комнатѣ!—сердитымъ тономъ возразила служавка и, схвативъ поднось, почти бѣгомъ пошла обратно въ домъ.

Густавъ началъ внимательно разсматривать слѣды маленькихъ ножекъ на сыромъ пескѣ, мало того, онъ вынулъ изъ кармана оставленный у него вчера русалкою башмакъ и, подойдя къ балкону, гдѣ слѣды были глубже, вложилъ въ одинъ изъ нихъ, точно въ футляръ и радостно вослѣдствовалъ:

— Какъ разъ! Что за чудо!

Поднимаясь съ колѣнъ, онъ носомъ къ носу столкнулся съ выходившимъ изъ дверей дома оберъ-кельнеромъ.

— Что вы потеряли, сударь? Позвольте, я помогу вамъ искать,—сказалъ Вильгельмъ.

— Я ничего не ищу,—возразилъ юноша, точно человекъ, пойманный на мѣстѣ преступленія:—Я разсматривалъ слѣдъ...

— Вотъ эти... у самого крыльца?—покачивая головою повторилъ оберъ-кельнеръ.

Личность незнакомца, примѣривающаго башмагъ къ свѣжему слѣду, показалась ему подозрительною: въ окрестности носились слухи о ловкомъ воровствѣ. А въ кассѣ заведенія было не мало денегъ, такъ-что взглядъ, брошенный имъ на Густава, былъ вовсе не дружелюбенъ.

— Скажите мнѣ,—началъ юноша:—кто была молодая дама... я хотѣлъ сказать служанка, которая сейчасъ подала мнѣ кофе?

Вильгельмъ вспомнилъ данную ему инструкцію.

— Вѣроятно одна изъ нашихъ буфетчицъ, у насъ ихъ штукъ двѣнадцать, такъ-что я не могу назвать вамъ ее по имени.

— Позвольте, не приходила-ли къ вамъ наниматься новая служанка, вчера послѣ грозы, промокшая до костей?

— Нѣтъ, сударь, у насъ не нанимаютъ бродягъ, съ улицы, ни мокрыхъ, ни сухихъ,—обиженнымъ тономъ замѣтилъ оберъ-кельнеръ:—Не подавала-ли вамъ кофе одна изъ старыхъ служанокъ: Мина, Трина, Липа или Бина?

— Нѣтъ, она была молоденькая.

— Ну такъ это была Зетхенъ, Нетхенъ, Детхенъ, Гедхенъ, Фредхенъ.—мало-ли ихъ тутъ у насъ!

— Мнѣ бы хотѣлась поговорить съ этою дѣвушкою.

— Подала-ли она вамъ все, что слѣдуетъ?

— Она не подала горчицы...

— Къ кофею-то горчицы?!

— Я до нея большой охотникъ оправдывался молодой человекъ.

— У всякаго свой вкусъ, сударь; вотъ вамъ горчица.

Съ презрительной усмѣшкою на губахъ, взявъ Вильгельмъ горчицницу съ сосѣдняго стола и, подавъ ее Густаву, отвѣсилъ низкій поклонъ. Затѣмъ, хлопнувъ себя салфеткою по лѣвой рукѣ,—что означало у него вышнюю сте-

пень нетерпѣнія, — онъ направился быстрыми шагами къ швейцарскому домику, чтобы сообщить своей невѣстѣ интересныя новости.

Прошелъ часъ, другой, третій. Прилежный живописецъ не замѣчалъ съ какою быстротою летѣло время: вокругъ него ничто не измѣнилось, только солнце стало замѣтно склоняться къ западу.

Между тѣмъ въ одномъ изъ оконъ перваго этажа, отъ времени до времени, показывалось личико вдовушки, съ насмѣшливою улыбкою на губахъ. Затѣмъ въ концертной залѣ раздались звуки музыки; кто-то игралъ на роялѣ и съ намѣреніемъ бралъ такіе фальшивые аккорды, отъ которыхъ бѣднаго Густава коробило, а лежащая на площадкѣ собака завyla самымъ отчаяннымъ голосомъ. Это неожиданное порицаніе строгаго четвереногаго критика заставило музыкантшу расхохотаться и съ удвоенною энергіею продолжать свой импровизованный концертъ.

Углубившійся въ свое занятіе, живописецъ только теперь замѣтилъ, что кофе его давно простылъ и что ему пора собираться домой, такъ-какъ наступило время обѣда. Онъ отступилъ на нѣсколько шаговъ отъ мольберта, чтобы въ послѣдній разъ взглянуть на свое произведеніе, какъ вдругъ Мерманъ высунулся изъ окна и закричалъ, обращаясь къ Густаву:

— А вы еще здѣсь? Какое примѣрное прилежаніе! Ваша работа сильно подвинулась впередъ, какъ я вижу. Герта, перестань, твои шалости неприличны! — оглянулся онъ назадъ, а фальшивые звуки рояля такъ и лились изъ открытаго окна.

Нѣсколько минутъ спустя, Мерманъ, въ свѣжемъ щегольскомъ костюмѣ, вышелъ на крыльцо и приблизился къ живописцу, который стоялъ какъ очарованный, съ жадностью прислушиваясь къ прелестному звонкому голосу.

— Извините, — вострепенулся онъ, когда голландецъ слегка ударилъ его по плечу: — я успѣлъ только стереть нарисованную корову и приготовилъ мѣсто, для изображенія вашей супруги...

Въ эту минуту, подъ руку съ молодымъ кавалеромъ, къ мольберту подошла Гертруда: лицо ея до половины было закрыто огромнымъ вѣеромъ.

— Взгляни на эту картину, Герта, — сказалъ ей Мерманъ: — я хочу ее купить. Вотъ здѣсь, у швейцарскаго домика, была нарисована корова; но я просилъ господина стереть и изобразить на этомъ мѣстѣ жену мою.

— Какъ?! — съ удивленіемъ вскричалъ кавалеръ: — этотъ деревенскій артистъ будетъ рисовать вашъ портретъ? — обратился онъ къ вдовушкѣ, въ полной увѣренности, что разговариваетъ съ женою Мермана.

— Какъ вы видите, мой супругъ уже распорядился, безъ моего согласія, — отвѣчала молодая женщина, бросая на голландца строгій, выразительный взглядъ, который мгновенно напомнилъ ему забытую имъ роль.

— Стань у рѣшетки, душа моя, — обратился Мерманъ къ своей мнимой женѣ: — Твой очаровательный костюмъ произведетъ на художника самое пріятное впечатлѣніе и онъ охотнѣе согласится исполнить мое желаніе.

Смѣясь и подпрыгивая, отправилась вдовушка на указанное ей мѣсто и, прислонившись къ рѣшеткѣ, продолжала болтать съ своимъ кавалеромъ, красивымъ полякомъ, въ бархатномъ кунтушѣ и кокетливой конфедераткѣ. Она постаралась стать такимъ образомъ, чтобы художникъ не могъ рассмотреть ея лица.

«Да это вовсе не та женщина, — подумалъ Густавъ: — какой на ней странный, безобразный костюмъ!»

Само собою разумѣется, что ему и въ голову не приходило слѣдить за измѣненіями моды, такъ-что это олицетвореніе дикой фантазіи парижскихъ модистокъ сильно удивило его. Онъ не находилъ никакой прелести въ этихъ зачесанныхъ вверху волосахъ, этихъ искусственно приподнятыхъ плечахъ и огромныхъ турнюрахъ, попросту называя все это искаженіемъ женской красоты.

Наивный голландецъ принялъ изобразившееся на лицѣ Густава недоумѣніе за изъясненіе восторга и воскликнулъ:

— Это восхитительно, не правда-ли? Я выписалъ ей

этот костюмъ изъ Парижа, отъ знаменитаго Ворта и заплатилъ за него шестьсотъ франковъ чистыми деньгами!— Герта, обернись къ намъ лицомъ,—прибавилъ онъ.

Молодая женщина нехотя исполнила его желаніе, продолжая прикрывать лицо вѣеромъ.

— Обратите вниманіе на сочетаніе цвѣтовъ,—продолжалъ Мерманъ, любившій слыть знатокомъ въ дѣлѣ женскихъ нарядовъ:—Какъ граціозенъ этотъ букетъ на груди какъ оригинально это золотое кружево!

— Дѣйствительно все это очень оригинально, очень дорого,—отозвался Густавъ:—и въ высшей степени безобразно,—хотѣлъ было онъ прибавить, но воздержался.

— Опустивъ вѣеръ, Герта,—умоляя голландецъ, собираясь приступить къ дальнѣйшимъ объясненіямъ всей не отразимой прелести парижскаго костюма.

Вѣеръ медленно соскользнулъ съ озареннаго яркими лучами солнца очаровательнаго личика. Густавъ вздрогнулъ и поблѣднѣлъ: передъ нимъ стояла вчерашняя русалка, но съ холоднымъ, надменнымъ выраженіемъ лица.

— Долго-ли я буду такимъ образомъ жариться на солнцѣ?—спросила она груднымъ, съ намѣреніемъ измѣненнымъ голосомъ.

— Я желалъ только убѣдить господина живописца въ томъ, что твое изображеніе украситъ его картину и произведетъ фуроръ.

Петруда пожала плечами и сказала, обращаясь къ своему кавалеру.

— Графъ Лашевскій, не угодно-ли вамъ взглянуть на это изящное произведеніе знаменитаго художника?

Она подвела его къ мольберту и прибавила:

— Приготовьте кисти и краски, господинъ живописецъ, я согласна дать вамъ первый сеансъ.

Густавъ въ задумчивости разсматривалъ это загадочное для него созданіе. Услышавъ категорическое заявленіе молодой незнакомки, онъ поспѣшилъ исполнить ея приказаніе и, вмѣсто стклянки съ масломъ, схватилъ со стола горчичницу и окунулъ въ нее кисть.

— Что вы дѣлаете?— вскричала вдовушка.

— Собираюсь разводить краски, какъ вы видите.

— Горчицею?!— и она разразилась громкимъ смѣхомъ; полякъ послѣдовалъ ея примѣру.

Тутъ только бѣдный юноша замѣтилъ свою ошибку: имъ овладѣло полное отчаяніе. Но, чтобы избавить себя отъ насмѣшекъ, онъ сказалъ, продолжая растирать краски, которыя онъ мысленно посылалъ ко всѣмъ чертямъ:

— Дюссельдорфская горчица недавно признана лучшимъ средствомъ для разведенія красокъ.

Густаву въ первый разъ въ жизни пришлось находиться въ кругу людей такъ-называемаго «большаго свѣта»; онъ не умѣлъ съ ними обращаться. Присутствіе графа Дашевскаго приводило его въ замѣшательство; а сходство Герты со вчерашнею русалкою отнимало у него возможность собраться съ мыслями и придумать что-нибудь, для своей защиты отъ злыхъ насмѣшекъ.

Молодой полякъ всѣми силами старался разигривать роль человека разочарованнаго, глубоко сочувствующаго бѣдствіямъ своей родины и любилъ прикрашивать свою рѣчь цитатами, которыхъ онъ собралъ въ Берлинѣ цѣлую коллекцію.

— Чрезвычайно странный способъ живописи, — замѣтилъ онъ, бросая презрительный взглядъ на злополучнаго художника.

— Почему же?— возразила Герта, кокетливо намѣряя графа глазами, съ головы до ногъ:— Я нахожу, что этотъ способъ живописи вполне соответствуетъ моему костюму.

— Вашъ туалетъ ошарователенъ и достоинъ кисти лучшаго художника.

— Это дѣло вкуса. Господинъ живописецъ, вы намѣреваетесь увѣковѣчить мой парижскій нарядъ посредствомъ горчицы, не правда-ли?

— Я не способенъ сдѣлать такое...

— Преступленіе, — помогъ ему польскій графъ.

Этотъ разговоръ очень забавлялъ молодую вдовушку.

— Я замѣчаю, что вы очень утомилась, — обратилась

она къ Густаву: — Вамъ надо освѣжиться. У васъ здѣсь подъ рукою отличное средство, — кофе на столько же пригоденъ для успокоенія нервовъ, какъ горчица для разведенія красокъ.

Она подала ему чашку съ кофеемъ, бѣдный малый окончательно растерялся и, вмѣсто ложки, опустилъ въ нее нистъ.

— Да это какой-то идиотъ! — сказалъ по французски графъ Лашевскій.

При этихъ словахъ вся кровь бросилась въ голову Густава; онъ поспѣшилъ поставить чашку на столъ, но сдѣлалъ это такъ не осторожно, что она упала, и кофе залилъ все платье Герты.

— Неучъ! — невольно сорвалось съ языка графа.

Вдовушка вскрикнула и отскочила въ сторону; Мерманъ окаменѣлъ отъ ужаса. Въ этой суматохѣ кто-то толкнулъ столъ, ящикъ съ красками упалъ на полъ, жестяныя капсулы покатались по песку.

Густавъ стоялъ, какъ приговоренный къ смерти. Видя, что молодая женщина вытираетъ пятно своимъ носовымъ платкомъ, онъ схватилъ со стула грязную тряпку и бросился ей помогать, забывъ отложить въ сторону свою палитру. Черезъ минуту всѣ краски отпечатались на юбкѣ красавицы.

— Вы съ ума сошли! — воскликнулъ графъ: — Или вы покаялись испортить костюмъ этой дамы!

Художникъ пробормоталъ что-то въ свое извиненіе и, вынувъ изъ кармана клѣтчатый носовой платокъ, снова подошелъ къ Гертрудѣ.

— Убирайтесь вы прочь съ этими тряпками! — въ порывѣ негодованія воскликнулъ полякъ: — Какъ вамъ не стыдно вытирать ими платье дамы?

— Оно уже совершенно испорчено, — замѣтила вдовушка, желая ободрить бѣднаго растерявшагося юношу.

— Окончательно погибло! Мои шестьсотъ франковъ истрачены даромъ, точно выброшены за окно. — стоналъ голландецъ, отходя отъ мѣста печальнаго событія, чтобы не запачкать и своего костюма.

Эта катастрофа имѣла еще и другаго рода послѣдствія.

Подъ столомъ лежала собака графа Лашевскаго, та самая, которая такъ громко выла во время игры Герты на рояль. Упавшія со стола капсулы съ красками разбудили ее; глухое животное принялось ихъ грызть и проглотило одну, изъ нихъ. Во время суматохи никто не замѣтилъ, что бѣдная собака подавилась и напрягаетъ всѣ свои силы, чтобы выплюнуть капсулю.

— Что это такое? — всплеснувъ руками, воскликнулъ Мерманъ: — Собака, съ пѣною у рта! Ужъ не взбѣсилась-ли она?!

— Гекторъ, Гекторъ, иди сюда! — позвалъ графъ.

Бѣдная собака съ трудомъ приползла къ ногамъ своего господина; на глазахъ ея блестя слезы, открытая пасть была вся покрыта коричневою пѣною.

— Она проглотила краску! — вскричалъ полякъ: — Она отравилась швейнфуртскою зеленою краскою! Я заставлю васъ дорого заплатить мнѣ за мою собаку, милостивый государь! — прибавилъ онъ, обращаясь къ живописцу.

— Охотно исполню выше требованіе, — возразилъ обвиняемый и, движимый чувствомъ состраданія, нагнулся къ несчастному животному: — У меня нѣтъ здѣсь зеленой краски, да пѣна не зеленая.

— Зеленая или красная, это для меня рѣшительно безразлично! — съ возрастающимъ волненіемъ воскликнулъ графъ.

— Пѣна у собаки коричневаго цвѣта, — замѣтилъ Мерманъ.

— А кассельская коричневая краска безвредна, — прибавилъ Густавъ.

— Всѣ эти проклятыя краски ядовиты! И кассельская коричневая, и неаполитанская желтая, и швейнфуртская зеленая! — выпылил обиженный полякъ.

— И дюссельдорфская горчица! — шутливо-трагическимъ тономъ прибавила вдовушка, которую очень забавляла эта сцена.

Густавъ снялъ пальцемъ частицу пѣны съ пасти собаки и поднесъ ее къ глазамъ своимъ, чтобы удобнѣе разсмотрѣть, такъ-какъ онъ былъ близорукъ.

— Не собираетесь-ли вы это отвѣдать? — спросила Гертруда.

— Нѣтъ, я желаю только удостовѣриться, что это ко-ричневая краска, и я могу утвердительно сказать, что ею отравиться нельзя.

Между тѣмъ, на этотъ шумъ, изъ кургауза сбѣжалась почти вся прислуга. Графъ приказалъ служанкѣ принести воды для больной собаки.

— Прикажете дать ей теплаго молока, — посоветовалъ Густавъ: — а хороший пріемъ кастороваго масла былъ бы еще полезнѣе, — и погладивъ Гектора по головѣ, прибавить: — Бѣдная собачка!

— Скажите лучше: бѣдный, погибшій костюмъ! — подхватилъ голландецъ.

А графъ прошипѣлъ, сквозь зубы:

— Проявлять маляръ!!

Вдовушка молча слушала всѣ эти замѣчания и наконецъ сказала:

— Что было, то прошло; не стоитъ объ этомъ и говорить.

— Ваша чрезмѣрная любезность удивляетъ меня, — возразилъ полякъ.

— Какое непоколебимое присутствіе духа! — вставилъ въ свою очередь голландецъ.

— А васъ ничто, касающееся моей личности, повидимому, не приводитъ въ удивленіе? — обратилась Гертруда къ живописцу, не спуская съ него глазъ.

— Меня поражаетъ, — проговорилъ онъ, запинаясь: — ваша необыкновенное сходство...

Герта не дала ему договорить и, пожавъ плечами, обернулась къ нему спиною.

— Что же ты теперь будешь дѣлать, дитя мое? — жалобнымъ тономъ спросилъ Мерманъ:

— Нельзя же тебѣ оставаться въ такомъ видѣ!

— Конечно, нѣтъ! — отвѣчала молодая женщина: — Я смиренно преклоняюсь передъ волею судьбы и навсегда расстаюсь съ моимъ парижскимъ костюмомъ, милый мой Мерманъ.

— Нельзя-ли какъ-нибудь поправить это дѣло? Вѣдь я заплатилъ за твое платье шестьсотъ франковъ!

— Эта кисть художника открыла мнѣ глаза,—продолжала вдовушка, указывая на лежащую у ногъ ея кисть:—теперь только я сознаю до какой степени этотъ костюмъ безобразенъ, отвратителенъ...

— Герта! Сударыня!—въ одинъ голосъ вскричалъ голландецъ и полякъ.

— Пойдемъ со мною, Гекторъ,—прибавила она, погладивъ собаку:—мы съ тобою, по всей справедливости, наказаны за нашу нескромность и самонадѣянность; пусть это послужитъ намъ урокомъ.

Съ этими словами молодая женщина медленными шагами пошла по направленію къ кургаузу; собака и оба кавалера послѣдовали за нею. А бѣднаго живописца никто изъ нихъ не удостоилъ поклономъ на прощаньи.

IV.

Очень ошибся бы тотъ, кто подумалъ, что эта первая попытка сблизиться съ хорошенькою незнакомкою произвела непріятное впечатлѣніе на Густава Аланда. Онъ былъ человѣкъ чрезвычайно настойчиваго характера и шелъ твердыми шагами къ задуманной имъ цѣли, такъ-что эта неудача не обезкуражила его, точно также какъ не ослѣпилъ бы его первый успѣхъ. До двадцатидвухлѣтняго возраста онъ не обращалъ вниманія на женщинъ; но со вчерашняго дня его сильно заинтересовала одна изъ нихъ и онъ рѣшился, во что бы то ни стало, ближе познакомиться съ тою личностью, которая такъ внезапно и такъ безцеремонно ворвалась въ его маленькій мірокъ. Никакія затрудненія не могли бы задержать его стремленія для достиженія предположенной имъ цѣли.

Густавъ Аландъ былъ единственнымъ сыномъ страстно

любившихъ другъ друга, но легкомысленныхъ родителей. Отецъ его, странствующій актеръ, постоянно исполнявшій роль героевъ и первыхъ любовниковъ, былъ человѣкъ привлекательной наружности; дамы были отъ него безъ ума. Между прочими влюбилась въ него одна молоденькая, хорошемякая дѣвушка, по фамилиі Ольшевская, жившая въ Гельгевилѣ, въ домѣ своего старшаго брата, замѣнявшаго ей отца. Этотъ скромный домикъ, небольшой участокъ земли и маленький капиталъ изображали общее состояніе брата и сестры.

Ольшевскій былъ человѣкъ холостой и серьезный, трудолюбивый землевладѣлецъ; онъ искренно любилъ сестру свою, но обращалъ мало вниманія на ея воспитаніе и, когда она, въ одно прекрасное утро, объявила ему свое намѣреніе выйти замужъ за странствующаго актера, онъ назвалъ ее съумасшедшею и заперъ ее на ключъ въ ея комнату. Это не помѣшало любовнику похитить молодую дѣвушку самымъ романтическимъ образомъ. Влюбленная парочка пропала безъ вѣсти. Года черезъ два, Ольшевскій получилъ отъ сестры своей письмо, въ которомъ она просила его выдѣлить слѣдующую ей часть родительскаго наслѣдства. Онъ далъ ей болѣе нежели слѣдовало по закону, и съ этого дня, еще прилежнѣе принялся за работу, чтобы предохранить себя отъ угрожающей нищеты. Нѣсколько лѣтъ спустя, онъ прочиталъ въ газетахъ, что сестра и зять его утонули во время кораблекрушенія. Ольшевскій продолжалъ вести скромную, уединенную жизнь; состояніе его увеличивалось съ каждымъ годомъ, какъ вдругъ, на старости лѣтъ, онъ выигралъ въ лотерею огромную сумму денегъ. Весь свой вѣкъ трудившемуся старому холостяку захотѣлось отдохнуть и, хотя подъ конецъ дней своихъ, насладиться жизнью. Онъ продалъ свое имѣніе и отправился путешествовать. Мало этого: вскорѣ послѣ того онъ женился, что очень удивило всѣхъ его знакомыхъ вообще, а его самого въ особенности.

Сердце стараго холостяка еще не очерствѣло, онъ жаждалъ не пылкой, страстной любви, но теплой, искренней привязанности. Потерявъ сестру, любовь къ которой еще

не угасла въ его сердцѣ, онъ почувствовалъ себя окончательно осиротѣлымъ. Близкихъ родныхъ у него не было. Ему была крайне прискорбна мысль, что совершенно чужіе ему люди воспользуются плодами его долготѣльныхъ трудовъ и лишеній.

Въ Амстердамѣ судьба свела Ольшевскаго съ Мерманомъ, въ домѣ котораго онъ познакомился съ шестнадцатилѣтнею сироткою, Гертрудою Шеферъ. Это юное созданіе жило въ богатомъ домѣ своего дяди, точно птичка въ золотой клѣткѣ, безъ ласки, безъ искренней привязанности, подъ тяжелымъ гнетомъ неподвижной тети Кетте, позволившей мужу принять въ свой домъ дочь родной сестры его, съ условіемъ, чтобы дѣвочка ее не беспокоила.

Вскорѣ живой, веселый характеръ Гертруды совершенно измѣнился: она перестала пѣть и смѣяться, и навѣрно разучилась бы говорить, даже умерла бы со скуки, если бы судьба не послала ей избавителя, явившагося не въ видѣ сказочнаго рыцаря, похищающаго царевну изъ заколдованнаго замка,—а въ лицѣ стараго холостяка, наивно предложившаго ей руку и сердце.

Ольшевскій часто бывалъ въ домѣ мингера Мермана, принималъ живѣйшее участіе въ безотраднѣйшей судьбѣ сиротки и, наконецъ, въ одно прекрасное утро, изъявилъ желаніе переговорить съ нею наединѣ. Озадаченный голландецъ повелъ его къ своей племянницѣ и, полчаса спустя, старый женихъ и юная невѣста стояли уже передъ опекуномъ сироты, прося его согласія на ихъ бракъ. Ольшевскій совершенно откровенно спросилъ у Гертруды, надѣется-ли она на перемѣну своей судьбы къ лучшему, и послѣ ея отрицательнаго отвѣта, предложилъ ей выйти за него за мужъ. Затѣмъ онъ объяснилъ ей всѣ выгоды для нея этой, по его мнѣнію, коммерческой сдѣлки, говоря, что онъ будетъ до конца дней своихъ ея законнымъ защитникомъ, будетъ любить ее, какъ родную дочь свою, а послѣ его смерти она сдѣлается наследницею всего его состоянія.

о слезами на глазахъ бросилась Гертруда на шею къ

старикѣ, называла его своимъ благодѣтелемъ, общала любить его всѣмъ сердцемъ и безпрекословно покоряться его волѣ.

Цѣлый годъ совершенно беззаботно прожила молодая женщина подъ покровительствомъ искренне любившаго ее мужа; затѣмъ старикъ захворалъ и вскорѣ умеръ на ея рукахъ, оставивъ ей въ наслѣдство все свое движимое и недвижимое имущество.

Еще при жизни Ольшевскій взялъ съ жены своей обѣщаніе, что она будетъ проживать нѣсколько недѣль въ году въ мѣстечкѣ Гельгевилѣ,—въ томъ самомъ домикѣ, гдѣ онъ родился и провелъ почти всю свою жизнь. Онъ намѣревался самъ съѣздить туда съ молодою женою и тамъ, на мѣстѣ, разсказать ей исторію сестры своей, но смерть помѣшала ему это сдѣлать. Гертруда дала себѣ слово свято исполнить послѣднюю волю своего мужа.

Первые мѣсяцы вдовства молодая женщина провела въ Швейцаріи, куда вскорѣ, совершенно неожиданно, пріѣхали супруги Мерманъ. Тетя Кетте до такой степени ожирѣла, что доктора посовѣтовали ей предпринять долгосрочное путешествіе, цѣль котораго, разумѣется, была для нея безразлична. Буквально исполняя предписаніе врачей, фрау Мерманъ облеклась въ сѣрый, дорожный плащъ, сѣла въ вагонъ и позволила мужу везти ее, куда угодно, хоть къ сѣверному полюсу или экватору, лишь бы туда проложены были рельсы. О туалетѣ своемъ она не заботилась и почти никогда не снимала съ себя дорожнаго плаща. У этой, по видимому, безстрастной, лишенной способности мышленія, женщины, иногда, проявлялись очень странныя фантазіи. Такъ, на примѣръ, она, никогда не говорившая дома съ мужемъ по-нѣмецки, дорогою объяснялась не иначе, какъ на этомъ языкѣ, безощадно искажая его, что очень забавляло всѣхъ ея сосѣдей въ вагонѣ.

Гертруда рѣшилась снова примкнуть къ семьѣ своихъ родственниковъ, не утрачивая своихъ правъ на самостоятельность и свободу дѣйствій, уговорила ихъ поѣхать въ Гельгевилѣ, и сдѣлала это не безъ основанія. Послѣ смерти

ея мужа, законный наслѣдникъ его предъявилъ свои права, которыя были утверждены опекою. Это былъ Густавъ Аландъ, сынъ какого-то странствующаго актера и родной сестры покойнаго Ольшевскаго. Эти нѣжные родители, собираясь переселиться въ Америку, бросили своего пятимѣсячнаго сына на попеченіе кормилицы-крестьянки, въ Кассубенѣ. Въ послѣдствіи оказалось, что на имя мальчика былъ положенъ въ банкъ не большой капиталъ. Такимъ образомъ малютка росъ среди дѣтей и свиней своей кормилицы; ужасная катастрофа кораблекрушенія, лишившая его отца и матери, безслѣдно промелькнула мимо его колыбели. Вскорѣ послѣ того на пріютившую его семью обрушилось новое бѣдствіе. Въ деревнѣ появилась холера, жертвою которой пали всѣ дѣти Марушки, кормилицы маленькаго Густава. Несчастливая женщина переселилась съ своимъ питомцемъ въ сосѣдній городокъ и помѣстила мальчика въ школу. Жили они безбѣдно, потому-что у Марушки были свои средства и, кромѣ того, она продолжала прилежно работать, считая за грѣхъ пользоваться процентами съ капитала Густава.

Когда мальчикъ подросъ и окончилъ курсъ въ школѣ, кормилица рассказала ему все, что знала о его происхожденіи и передала ему письмо, оставленное его покойною матерью. Въ этомъ предсмертномъ посланіи Ольга Ольшевская обвиняла своего брата въ чрезмѣрной жестокости и завѣщала Густаву явиться къ дядѣ, въ качествѣ его прамаго, законнаго наслѣдника, говоря, что она никогда не отказывалась отъ правъ своихъ на маленькій домикъ, въ которомъ она родилась и провела свое безотрадное дѣтство. Кромѣ того она просила своего сына возстановить, по возможности, въ Гельгевилѣ ея репутацію.

Прочитавъ это письмо, Густавъ Аландъ принялъ твердое намѣреніе поѣхать къ дядѣ, не смотря на энергическія возраженія Марушки, которой пустынный берегъ Балтійскаго моря и жестокосердый старикъ Ольшевскій внушали одинаковое чувство ужаса. Но судьба рѣшила иначе, — поѣздка эта не состоялась. Въ это самое время профессоръ химіи,

докторъ Б., предложилъ Густаву совершить съ нимъ продолжительное путешествіе, съ цѣлью обогащенія науки новыми открытіями. Это неожиданное предложеніе польстило самолюбію юноши и онъ, отложивъ свое свиданіе съ дядею до другаго, болѣе удобнаго времени, охотно отправился путешествовать съ своимъ ученымъ патрономъ.

Сначала онъ изрѣдка писалъ коротенькія письма къ своей кормилицѣ, но потомъ, въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, о немъ не было ни слуху, ни духу. Ровно черезъ шесть лѣтъ Густавъ возвратился въ домъ Марушки: добрая женщина не узнала его, такъ онъ выросъ и возмужалъ за эти годы. Одно только не измѣнилось въ немъ: угловатыя манеры и добродушная, дѣтская улыбка.

Профессоръ Б. занялъ кафедру въ одномъ изъ восточныхъ университетовъ, а Густавъ вернулся домой, чтобы привести въ порядокъ свои собственныя дѣла и повидаться съ дядею. Приѣхавъ въ Гельгевиль, онъ не засталъ тамъ Ольшевскаго и узналъ стороною, что два года тому назадъ, старикъ продалъ все свое имущество, кромѣ полуразваливащагося домика, уѣхалъ за границу, женился и умеръ, оставивъ въ наслѣдство молодой женѣ все свое состояніе.

Густавъ Аландъ былъ человѣкъ миролюбиваго характера и во всю жизнь свою ни съ кѣмъ не ссорился; но въ этомъ случаѣ, считая священнымъ долгомъ исполнить послѣднюю волю покойной матери, онъ предъявилъ свои законныя права на наслѣдство.

Гертруда до сихъ поръ не знала, что у ея мужа есть родной племянникъ; убѣдившись въ томъ, что Густавъ сынъ сестры Ольшевскаго, молодая женщина приняла въ немъ живое участіе и предложила ему значительную сумму денегъ, за уступку ей стараго домика. Зная, что онъ человѣкъ небогатый, вдовушка желала деликатнымъ образомъ вознаградить его за потерю наслѣдства послѣ дяди; она охотно отдала бы ему и домикъ, еслибы онъ заявилъ на это свое желаніе.

Густавъ не принялъ этой милостыни отъ своей тетушки, не изъ чувства благородной гордости, а единственно потому,

что желалъ поселиться въ домикъ, гдѣ родилась его мать. Онъ вообще не зналъ цѣны деньгамъ, потому-что, самъ никогда ими не распоряжался; путешествовалъ онъ на счетъ профессора Б., а дома постояннымъ его кассиромъ была Марушка.

Не посовѣтовавшись ни съ тѣмъ, молодой человѣкъ чрезвычайно рѣзко отвѣчалъ на любезное предложеніе своей тетушки. Само собою разумѣется, что Гертруда этимъ обидѣлась; старый домикъ Ольшевскаго получилъ въ глазахъ ея необыкновенное значеніе, и она приняла твердое намѣреніе отстаивать свои права, на законномъ основаніи.

Мерманъ совѣтовалъ ей отступить и миролюбиво закончить это дѣло съ племянникомъ, но повѣренный по дѣламъ утверждалъ, что надо начать процессъ, надѣясь этимъ способомъ продлить свои сношенія съ очаровательною вдовушкою.

Между тѣмъ, Густавъ Аландъ обратился къ профессору Б., прося его совѣта, какъ поступить въ данномъ случаѣ, и показалъ ему письмо Гертруды.

Для основательнаго обсужденія этого важнаго вопроса, ученый мужъ заперся въ своемъ кабинетѣ и, на другой день, принесъ молодому человѣку письменный отвѣтъ, по пунктамъ. Письмо молодой Ольшевской доказывало: 1) что у нея прекрасный характеръ; 2) мягкое, доброе сердце; 3) ангельская душа; 4) что она не корыстолюбива; 5) что она молода и, вѣроятно, хороша собою; 6) что она жаждетъ любви, и 7) принимаетъ живое участіе въ судьбѣ племянника своего мужа. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ аргументовъ, профессоръ Б. посовѣтовалъ Густаву, не теряя времени, жениться на хорошенькой вдовушкѣ. То же самое сказала ему и Марушка.

Сначала молодой человѣкъ испугался этой мысли, но вскорѣ согласился съ тѣмъ, что она чрезвычайно практична.

— Домикъ останется вашею общею собственностью, — уговаривалъ его профессоръ: — тетушка приобрѣтаетъ честнаго, хорошаго мужа, а ты красавицу жену и — кучу денегъ, — хотѣлъ было онъ прибавить, но воздержался, боясь

этимъ испортить все дѣло:—тебѣ уже двадцать два года, пора подумать и о женитьбѣ!

Эта мысль сильно заинтересовала Густава. Во время своихъ путешествій съ профессоромъ Б. онъ приобрѣлъ столько сокровищъ для науки!—неужели же онъ обреченъ судьбою постоянно находиться подъ опекою Марушки? Въ сущности она добрая женщина, но она вѣчно бѣгаетъ, хлопочетъ и мѣшаетъ ему заниматься. Что можетъ быть лучше скромнаго, маленькаго домика, на берегу моря, уединеннаго рабочаго кабинета? Если къ этому прибавить постоянное присутствіе любящей, хорошенькой жены,—да, при такой обстановкѣ жизнь будетъ настоящимъ раемъ!

Густавъ поблагодарилъ профессора за совѣтъ и обѣщаль имъ воспользоваться, но вмѣсто того, чтобы поѣхать въ Швейцарію и лично сдѣлать предложеніе своей невѣстѣ, онъ возвратился съ Марушкою въ Кассубенъ и оттуда написалъ письмо, отвѣтъ Гертруды на которое намъ уже извѣстенъ.

Начался процессъ. Вскорѣ Густавъ его выигралъ и переехалъ на житье въ Гельгевиль. Уединенный домикъ на берегу моря очень ему понравился, не смотря на то, что былъ почти пустъ. Мы уже знаемъ, что старикъ Ольшевскій продалъ все, что въ немъ находилось. Марушка злилась и ворчала съ утра до ночи, не покидая надежды, что ея питомецъ со временемъ опомнится и уѣдетъ изъ этого проклятаго мѣста.

V.

Гертруда уговорила своихъ родственниковъ поѣхать съ нею въ Гельгевиль, увѣривъ ихъ, что желаетъ осмотрѣть полученное ею отъ мужа въ наслѣдство маленькое имѣніе, хотя она въ то время уже знала, что процессъ ею проигранъ. Ей просто любопытно было взглянуть на пред-

жетъ распри, а еще болѣе на того человѣка, который такъ жестоко оскорбилъ ея самолюбіе. Положеніе ея въ домѣ дяди совершенно измѣнилось: она сдѣлалась самостоятельной женщиною, во всей силѣ этого слова и, кромѣ того, находилась на нейтральной почвѣ, гдѣ каждый содержатель гостинницы и каждый кельнеръ такъ охотно прислуживали щедрой, милой дамочкѣ. Неповоротливая фрау Мерманъ была довольна тѣмъ, что ее никто не беспокоитъ и не заставляетъ снимать дорожнаго плаща, а краснощекій голландецъ, супругъ ея, былъ счастливъ по своему, выставлялъ на показъ публикѣ свои щегольскіе костюмы и стараясь, хотя на время, забыть тяготящее надъ нимъ иго.

Гертрудѣ сильно надоѣдали постоянныя преслѣдованія искателей богатыхъ невѣстъ, но, перемѣнивъ свою фамилію, она оградила себя отъ ихъ назойливости и вмѣстѣ съ тѣмъ лишила Густава Аланда возможности узнать въ ней вдову своего дяди. Ей хотѣлось хоть издали посмотрѣть на своего противника. Заглянувъ, во время грозы, въ окно его лабораторіи, ей удалось подслушать разговоръ его съ Марушкою; это подзадорило ея любопытство, а злоба и жажда мести внушили ей желаніе побывать въ его домѣ и поговорить съ нимъ.

Добродушный Густавъ не подозрѣвалъ никакого злаго умысла заинтересовавшей его молодой женщины: онъ обѣщалъ повидаться съ нею въ кургартенѣ и старался, во что бы то ни стало, сдержать свое слово. Возвратясь домой, онъ разсказалъ Марушкѣ, что вчерашняя гостья представилась ему въ трехъ, совершенно разнородныхъ видахъ. Слушая его разсказъ, старуха усердно крестилась, желая отогнать отъ себя нечистую силу и съ ужасомъ, но не безъ нѣкоторой доли самодовольства, приговаривала:

— Развѣ я тебѣ этого не говорила?—или:—Я это предчувствовала!

На эти слова Густавъ возражалъ съ невозмутимымъ спокойствіемъ:

— Я непременно найду ее, и тогда мы всѣ трое отъ души будемъ смѣяться надъ твоею сказкою о русалкѣ.

На слѣдующее утро онъ снова отправился въ кургартенъ, но не взялъ съ собою ни мольберта, ни красокъ. Дорогою онъ заглядывалъ въ лицо каждой встрѣчающейся съ нимъ женщины, но дѣлалъ это такъ нерѣшительно, такъ не ловко, что возбуждалъ всеобщій смѣхъ.

На площадкѣ въ кургартенѣ, по случаю хорошей погоды, почти всѣ столы были заняты; у самаго крыльца, точно также какъ и вчера, помѣщалось семейство голландца. Вильгельмъ суетился, стараясь прислуживать всѣмъ и каждому.

— А что подѣлываетъ нашъ волшебный червонецъ въ кошелекѣ вашей невесты, господинъ оберъ-кельнеръ?— шепнула Гертруда ему на ухо, и дала ему приказаніе, вслѣдствіе котораго онъ взглянулъ на Густава и утвердительно кивнулъ головою.

— Не угодно-ли вамъ сыворотки или парнаго молока?— спросилъ Вильгельмъ, подходя къ юношѣ.

— Да... нѣтъ... впрочемъ я...

— Извините, мнѣ это пришло на мысль, глядя какъ вы озираетесь во всѣ стороны, точно кого-нибудь ищете глазами. Время продажи молока уже прошло: швейцарка заперла двери своего домика; она теперь доитъ коровъ. Но мнѣ стоитъ сказать ей только одно слово, и она, сію минуту, подастъ вамъ то, что вы потребуете.

— Очень вамъ благодаренъ,—вѣжливо отвѣчалъ молодой человекъ:—я съ удовольствіемъ выпью стаканъ молока.

— Подождите меня здѣсь; я сейчасъ вернусь и проведу васъ заднимъ ходомъ въ коровникъ,—покровительственнымъ тономъ проговорилъ Вильгельмъ и бѣгомъ побѣжалъ по дорожкѣ къ швейцарскому домику.

Десять минутъ спустя, онъ возвратился и проводилъ робкаго юношу черезъ задній дворъ въ коровникъ, содержащійся съ необыкновенною опрятностью.

Миловидная служанка, въ чистенькомъ, можно сказать кокетливомъ костюмѣ, подала ему стаканъ парнаго молока. Въ коровникѣ было почти темно, такъ-что Густавъ не могъ разглядѣть ея лица; тѣмъ не менѣе, сердце его тревожно-

забилось, и онъ не рѣшался протянуть своей руки къ стакану.

— Кушайте на здоровье, — съ улыбкою сказала ему служанка:— да поторопитесь, потому-что мнѣ пора убирать коровникъ, а вы мнѣ мѣшаете.

— Что за чудо?—подумалъ онъ:—Это голосъ моей русалки!—и прибавилъ вслухъ:—Вы меня не узнали?

Густавъ сдѣлалъ шагъ впередъ; на губахъ его играла веселая улыбка.

— Я? Васъ?! — повторила дѣвушка:—Да я васъ вижу въ первый разъ въ жизни; а лицо ваше такъ легко запомнить: такой носъ, какъ вашъ, забыть невозможно,—и она громко расхохоталась.

— Не заходили-ли вы третьяго дня вечеромъ, во время грозы, въ уединенный домикъ, у чертовой скалы?—нерѣшительнымъ тономъ спросилъ юноша.

— Это еще что такое?—обидѣлась дѣвушка:—За кого вы меня принимаете, сударь? Порядочная дѣвушка не пойдетъ одна въ такое дурное мѣсто, да еще вечеромъ. Говорятъ, что тамъ живетъ черный Конрадъ и, кромѣ того, тамъ водятся привидѣнія! Идите, сударь, идите отсюда,—прибавила она:—Кушайте молоко на чистомъ воздухѣ, а я примусь чистить коровникъ и поливать его водою; хозяйка у насъ куда какъ строга на этотъ счетъ.

Съ этими словами она направила трубу на Густава, который выбѣжалъ, весь забрызганный водою.

— Ну, что, сударь, каковъ у насъ коровникъ?—спросилъ, поджидавшій его на дворѣ Вильгельмъ:—Какая чистота, какая опрятность! Просто сердце радуется.

— Должно быть хозяйка хорошая,—возразилъ молодой человѣкъ.

— Она моя невѣста!—не безъ гордости замѣтилъ оберъ-кельнеръ.

— Въ самомъ дѣлѣ?.. Давно-ли вы съ нею помолвлены?

— Помолвлены-то мы не давно, сударь, а познакомились тогда два тому назадъ. Она моя землячка.

— Стало быть, вы ее хорошо знаете?

— Какъ самого себя!

— Не находите-ли вы, что она похожа на ту англичанку, съ которою я встрѣтился вчера утромъ.

— Что съ вами, сударь?! Впрочемъ я этой англичанки никогда не видываль.

— Она имѣеть сходство и съ тою служанкою, которая подавала мнѣ кофе... Кстати, вы еще не узнали, какъ ее зовутъ?

— Нѣтъ еще; но она вовсе не похожа на мою невѣсту.

— Можетъ быть я и ошибаюсь,—въ раздуміи проговорилъ Густавъ, подавая оберъ-кельнеру пустой стаканъ:— Потрудитесь позвать сюда швейцарку: мнѣ надо заплатить ей за молоко.

— Позвольте мнѣ передать ей ваши деньги. Если я теперь отворю дверь коровника, то Леночка обдасть насъ водою, съ головы до ногъ.

Густавъ Аландъ вышелъ изъ кургартена, сильно заинтересованный этимъ новымъ, загадочнымъ приключеніемъ. Ему вездѣ мерещились одни и тѣ же глаза, слышался одинъ и тотъ же голосъ. Неужели всѣ женщины имѣють между собою такое поразительное сходство? Не колдунья же, въ самомъ дѣлѣ, его очаровательная русалочка, какъ это утверждаетъ суевѣрная Марушка? Ея изящныя, маленькія ручки и ножки доказываютъ, что она не принадлежитъ къ категоріи черно-рабочихъ. Кто же она такая?

«Вѣроятно дочь разорившихся родителей,—размышлялъ юноша:—она стыдится своей бѣдности. Какъ бы я желалъ помочь ей! Вѣдь у меня есть на это средство. Но прежде всего надо найти ее».

Возвратясь домой, онъ скрылъ отъ Марушки свою неудачную попытку и вечеромъ отправился на морской берегъ, гдѣ въ это время гуляла вся публика. Нѣсколько босоногихъ ребятишекъ бѣгали за пріѣзжими, предлагая имъ землянику въ крошечныхъ, плетенныхъ корзиночкахъ.

— Милая барышня, добрая барынька, хорошій баринъ, купите у меня ягодки! Всего одинъ грошникъ за корзиноч-

ку! — жалобнымъ голосомъ умоляли они, цѣпляясь рученками за платья проходящихъ.

Густавъ очень любилъ дѣтей и поспѣшилъ дать мелкую монету подошедшему къ нему мальчику, не взявъ у него корзинки съ ягодами. Обрадованный этимъ неожиданнымъ подаркомъ, ребенокъ побѣжалъ по узкому, деревянному мостику, чтобы догнать нарядно одѣтую даму и предложить ей свой товаръ. Это была Гертруда, окруженная цѣлою толпою кавалеровъ. Рядомъ съ нею шель графъ Лашевскій, ведя на цѣпочкѣ свою собаку; Бѣдное животное, поджавъ хвостъ и понутивъ голову, неохотно слѣдовало за своимъ господиномъ, безпрестанно порываясь вырваться изъ рукъ его. Густавъ Аландъ, машинально увлеченный наплывомъ публики, шель шагахъ въ пятнадцать разстоянія за этою группою.

Вдругъ раздался громкій вопль, толпа гуляющихъ отхлынула назадъ: собака графа, таща за собою цѣпь и боязливо озираясь во всѣ стороны, бѣжала обратно по мосткамъ. Пробравшись впередъ, Густавъ увидѣлъ, что графъ Лашевскій держитъ за шиворотъ маленькаго продавца земляники. Ребенокъ громко рыдалъ. Испуганная публика въ недоумѣннн смотрѣла на эту сцену.

— Что тутъ случилось? — спросилъ молодой ученый, безъ малѣйшаго признака своей обычной робости.

— Вотъ этотъ негодяй увѣряетъ, что его укусила моя собака, — отвѣчалъ полякъ.

— Эта собака взбѣсилась! — послышалось въ толпѣ.

Густавъ Аландъ поспѣшилъ освободить малютку изъ рукъ графа и сказалъ ему ласковымъ тономъ:

— Покажи мнѣ твою рану, голубчикъ.

— Вотъ она! — пропищалъ мальчикъ, протягивая свою рученку.

Вырванный клокъ рукава ясно обозначалъ мѣсто, гдѣ собака укусила бѣднаго ребенка. Не долго думая, Густавъ принялся высасывать и выплевывать кровь изъ раны. Всѣ присутствующіе, въ томъ числѣ и Гертруда, съ очевиднымъ участіемъ смотрѣли на этотъ геройскій подвигъ юноши.

— Совѣтую вамъ держать вашу собаку на привязи, — сухимъ, почти повелительнымъ тономъ обратился онъ къ графу.

— Чертъ побери! — въ порывѣ негодованія вскричалъ надменный полякъ: — Застрѣлите мою собаку, если она дѣйствительно взбѣсилась. Вы одни, милостивый государь, виною всей этой нелѣпой исторіи. Вамъ вздумалось разбросать ваши проклятыя краски; собака ихъ съѣла и — вслѣдствіе этого взбѣсилась.

— У меня есть карманный револьверъ, — замѣтилъ одинъ изъ присутствующихъ: — Если хотите, я сейчасъ же пушу ей пулю въ ухо.

На противоположномъ концѣ мостковъ послышался шумъ нѣсколькихъ голосовъ; кто-то поймалъ собаку и тащилъ ее обратно къ ея господину; испуганное животное жалобно визжало и упиралось ногами.

— Стрѣляйте въ нее! — громко закричалъ графъ.

— Не смѣйте этого дѣлать! Уберите вашъ револьверъ, — скомандовалъ Густавъ и, схвативъ дога за ошейникъ, перебросилъ его черезъ перила въ море.

Этотъ смѣлый поступокъ ужаснулъ его самого; онъ вспомнилъ свое скромное общественное положеніе и робкимъ тономъ началъ извиняться передъ публикою:

— Увѣряю васъ, что эта собака не взбѣсилась, — говорилъ онъ: — Она еще молода и, по всей вѣроятности, никогда не ходила по мосткамъ, сквозь трещины которыхъ видна вода; она просто испугалась и убѣжала. Убить ее теперь было бы совершенно бесполезно; надо за нею наблюдать, чтобы съ точностью опредѣлить опасность раны укушеннаго ею мальчика.

Это благоразумное внушеніе произвело самое благоприятное впечатлѣніе на окружающихъ. Гертруда наклонилась къ плачущему ребенку, съ намѣреніемъ осушить его слезы своимъ кружевнымъ платкомъ, и при этомъ испачкала все свое платье текущею изъ раны мальчика кровью.

Густавъ вытащилъ изъ кармана свой огромный, пестрый носовой платокъ.

— Остерегитесь, сударыня! — насмѣшливо усмѣхаясь, обратился полякъ къ молодой женщинѣ:—Этотъ господинъ достаётъ изъ кармана свою тряпку.

— Не бойтесь,—возразилъ Густавъ, не обращая вниманія на ѣдкость этой ироніи:—я перевяжу моимъ платкомъ рану этого малютки. Ваши раздушенные кружева для этого не годятся,—и прибавилъ, указывая графу Лашевскому на кровь, текущую по платью Гертруды:—Какъ вы видите, я не имѣю намѣренія съ вами соперничать: употребите же въ дѣло вашъ батистовый платокъ,—и совершенно хладнокровно принялся перевязывать рану.

— Предоставьте этого мальчика на мое попеченіе, — сказала ему молодая женщина.

— Извините меня, я полагаю, что мои услуги въ эту минуту будутъ для него полезнѣе,—возразилъ Густавъ, не отрывая глазъ отъ своего занятія.

— Гдѣ моя корзиночка?! заревѣлъ мальчуганъ.

— Ты, вѣроятно, уронилъ ее въ воду.

— Пропали мои ягоды! День деньской собиралъ я ихъ по лѣсу и ничего еще за нихъ не выручилъ!

Это было не совсѣмъ вѣрно, но лукавый мальчишка хотѣлъ извлечь пользу изъ постигшаго его несчастнаго случая.

— Волна выброситъ завтра же твою корзиночку на берегъ, а я наберу тебѣ ягодъ въ лѣсу,—утѣшалъ Густавъ опечаленнаго ребенка; но это утѣшеніе оказалось недостаточнымъ для пятилѣтняго торговца.

Гертруда вполне успокоила его обѣщаніемъ заплатить за убытокъ, но, къ сожалѣнію, долго не могла отыскать кармана въ своей узенькой юбочкѣ.

— Со мною только крупныя ассигнаціи,—замѣтилъ Лашевскій, роясь въ своемъ бумажникѣ.

— Замѣчательная практичность! — выдвигаясь впередъ, сквозь зубы проворчалъ толстый, старый помѣщикъ, бросая мальчику серебряную монету.

Густавъ взялъ ребенка на руки. Испугъ, боль и волненіе утомили бѣднаго малютку; охвативъ лѣвою рукою шею

своего покровителя, онъ опустилъ свою головку на его плечо и закрылъ глазки.

— Скажи мнѣ, гдѣ ты живешь; я отнесу тебя домой,— шепнулъ ему Густавъ и, узнавъ желаемое, быстрыми шагами пошелъ по мосткамъ къ берегу.

Тутъ онъ на минуту остановился, чтобы высказать еще нѣсколько полезныхъ совѣтовъ относительно собаки, которая бодро отряхалась, выскочивъ изъ воды.

Между тѣмъ Мерманъ подошелъ къ графу Лашевскому, любопытствуя узнать что-нибудь о случившемся приключеніи. Полякъ успѣлъ уже оправиться и привести въ порядокъ свой туалетъ: изъ кармана его кокетливо торчалъ кончикъ батистоваго платка, который Гертруда, шутя, называла «знаменемъ любви». Съ презрительною усмѣшкою на губахъ началъ онъ, покручивая свои черные усики:

— Эти нищіе ребятишки чрезвычайно назойливы,—а собака моя, вслѣдствіе вчерашней катастрофы была не въ духѣ. Мальчишка ее раздражилъ и навѣрно свалился бы въ воду, если бы она не схватила его зубами за рубашку. Вотъ и все! Мнѣ почти кажется, что этотъ чудакъ-живописецъ самъ укусилъ этого негодяя, чтобы придать этому приключенію болѣе серьезный оборотъ.

— Этотъ такъ называемый вами, чудакъ-живописецъ,—остановила его Гертруда:—оказалъ примѣрное присутствіе духа и спасъ вашу собаку отъ смерти, потому-что вы уже готовы были застрѣлить ее.

— Мнѣ надобно слушать эту пустую болтовню; она была въ высшей степени неприятна и для васъ, если я не ошибаюсь. Этотъ неуклюжій медвѣдь ежедневно портитъ ваши прелестные костюмы.

— Вы имѣли въ виду вознаградить мои убытки посредствомъ пороха, пуль, крови и мозга вашей собаки? Какая великая жертва съ вашей стороны!—возразила молодая женщина, пожимая плечами:—Пойдемъ Мерманхенъ,—продолжала она, взявъ голландца подъ рубу:—намъ надо справиться, не можемъ-ли мы чѣмъ-нибудь помочь родителямъ этого бѣднаго мальчика.

— Не позволите-ли вы мнѣ пойти вмѣстѣ съ вами?— спросилъ графъ.

— Совѣтую вамъ позаботиться о томъ, чтобы ваша собака не надѣлала новыхъ проказъ,—сухимъ тономъ отвѣчала Гертруда, не оборачивая головы.

Участь несчастнаго малютки заинтересовала ее несравненно менѣе, нежели геройскій поступокъ «простофили». Она была буквально озадачена его мужествомъ и обдуманною сдержанностью.

VI.

На самой опушкѣ лѣса стояла убогая хижина поденщика Клуца, сынъ котораго, Каспаръ, былъ укушенъ собакою графа Лашевскаго.

— Отецъ еще не возвратился съ работы, а мать должна быть дома,—объявилъ малютка своему покровителю, когда они оба приблизились къ крошечному домику поденщика.

Въ первой комнатѣ, которую, судя по разбросанному на полу торфу и кое-гдѣ валявшейся посудѣ, можно было принять за кухню, не было ни души.

— Мама лежитъ въ этой комнатѣ,—сказалъ Каспаръ, указывая на стеклянную дверь въ глубинѣ кухни.

Когда Густавъ осторожно отворилъ эту дверь, на него пахнуло теплымъ, затхлымъ воздухомъ. Большая изразцовая печка, окруженная пестрымъ пологомъ кровать, двѣ скамейки, столъ и деревянная люлька изображали собою всю незатѣйливую мебелировку этой комнаты, въ которой также не было ни одного живаго существа.

— Это ты, мужъ?—послышался изъ-за полога слабый женскій голосъ.

— Нѣтъ, мама, это я,—отозвался мальчикъ:—я пришелъ сюда съ бариномъ.

— Вашему Каспару не посчастливилось сегодня:—онъ.

уронилъ свои ягоды въ воду, — робкимъ тономъ началъ Густавъ, отдернувъ пологъ и подходя къ кровати, гдѣ было навалено такъ много разнаго тряпья и подушекъ, что подъ ними трудно было различить образъ женщины.

— Ахъ, негодяй! — гнѣвно закричала мать: — онъ все только шляется и никогда ничего не выручаетъ. Мужъ мой съ самаго утра на работѣ. Я день деньской валяюсь здѣсь голодная, какъ собака, а этотъ мерзавецъ не умѣетъ зарабатывать и пары грошей на хлѣбъ!

— У меня есть деньги, мама! — возразилъ мальчикъ.

— Вашего сына укусила собака; онъ такъ испугался, что уронилъ корзинку съ ягодами въ воду, — сказалъ Густавъ, подводя малютку къ кровати.

— Творецъ небесный! Этого только не доставало! Бѣдный мой маленькій ребеночекъ! — завывала женщина въ порывѣ материнской нѣжности.

Подушки полетѣли въ разныя стороны, и между лохмотьями показалось блѣдное, изнуренное болѣзненное лицо.

— Успокойтесь, моя милая, рана мальчика не опасна. Я уже сдѣлалъ ему перевязку и принесъ его сюда на рукахъ.

— Эта собака была бѣшеная! — бойко заявилъ Каспаръ. Несчастливая женщина громко вскрикнула и безъ чувствъ опрокинулась на подушку.

— Какъ тебѣ не стыдно такъ пугать маму? — вскрикнулъ молодой ученый: — Собака была совершенно здорова, она сама испугалась, точно такъ же какъ и ты. Рана твоя скоро заживетъ.

Между тѣмъ женщина лежала неподвижно; Густавъ осторожно приподнял одѣяло и, въ ужасѣ, отскочилъ назадъ: возлѣ матери лежалъ спеленанный младенецъ, изо рта котораго вывалилась соска; сморщенное личико малютки было темно-краснаго цвѣта, глазки его были закрыты.

у гавъ никогда не видывалъ ничего подобнаго; ему показалось, что ребенокъ задыхается. Быстрымъ движеніемъ бросился юноша къ нему, разорвалъ свивальникъ и развернулъ пеленки... Тутъ младенецъ заревѣлъ во все горло и этотъ крикъ заставилъ мать его очнуться.

— Помилуйте, что вы дѣлаете!—въ отчаяніи воскликнула она:—Не троньте моего ребенка! Вы хотите и его уморить?!

Бѣдный нашъ ученый оцепенѣлъ отъ страха.

— Гдѣ соска?! — неистовымъ голосомъ кричала женщина, а ребенокъ продолжалъ ревѣть:—Шшшь, шшшь, мое сокровище, ангелъ мой!—убаюкивала его мать.

— Соска?—въ недоумѣніи повторилъ Густавъ, не догадываясь о чемъ идетъ рѣчь.

— Вотъ она!—сказалъ Каспаръ, поднимая съ пола какой-то комокъ и засовывая его въ свой ротъ.

— Подай ее сюда, обжора, чертенокъ! — вопила эта нѣжная мать, забывая, что нѣсколько минутъ тому назадъ называла Каспара своимъ ненагляднымъ дѣтищемъ.

Но и соска не успокоила младенца; вопли его поднялись съ новою силою.

— Не болитъ-ли у него что-нибудь?—замѣтилъ Густавъ.

— Ему пить хочется,—возразила мать:—а у насъ нѣтъ ни капли молока; козу некому подоить. Вотъ вернется мужъ, тогда у насъ будетъ все, что намъ нужно, а до тѣхъ поръ придется подождать.

— Положи его въ люльку, мама, я его закачаю,—предложилъ Каспаръ.

— Это не твое дѣло,—остановилъ его Густавъ:—Тебѣ самому надо отдохнуть, послѣ такого испуга. Гдѣ твоя кровать?

— Онъ спитъ здѣсь со мною,—сказала женщина, указывая на пустое мѣсто на кровати, за своею спиною.

Молодой человекъ только пожалъ плечами отъ удивленія.

— У меня такъ разболѣлась рука, что я не могу снять съ себя панталонъ,—жалобнымъ тономъ пропищалъ мальчишка.

Сострадательный юноша бросился къ нему на помощь; волненіе и хлопоты такъ утомили его, что потъ крупными каплями выступилъ у него на лбу.

— Гдѣ бы мнѣ добыть водицы?—спросилъ онъ:—мальчику надо перемѣнить перевязку.

— Тамъ, на окнѣ, стоитъ горшокъ съ водою, — отвѣчала женщина, не оборачивая головы и продолжая пеленать малютку.

Обмывъ и перевязавъ рану ребенка, Густавъ взялъ его на руки и хотѣлъ было положить въ постель.

— Съ такими-то ногами?! — въ ужасѣ воскликнула мать.

— Ахъ, извините, я объ этомъ не подумалъ. Дѣйстви-тельно ноги его очень грязны; вѣдь онъ бѣгалъ босикомъ, — покраснѣвъ до ушей, проговорилъ молодой человекъ и принялся усердно обтирать ноги Каспара мокрою тряпкою.

— Потрудитесь положить моего ребенка въ люльку, добрый баринъ, — обратилась къ нему женщина, подавая ему спеленатаго младенца: — Теперь обмокните соску въ воду, — продолжала она, когда тотъ исполнилъ ея просьбу.

— Что же дальше? — простодушно спросилъ добровольный прислужникъ.

— Всуньте ее крошкѣ въ ротикъ.

Не зная какъ приняться за эту операцію и какимъ концомъ надо всунуть соску въ ротъ малютки, Густавъ принялся пристально разсматривать диковинную вещь и, для этого, поднесъ ее къ самому своему носу, такъ-что Каспаръ разинулъ ротъ отъ удивленія, полагая, что его покровитель намѣревается самъ полакомиться соскою. Послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ, неопытный юноша догадался раздвинуть десны ребенка пальцемъ лѣвой руки и потомъ уже всунуть ему въ ротъ кончикъ соски.

Благополучно окончивъ возложенное на него порученіе и уложивъ въ постель Каспара, Густавъ отворилъ окно, собираясь отдохнуть отъ усиленныхъ, непривычныхъ трудовъ. Но и это ему не удалось.

— Покачайте люльку, добрый баринъ, ребенокъ скоро уснетъ, — обратилась къ нему женщина съ новою просьбою.

Онъ исполнилъ и это съ примѣрною покорностью. Нѣсколько минутъ спустя, все семейство уснуло самымъ сладкимъ сномъ, такъ благотворно подѣйствовала на всѣхъ ворвавшаяся черезъ окно въ комнату струя чистаго, свѣжаго воздуха.

Сидя спиною къ окну и продолжая качать ногою люльку, нашъ молодой живописецъ терпѣливо ожидалъ возвращенія отца семейства; какъ вдругъ ему показалось, что чья-то тѣнь промелькнула мимо окна и вслѣдъ затѣмъ раздался тихій, сдержанный смѣхъ. Густавъ не обратилъ на это особеннаго вниманія.

Гертруда Ольшевская неслышными шагами подкралась къ окну, осторожно заглянула въ комнату и побѣжала обратно къ стоявшему поодаль, на дорогѣ, Мерману.

— Именно здѣсь и живетъ семейство укушеннаго собакою мальчика, Мерманхенъ, — сказала она ему: — Мнѣ показалось, что тамъ, въ этой убогой конуркѣ, лежатъ больные.

— Больные?! — въ ужасѣ отшатнулся назадъ голландецъ: — И навѣрно больные злокачественною оспою или чѣмъ-нибудь въ этомъ родѣ. Вотъ видишь-ли, Герта, не даромъ я предостерегалъ тебя. Боже сохрани, входить въ такія хижины. Счастливецемъ можно назвать того, кто отдѣляется только чесоткою, или вдоволь наберется паразитовъ, — и брезгливый франтъ поспѣшилъ зажать себѣ ротъ и носъ батистовымъ платкомъ.

— Дѣйствительно тамъ есть больные, — серьезнымъ тономъ возразила вдовушка: — но тамъ также сидитъ молодой человѣкъ изъ нашего общества, который, вѣроятно, не опасается заразы, такъ-что наша помощь не нужна этимъ бѣднякамъ, въ настоящую минуту, — и молодая женщина медленными шагами пошла обратно по большой дорогѣ.

— Пошли имъ завтра денегъ, милая Герта, но, ради Бога, не ходи къ нимъ сама. Ты должна это сдѣлать изъ уваженія къ намъ, твоимъ родственникамъ.

— Хорошо, — равнодушно отвѣчала вдовушка.

Вечеромъ, за табльдотомъ, она была постоянно задумчива и молчалива. Гравъ Лашевскій говорилъ ей о бѣдствіяхъ своей родины, пропѣлъ ей нѣсколько романсовъ, въ которыхъ выражалась скорбь цѣлой націи; голосъ его дрожалъ. Это было чрезвычайно трогательно. Почти всѣ присутствующія дамы плакали; сердца ихъ тревожно бились;

онѣ были готовы принести всевозможныя жертвы. Но глаза интереснаго поляка были постоянно устремлены на круглое личико Гертруды, которая одна оставалась равнодушна къ его страданіямъ.

— Какъ трогательна горькая участь несчастной польской наці!—вздыхая восклицали всѣ дамы, сидѣвшія за табльдотомъ:—Графъ Лашевскій съ такимъ искреннимъ чувствомъ выражаетъ бѣдствія своихъ соотечественниковъ!—и батистовые платочки ихъ прикасались къ глазамъ, отирая болѣе или менѣе притворныя слезы.

— Только вы одна, жестокая, не хотите подать мнѣ милостыни! — шепнулъ полякъ, наклоняясь къ уху Гертруды.

— У меня нѣтъ мелочи, я всю ее раздала сегодня утромъ,—громко отвѣчала молодая женщина и, при этомъ, бросила выразительный взглядъ на толстаго помѣщика, который тотчасъ же началъ декламировать извѣстное стихотвореніе Гейне, подъ заглавіемъ: «Два поляка».

«Крапулинскій и Вашлапскій, оба ярые патриоты, бѣжали въ Парижъ, во время польскаго возстанія.—«Наша жизнь принесетъ несравненно болѣе славы и пользы нашей милой родинѣ, нежели наша смерть за нее!»—рѣшили въ умѣ своемъ эти неразлучные друзья и принялись кутить, съ утра до ночи».

Мужчины захохотали, дамы обидѣлись; глаза Гертруды искрились отъ удовольствія, графъ Лашевскій спросилъ стаканъ содовой воды.

«Наши дамы одарены способностью воодушевлять героевъ, подобныхъ Собіескому, Поніескому, Шлапинскому и великому Эзелинскому!»

Раздался оглушающій взрывъ аплодисментовъ, глаза графа Лашевскаго злобно сверкали, рука его опустилась въ карманъ, какъ бы ища оружія; всѣ присутствующіе поняли ѣдкую иронию и съ любопытствомъ поглядывали: то на красное лицо помѣщика-декламатора, то на грозную, мрачную фигуру озливагося поляка.

Замѣтно было, что личность Лашевскаго давно уже зна-

кома веселому толстяку; какъ только графъ сдѣлалъ шагъ впередъ, съ намѣреніемъ подойти къ нему, помѣщикъ постучалъ пальцами правой руки по ладони лѣвой, — и полякъ исчезъ безслѣдно.

— Вотъ эта умная барынька разгадала молодца, — сказала землевладѣлецъ, обращаясь къ своимъ сосѣдямъ и указывая глазами на Гертруду Ольшевскую: — Я давно знаю этого прощальгу, нищаго, труса! — и онъ началъ въ полголоса разсказывать мужчинамъ про него анекдоты, далеко не цензурнаго содержанія.

Дамы единодушно приняли интереснаго поляка подъ свое покровительство; Мерманъ и хорошенькая вдовушка ушли въ свои комнаты ранѣе обыкновеннаго.

VII.

Густавъ Аландъ закончилъ свой вечеръ выслушиваніемъ назидательной проповѣди старой Марушки, не на шутку струсившей передъ побывавшими въ домѣ, во время отсутствія ея питомца, представителями мѣстной полиціи.

— Ты тамъ, Богъ знаетъ гдѣ, забавляешься, разыгрывая роль сострадательнаго самаритянина, — говорила она: — а полиція подозрѣваетъ, что ты не кто иной, какъ черный Конрадъ, и дѣлаетъ мнѣ какіе-то странные вопросы.

— На которые ты могла отвѣчать съ полною откровенностью, не скрывая истины, — равнодушно возразилъ Густавъ.

— Охъ, не на всѣ, мой голубчикъ! Я и сама понять не могу, что тебя заставляетъ жить въ этомъ проклятомъ гнѣздѣ? Могу-ли я объяснить, чѣмъ ты занимаешься въ своей лабораторіи, — какъ ты называешь эту горницу, — или что ты дѣлаешь, когда рыщешь одинъ у черта на куличкахъ. Прости Господи!

Густавъ не слушалъ этой энергичной тирады; въ головѣ его бродили другія мысли.

— Послушай, Марушка, — вдругъ обратился онъ къ старухѣ съ вопросомъ: — скажи мнѣ, чѣмъ кормятъ новорожденныхъ младенцевъ?

— Это зачѣмъ тебѣ понадобилось знать?!

— Вотъ, видишь-ли, я сегодня ходилъ въ кургаузъ...

— Ужъ не искалъ-ли опять проклятую русалку? — всплеснувъ руками, воскликнула кормилица.

Честный малый отвѣчалъ утвердительно кивкомъ головы.

— И эта чертова кукла опять морочила тебя, мой ненаглядный Густинька?

— Мнѣ кажется, что всѣ женщины, съ которыми я встрѣчаюсь, какъ двѣ капли воды похожи на нашу гостью, но этому главною виною моя близорукость.. Неужели же младенцевъ всегда кормятъ соскою? — спросилъ юноша послѣ минутнаго молчанія.

— Господь съ тобою, мое сокровище! Что это за разспросы о кормленіи младенцевъ?— испугалась Марушка.

— Меня это заинтересовало, потому-что я видѣлъ сегодня ребенка, который, съ соскою во рту, ревѣлъ самымъ отчаяннымъ образомъ.

— Ну, что же дальше?

— Я старался всѣми силами успокоить его.

— Ты, мой добрый, сострадательный мальчикъ, былъ обманутъ самымъ наглымъ манеромъ. Этого ребенка подкинула тебѣ на глаза все та же русалка, повѣрь мнѣ! Остерегайся ты и новорожденныхъ младенцевъ на этомъ проклятомъ берегу. Все это больше ничего, какъ дьявольское навожденіе!

— Не стыдно-ли тебѣ такъ говорить, Марушка, — остановилъ ее молодой человекъ и подробно рассказалъ ей свои приключенія въ хижинѣ поденщика Клуша.

— А видѣлъ-ли ты лицо лежавшей въ постели женщины?— съ явнымъ любопытствомъ спросила старуха.

— Да, видѣлъ.

— Похожа-ли она на твою морскую вѣдму?

— Нисколько.

— Ну, и слава Богу! Не ходи ты къ нимъ, мой желанный, погубять они тебя.

— Плохо же ты изучила мой характеръ, милая моя, если полагаешь, что я не постараюсь разгадать заинтересовавшую меня загадку.

Марушка печально покачала головою.

— Сердце мое чувствуетъ что-то недоброе, а ты не хочешь меня послушаться и все дѣлаешь по своему. Окаянный врагъ рода человѣческаго смущаетъ тебя на каждомъ шагу, полиція подозрѣваетъ въ тебѣ морскаго разбойника; живешь ты здѣсь, словно нищій, водишься со всякою сволочью! О, Господи, что съ нами будетъ?! Что съ нами будетъ, если ты не образумишься во время?

На слѣдующее утро Густавъ остался дома только потому, что дождь лилъ, какъ изъ ведра, и онъ не могъ идти въ лѣсъ собирать обѣщанную имъ Каспару землянику. Марушка немного успокоилась и съ обычнымъ усердіемъ хлопотала по хозяйству. Передъ обѣдомъ нашъ живописецъ привнесъ показать ей только-что нарисованную имъ картинку, которая изображала появленіе русалки на порогѣ лабораторіи во время грозы. Сходство было такъ поразительно, что старуха громко вскрикнула и перекрестилась; ужась ея разсмѣшилъ юношу.

— Теперь я отдѣлался отъ преслѣдованій этой чародѣйки и постараюсь ее забыть, — сказалъ онъ, желая утѣшить свою кормилицу, между тѣмъ какъ взоры его съ любовью были устремлены на фигуру прелестнаго созданія и вполне опровергали только-что произнесенныя имъ слова.

— Дай Богъ, чтобы это была правда! — вздохнула преданная женщина, мѣшая въ кастрюлѣ деревянною ложкою свою стряпню.

Запахъ вкуснаго гушанья привлекъ вниманіе Густава; онъ наклонился надъ плитою и спросилъ съ наивно-дѣтскою, радостною улыбкою:

— Кажется это мой любимый соусъ изъ кислой капусты?

— Да, милое дитя мое, я знаю, что ты его любишь и приготовила его по старому, хорошему рецепту; тутъ есть и груши, и фрикадельки, и гусиный жиръ.

— Спасибо тебѣ, Марушка, я такъ давно не ѣлъ этого соуса.

— Очень рада, что угодила тебѣ, мой голубчикъ.

Казалось, что миръ былъ заключенъ на простыхъ основаніяхъ; во время обѣда имя окаянной русалки не было произнесено ни разу. Только, поднося ко рту послѣднюю ложку соуса, Густавъ засмѣялся.

— Что такъ разсмѣшило тебя, милый мой мальчикъ?— спросила старуха.

А милый мальчикъ подумалъ въ эту минуту, какъ бы пріятно было ему угостить очаровательную незнакомку этимъ лакомымъ блюдомъ, но не высказалъ вслухъ этой мысли, боясь разсердить свою кормилицу.

Послѣ обѣда погода разгулялась, и Густавъ отправился въ лѣсъ, чтобы въ точности исполнить данное имъ раненному мальчику обѣщаніе. Воздухъ былъ пропитанъ запахомъ сосенъ и грибовъ; съ деревьевъ падали крупныя капли дождя, постепенно осушаемыя лучами солнца; на полянахъ, между мхомъ, огромными букетами, проглядывала сочная голубика; земляники было видно не много,—время ея почти уже прошло. Въ лѣсу царилъ невозмутимая тишина, изрѣдка прерываемая взмахомъ крыльевъ какого-нибудь дрозда, да карканіемъ вороны.

Шагъ за шагомъ дошелъ, наконецъ, Густавъ до одного изъ быстрыхъ ручейковъ, образовавшихся вслѣдствіе проливныхъ дождей и текущихъ по покатой поверхности прямо въ море. Въ чистой, свѣжей водѣ такихъ ручейковъ нерѣдко ловятся форели.

Тому, кто никогда не видѣлъ береговъ Балтійскаго моря въ обихъ древне-прусскихъ провинціяхъ, трудно себѣ представить всю обворожительную прелесть этой мѣстности. Нѣчто подобное можно встрѣтить только на живописныхъ берегахъ Средиземнаго моря. Эта величественная картина моря, лѣса и дикихъ скалъ возбуждаетъ поэтическія фан-

тази художника. Густавъ Аландъ былъ поэтъ въ душѣ и исполнѣ предался обаянію окружавшей его въ настоящую минуту красоты природы.

Въ одномъ мѣстѣ бурное теченіе ручейка встрѣтило препятствіе, въ видѣ густаго орѣшника и нѣсколькихъ большихъ камней, ударяясь о которые вода пѣнилась, брызги летѣли во всѣ стороны.

Юноша обошелъ вокругъ кустарника, по мягкому, моховому ковру, заглушавшему шумъ его шаговъ, и увидѣлъ на камнѣ корзинку съ земляникою. Вдругъ онъ вздрогнулъ; сердце его забилось сильнѣе, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него промелькнула покрытая сѣрымъ платкомъ фигура женщины. Съ приподнятою до колѣнъ юбочкою, стояла она посреди ручья и забавлялась, полоща въ водѣ свои крошечныя ножки, сопровождая быстрыя движенія веселымъ, дѣтскимъ смѣхомъ.

Густавъ спрятался за камень и притаилъ дыханіе, опасаясь какимъ-нибудь звукомъ обнаружить свое присутствіе и спугнуть очаровательный призракъ: предметъ его тщетныхъ поисковъ, прелестная русалка, явилась передъ нимъ въ томъ самомъ видѣ, какъ тогда, во время грозы.

Подойдя къ камню, на которомъ лежали ея шляпа и обувь, Гертруда увидѣла плохо скрытую кустарникомъ голову Густава. Испугалась-ли она или нѣтъ, этого мы въ точности не знаемъ, потому-что она спросила совершенно равнодушнымъ тономъ:

— Вы пришли сюда собирать землянику?

— Дѣйствительно я пришелъ сюда съ этою цѣлью, но до сихъ поръ мнѣ не удалось найти ни одной ягодки, — какъ воръ, пойманный на мѣстѣ преступленія, но съ сіяющимъ отъ радости лицомъ, отвѣчалъ молодой человѣкъ.

— Вы не умѣете искать, — возразила незнакомка: — посмотрите, сколько я набрала въ самое короткое время.

— Вы совершенно правы, говоря, что я не мастеръ искать. Въ продолженіи нѣсколькихъ дней, я искалъ васъ, какъ вдругъ, неожиданно, встрѣтился съ вами здѣсь. Скажите, гдѣ вы были все это время?

— Это короткое время показалось вамъ длиннымъ, потому-что вамъ дѣлать нечего.

— А развѣ вы постоянно заняты работою?

— Разумѣется, доказательство этого здѣсь на лицо, — возразила она, указывая на корзиночку съ земляникою. Надо же какъ-нибудь кормиться.

— Вы собрали эти ягоды для продажи?

Неуловимая улыбка промелькнула на губахъ незнакомки.

— Я вамъ уступлю всю корзиночку за тридцать пфениговъ, — отвѣчала она.

— Не слишкомъ-ли это дешево? Сколько времени употребили вы на этотъ трудъ?

— О, я не считала минутъ! Мнѣ было такъ весело здѣсь, въ лѣсу. Для старухъ и ребятишекъ, собирающихъ землянику, теперь еще слишкомъ сыро, а я не боюсь дождя и очень люблю этотъ запахъ сыраго торфа; вотъ почему я встала рано и прибѣжала въ лѣсъ. Я такъ люблю бѣгать босикомъ по этимъ дождевымъ ручейкамъ!

Съ этими словами, она уперлась ногою о камень и вода каскадомъ полилась черезъ ея изящную маленькую ножку. Юноша въ восторгѣ смотрѣлъ на эту невинную шалость и думалъ, что было бы неловко съ его стороны предложить деньги за ягоды этому очаровательному созданію. Развѣ деньгами вознаграждаютъ лѣсъ за его тѣнь, солнце за свѣтъ, цвѣтокъ за запахъ?

Угадавъ его мысли, молодая женщина сказала, протягивая къ нему покрасѣвшую отъ холода руку.

— Пожалуйте мнѣ, баринъ, тридцать пфениговъ; дешевле я не могу уступить вамъ моихъ ягодъ, а корзиночку вы отдайте мнѣ обратно.

— А если я пожелаю оставить ее у себя?

— Тогда это будетъ стоить вамъ пятьдесятъ пфениговъ. Потрудитесь положить деньги на этотъ камень и уйдите, потому-что мнѣ нужно переодѣться; я вся измокла.

— Не позволите-ли вы мнѣ помочь вамъ, какъ въ прошедшій разъ?

— О, нѣтъ! Идите, баринъ, своею дорогою; я обой-

дусь безъ вашей помощи. Идите же, я не могу одѣваться, пока вы здѣсь стоите.

— Повинуюсь вашему приказанію,— печальнымъ тономъ проговорилъ Густавъ:— но надѣюсь, что вы, въ награду за мое послушаніе, скажете мнѣ, какъ васъ зовутъ и гдѣ вы живете?

— Я уже сказала вамъ, что я русалка и каждый день мѣняю имя. Вчера я называлась форелью, сегодня я волна, завтра...

— Вы все шутите. Я спрашиваю у васъ совершенно серьезно: когда и гдѣ мы съ вами увидимся?

— Можетъ быть очень скоро, но непременно неожиданно.

— Какимъ же именемъ будете вы тогда называться?— шутя спросилъ юноша.

— Стрекозою или летучею мышью, я, право, не знаю; вѣдь, это не отъ меня зависитъ. Перестаньте болтать и ступайте домой. Если вашъ ужинъ простынетъ, то Марушка обвинитъ въ этомъ окаянную русалку.

Молодой человекъ глубоко вздохнулъ, положилъ на камень серебрянную монету, взялъ корзиночку съ ягодами и пошелъ, безпрестанно оглядываясь, вдоль по дорожкѣ; а Гертруда, выскочивъ изъ воды, сѣла на камень и принялась вытирать ноги носовымъ платкомъ, причемъ ей не разъ пришлось вскрикнуть отъ боли,— вся кожа на нихъ была исцарапана.

— Настоящій простофиля!— проворчала она, опуская въ карманъ положенную Густавомъ монету:— Я очень рада, что мнѣ удалось отнять у него маленькую часть дядинаго наслѣдства. Такъ ему и надо!

Полчаса спустя, Гертруда шла уже по большой дорогѣ, въ шляпкѣ, перчаткахъ и зонтикомъ въ рукахъ. Увидѣвъ возвращавшійся изъ города дилижансъ, она остановила его заняла въ немъ мѣсто и возвратилась въ Гельгевиль. Рядомъ съ нею сидѣлъ толстый землевладѣлецъ, не нашедшій болѣе интереснаго предмета для разговора съ нею, какъ новый способъ разведенія рѣпы: молодая женщина слушала его наставленія

съ примѣрнымъ вниманіемъ, но не возражала ни слова. Подѣхавъ къ кургаузу, оба они вышли изъ дилижанса; вѣжливый кавалеръ предложилъ руку своей дамѣ и повелъ ее въ столовую, гдѣ родственники ея уже сидѣли за ужиномъ.

— Куда ты пропала, съ самаго обѣда, Герта?— съ неудовольствіемъ спросилъ Мерманъ: — А мы здѣсь слушали военную музыку.

— А я заслаждалась, слушая пѣніе птицы въ лѣсу и, кромѣ того, выслушала цѣлую диссертацію о способѣ сажать рѣпу, — возразила шалуныя.

Между тѣмъ Густавъ понесъ купленную имъ землянику въ хижину Клута и засталъ всю семью у люльки маленькаго ребенка: всѣ они, разинувъ рты отъ удивленія, смотрѣли, какъ малютка сосалъ молоко изъ хорошенькаго стекляннаго рожка.

— Сегодня была у насъ молодая барыня и принесла намъ вотъ эту штуку, полную молока съ сахаромъ. Мой ребеночекъ сразу понялъ въ чемъ дѣло. Посмотрите, какъ онъ исправно сосетъ! — съ сіяющимъ отъ радости лицомъ объявила жена поденщика.

— Она обѣщала принести намъ завтра матеріи на платье, — отрапортовалъ въ свою очередь Каспаръ: — Это та самая барыня, которая дала мнѣ денегъ, когда я уронилъ свои ягоды въ воду.

— Очень радъ, мой милый! Вотъ я принесъ тебѣ корзиночку земляники. Я хотѣлъ только сдержать свое слово, но ягодъ этихъ я тебѣ не отдамъ, а куплю ихъ у тебя, и сейчасъ же заплачу тебѣ деньги.

Старшіе члены семьи были очень довольны этимъ оборотомъ дѣла, и мальчику поневолѣ пришлось согласиться.

— Эта хорошенькая барыня такая добрая, — болталъ Каспаръ, въ то время, какъ Густавъ перемѣнялъ перевязку на его ранѣ: — она обѣщала присылать къ намъ каждый день сестру милосердія изъ сосѣдняго монастыря. Моя добрая мама можетъ теперь отдохнуть; сестрица сваритъ намъ супъ, подоитъ козу и присмотритъ за ребенкомъ.

Семейство поденщика было такимъ образомъ, на нѣкоторое время, вполне обезпечено. Совершенно успокоенный этимъ извѣстіемъ, нашъ сострадательный молодой ученый вернулся домой, гдѣ его долгое отсутствіе встревожило хлопотливую Марушку.

— Гдѣ ты былъ, милый мальчикъ?— спросила она, встрѣтивъ его на крыльцѣ.

Густавъ молча указалъ ей на корзиночку съ ягодами и весь покраснѣлъ, считая это оправданіе своего отсутствія нѣкотораго рода обманомъ.

— Какой же ты у меня умникъ! Вотъ чѣмъ ты занимался! А я боялась, ужъ не случилось-ли чего съ тобою. Подай сюда землянику; мы ее съѣдимъ за ужиномъ, послѣ овсяной каши.

Обыкновенно чрезвычайно щедрый юноша, прижалъ корзиночку къ груди своей, давая этимъ понять своей кормилицѣ, что не намѣренъ угощать ее этими ягодами, и спросилъ:

— Послушай, Марушка, нельзя-ли высушить эту землянику?

— Нѣтъ, другъ мой, лѣсная земляника утратить при этомъ свой ароматъ. Ее надо кушать, пока она не завяла.

— Что я и сдѣлаю,— возразилъ молодой человѣкъ, ставя корзиночку передъ своимъ приборомъ.

— Какъ, ты одинъ намѣренъ скушать всѣ эти ягоды?

— Милая Марушка, ихъ тутъ слишкомъ мало для насъ обоихъ.

— Ну, признаться сказать, это на тебя не похоже.

— Я такъ люблю землянику! Но эти ягоды мнѣ жаль и ѣсть. Я, право, не знаю, что съ ними дѣлать?—возразилъ пристыженный юноша.

— Кушай ихъ на здоровье, голубчикъ мой. Я не знала, что ты ихъ любишь не менѣе капустнаго соуса.

— Между этими двумя вещами не можетъ существовать и сравненія. Капуста кисла, а эти ягоды такъ сладки, такъ сочны.

— Дѣлай, какъ тебѣ угодно, мое сокровище, — сказала

старуха, подавая ему тарелку каши и большой ломоть черного хлѣба, намазанный гусинымъ жиромъ.

Но питомецъ ея не притронулся къ предлагаемымъ ею кушаньямъ и съ наслажденіемъ глоталъ ягоды, одну за другою.

— Ну, что это за ужинъ, для молодого, здороваго ма- лаго, — разсердилась Марушка:— Мнѣ кажется, что ты ихъ считаешь? Ужъ не симпатія-ли это какая-нибудь?—Чтобы это значило?—подумала она.

О, если бы она знала у кого куплены эти ягоды, то навѣрно не позволила бы своему любимцу такъ система- тически отравляться ими. Она выбросила бы ихъ за окно.

Густавъ оставилъ, какъ говорится, на закуску самую крупную изъ ягодъ и, поднеся ее ко рту, нѣжно поцѣло- валъ ее, какъ бы жалѣя ее съѣсть.

Марушка вытаращила глаза; ложка выпала изъ рукъ ея.

— Что съ тобою? — въ ужасѣ спросила она:— Мнѣ пока- залось, что ты поцѣловалъ эту ягоду?

— Почему же нѣтъ, кормилица? Она такъ красива! Я мысленно просилъ у нея прощенія, за то, что такъ без- жалостно ее уничтожаю.

— Да ты совсѣмъ съ ума сошелъ, Густинька! Слыхан- ное-ли это дѣло, чтобы кто-нибудь цѣловалъ ягоды? Люди цѣлуютъ только освященный въ церкви хлѣбъ.

Послѣ ужина молодой человекъ собралъ и вложилъ въ толстую книгу всѣ листочки, на которыхъ лежала земляника, а старуха спросила, протягивая руку къ корзиночкѣ:

— Она твоя? Ты купилъ ее?

— Да.

— Ну, такъ я возьму ее себѣ и буду держать въ ней твои носки.

— Оставь ее, Марушка, она нужна мнѣ для другаго употребленія; я хочу положить въ нее почтовую бумагу.

— Бумагу, въ такую маленькую корзиночку?

— Не бумагу, а стальные перья. Я ошибся.

— Стальные перья, въ такую большую корзинку?

— Однимъ словомъ, я хочу оставить ее у себя, — энергично объявилъ юноша, унося корзиночку въ свою спальню.

Марушка стояла посреди комнаты какъ громомъ пораженная и долго не могла опомниться. Наконецъ, мало-по-малу, пришла въ себя и начала убирать со стола, ворча и приговаривая:

— Тутъ кроется что-то недоброе. Предчувствіе не обманула меня... Эти ягоды должны быть заколдованы.

VIII.

V Гертруды Ольшевской было слишкомъ много свободного времени, лучше сказать, ей ровно нечего было дѣлать. Вотъ почему ее такъ сильно заинтересовала эта маленькая интрига, ловко вести которую ей усердно помогали оберъ-кельнеръ Вильгельмъ и его невѣста, швейцарка Ленхенъ, а еще болѣе ихъ обоихъ — случай.

Купивъ стеклянный рожокъ для ребенка поденщика Клута, вдовушка обратилась къ швейцаркѣ, прося ее показать ей, какимъ образомъ употребляется въ дѣло этотъ незнакомый ей предметъ.

Уходъ за новорожденными дѣтьми былъ ей также мало извѣстенъ, какъ и Густаву Аланду. Кромѣ того, Ленхенъ получила отъ своей благодѣтельницы приказаніе посылать ежедневно бутылку молока въ хижину Клута и, между прочимъ, рассказала Гертрудѣ, что вблизи Гельгевилля находится упраздненный монастырь, обращенный въ училище для діаконисъ, и что родная сестра ея исправляетъ въ этомъ заведеніи обязанность сестры милосердія.

Юная интриганка основала на этомъ извѣстіи планъ своихъ дальнѣйшихъ дѣйствій.

Она знала, что Густавъ почти ежедневно навѣщаетъ семью бѣднаго поденщика. Ей вздумалось показаться подѣ

новою маскою добродушному молодому ученому и еще разъ одурачить его.

Съ этою цѣлью она побывала у начальницы училища діаконисъ, сдѣлала значительное пожертвованіе въ пользу этого содержавшагося на общественный счетъ заведенія и, наконецъ, попросила ее отпускать сестру Беату, — ту самую, о которой говорила ей Ленхенъ, — для ухода за больными дѣтьми поденщика Клута. Просьба ея была немедленно исполнена: сестра милосердія охотно познакомилась съ щедрою молодою голландкою и вмѣстѣ съ нею заходила въ бѣдную хижину родителей маленькаго Каспара.

— Сшейте мнѣ костюмъ сестры милосердія, милая Беата, — попросила ее однажды вдовушка: — Въ немъ мнѣ будетъ удобнѣе посѣщать бѣдныхъ. Надо вамъ сказать, что мои родственники не охотно позволяютъ мнѣ этимъ заниматься, такъ-что я принуждена уходить отсюда тайкомъ.

Какъ только костюмъ былъ готовъ, Ольшевская, подъ именемъ «сестры Гертруды» явилась въ хижину, гдѣ въ ней никто не призналъ богатой, молодой барыни, облагодѣтельствовавшей несчастную семью, и назвала себя помощницею будто бы заболѣвшей сестры Беаты. Она приносила бѣднякамъ съѣстные припасы и, при всей своей неопытности въ дѣлѣ ухаживанія за больными, всячески старалась оказывать имъ посильныя услуги: убирала комнату, освѣжала въ ней воздухъ, забавляла разказами Каспара, пѣла пѣсенки, убаюкивая новорожденнаго малютку и т. п.

Однажды вечеромъ, проходя мимо хижины, Густавъ увидѣлъ въ окнѣ свѣтъ и, подойдя ближе, сѣлъ на скамейку и началъ прислушиваться: раздался громкій плачь ребенка, вскорѣ прерванный напѣвомъ извѣстной пѣсенки:

«Баю, баюшки, баю! На дворѣ овечка спить и. т. д.»

При звукѣ этого голоса, юноша вскочилъ, точно ужаленный змѣею, но въ ту же самую минуту, кто-то ударилъ его по плечу, и, оглянувшись, онъ увидѣлъ, передъ собою поденщика Клута, съ коротенькою трубкою въ зубахъ.

— Добрый вечеръ; — сказалъ ему бѣднякъ: — Я вышелъ на воздухъ выкурить трубочку. Сестра Гертруда не позволяетъ

мнѣ курить въ комнатѣ, говоря, что дымъ вреденъ для больныхъ.

— Не она-ли это пѣла сейчасъ пѣсенку, убаюкивая ребенка?—спросилъ Густавъ.

— Она, она! Добрая сестрица приходитъ къ намъ каждый вечеръ, изъ сосѣдняго монастыря, приноситъ намъ кушанья, такъ-что мнѣ не надо варить ужина. Подождите нѣсколько минутъ: она сейчасъ выйдетъ и вы ее увидите. Это ангель, а не женщина,—продолжалъ болтать словоохотливый поденщикъ, между тѣмъ какъ эти минуты показались нетерпѣливому юношѣ цѣлою вѣчностью.

Наконецъ, Гертруда вышла изъ хижины. Въ сумеркахъ трудно было разглядѣть лицо ея, тѣмъ болѣе, что верхняя часть его была скрыта подъ огромнымъ, бѣлымъ головнымъ уборомъ сестеръ милосердія, изъ-подъ котораго виднѣлся только кончикъ носа и прелестныя, полненькія алыя губки. Сказавъ въ полголоса нѣсколько словъ Клоту, молодая женщина прошла мимо Густава, не взглянувъ на него, но сердце юноши замерло, когда подолъ ея платья нечаянно прикоснулся къ его ногамъ.

Онъ пошелъ вслѣдъ за нею, въ нѣсколькихъ шагахъ разстоянія. Было уже почти темно; вдали, вокругъ кургауза, горѣли фонари. Вечерній коцертъ уже начался.

Почти у самаго кургартена, съ мнимою сестрою милосердія повстрѣчался какой-то мужчина; заглянулъ ей въ лицо и началъ съ нею разговаривать. Слово его, на такомъ разстояніе, Густавъ не могъ слышать, но замѣтилъ, что незнакомецъ намѣревается обхватить молодую женщину за талію. Нашъ молодой ученый полетѣлъ на него, какъ коршунъ на свою добычу, и схватилъ его за руку.

— Какъ вы смѣете останавливать эту даму?—спросилъ онъ, съ трудомъ сдерживая свое негодованіе.

— Убирайтесь прочь, если вы не желаете, чтобы я переломалъ вамъ всѣ ребра!—возразилъ незнакомецъ, съ презрительною усмѣшкою отталкивая отъ себя Густава.

— Объ этомъ мы съ вами успѣемъ переговорить въ по-

слѣдствіи, милостивый государь, — съ невозмутимымъ хладнокровіемъ замѣтилъ юноша, удостовѣрившись, что молодая женщина дошла уже до площадки передъ курзаломъ.

Полякъ ворчалъ какія-то угрозы, на полу-польскомъ, полу нѣмецкомъ языкѣ.

— Если вамъ будетъ угодно объясниться со мною по этому поводу, я всегда готовъ къ вашимъ услугамъ, — продолжалъ Густавъ и прибавилъ, слегка приподнимая плечу: — Моя фамилія Аландъ, я живу въ маленькомъ домигѣ, недалеко отъ Чертовой скалы.

— Такъ и уберите туда, откуда вы пришли, то-есть къ черту! Я не желаю, разговаривать съ такими людьми какъ вы. Между вами и мною не можетъ быть ничего общаго.

— Какъ вамъ угодно, — не возвышая голоса возразилъ Густавъ и совершенно спокойно пошелъ далѣе по дорогѣ.

Графъ Лашевскій, — наши читатели, вѣроятно уже узнали, — исчезъ въ темнотѣ, между деревьями, прошипѣвъ сквозь зубы, вслѣдъ своему противнику:

— Проклятый маляръ!

Послѣ этой встрѣчи Гертруда перестала ходить въ хижину Клуца, но продолжала снабжать бѣдную семью всѣмъ необходимымъ черезъ посредство молодой швейцарки.

Не смотря на всѣ свои старанія, Густавъ не могъ узнать никакихъ подробностей относительно интересовавшей его личности.

— Молоденькая барыня побывала у насъ только одинъ разъ, — рассказывалъ ему малютка Каспаръ: — но сестры милосердія Беата и Гертруда почти каждый день приносили намъ отъ нея гостинцы. Мнѣ очень жаль, что эта добрая барынька перестала къ намъ ходить.

Однажды Густавъ засталъ въ хижинѣ швейцарку Ленхень, которая сообщила ему, что одна богатая иностранка просила ее навѣщать семейство поденщика Клуца.

— Такая знатная дама не можетъ сама ходить въ эту убогую хижину, — прибавила она.

На вопросъ юноши о служанкѣ, подававшей ему молоко въ коровникѣ, она отвѣчала:

— Вы, вѣроятно ошибаетесь, сударь. Я сама подаю молоко и сыворотку моимъ посѣтителемъ, и хорошо помню, что вы были у меня въ коровникѣ, уже послѣ назначеннаго часа для приема.

Густавъ терялся въ догадкахъ. Заподозрить обдуманную интригу со стороны незнакомки, было также невозможно, какъ повѣрить нелѣпымъ сказкамъ Марушки о русалкѣ. Въ Гельгевилѣ онъ ни съ кѣмъ не знакомъ, а въ Кассубенѣ всѣ его знакомые были люди самые обыкновенные, большею частью ремесленники. Эта мнимая русалка являлась ему въ столькихъ различныхъ видахъ: то чопорной англійской миссъ, то буфетчицею изъ кургауза, то женою богатаго голландца, то служанкою въ коровникѣ, то сестрою милосердія, то шаловливою дѣвочкою, собирающею въ лѣсу землянику,—которая же изъ нихъ бывшая его неожиданная гостья, явившаяся къ нему во время бури и такъ загадочно унесенная порывомъ вѣтра?

«Глаза мои, точно заколдованные, видятъ постоянно одно и то же лицо, какъ мнѣ это предсказывала Марушка. Понятно, что я не вѣрю этимъ глупымъ выдумкамъ суевѣрной старухи; но, тѣмъ не менѣе, все это сильно интригуетъ меня!» — размышлялъ Густавъ.

Другой на его мѣстѣ, послѣ встрѣчи въ лѣсу, непременно послѣдовалъ бы издали за незнакомкою и узналъ бы, гдѣ она живетъ, но нашъ ученый юноша былъ рыцарь въ душѣ,—не хуже любаго Донъ-Кихота,—и считалъ подобный поступокъ безчестнымъ. Онъ шелъ прямымъ путемъ къ своей цѣли. Желаніе узнать, кто была эта загадочная личность овладѣвало имъ съ каждымъ днемъ все сильнѣе и сильнѣе.

«Эта молодая, хорошенькая дѣвушка, — продолжалъ онъ свои разсужденія: — по всей вѣроятности дочь благородныхъ, но разорившихся родителей. Ей совѣстно въ этомъ признаться, но она не сотворена для черной работы; я этому не повѣрю, что бы она мнѣ ни рассказывала. Она мнѣ нравится. Я имѣю возможность избавить ее отъ нищеты

и, женись на ней, окружить ее, если не роскошью, то крайней мѣрѣ довольствомъ. Но надо, чтобы и она меня полюбила. О, какъ бы я ее лелѣялъ! Я носилъ бы ее на рукахъ и старался исполнять всѣ ея капризы».

Мы знаемъ, что мысль о женитьбѣ приходила уже не въ первый разъ въ голову Густава. Первая попытка его не увѣнчалась успѣхомъ, но онъ скоро утѣшился, потому-что не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о своей предполагаемой невѣстѣ. Теперь же онъ былъ влюбленъ, хотя и самъ не могъ дать себѣ отчета въ этомъ новомъ для него чувствѣ. Вообще этотъ молодой человѣкъ былъ мало развитъ, вслѣдствіе того, что съ самаго ранняго дѣтства находился подъ непосредственнымъ вліяніемъ такихъ людей, какъ Марушка и профессоръ Б. Первая была добрая, но простая, необразованная женщина; а второй, хотя и ученый человѣкъ, но такой чудакъ, до такой степени сухая, безучастная ко всему человѣчеству натура стараго холостяка, не понимающаго ни бурныхъ страстей, ни увлеченій юности, подъ руководствомъ котораго характеръ Густава выработался такимъ, какъ мы его знаемъ. Глубокомысленный старый химикъ относился съ большимъ участіемъ къ своимъ стеклянкамъ съ разными жидкостями, нежели къ живымъ существамъ; сердце его давно уже очерствѣло. Да и зналъ-ли онъ когда-нибудь, что такое любовь къ женщинѣ?

Вліяніе этой среды могло бы сдѣлать юношу эгоистомъ, если бы онъ имѣлъ къ этому хотя малѣйшую склонность; но, по счастью, онъ не утратилъ своей сердечной доброты. Въ немъ бросалось въ глаза странное сочетаніе мужской зрѣлости съ наивнымъ ребячествомъ. Его длинная, неуклюжая фигура, съ огромнымъ носомъ и грубымъ голосомъ, была такъ смѣшна. Въ двадцать два года отъ роду онъ былъ неопытенъ, какъ новорожденный ребенокъ. Совѣтуя своему питомцу жениться, Марушка имѣла въ виду отвлечь его отъ пагубныхъ, по ея мнѣнію, занятій, отъ чертовой кухни, гдѣ онъ даромъ тратитъ время и здоровье. Въ составъ ея глубокихъ соображеній не входила потребность любви для его юнаго сердца или серьезность принимаемыхъ имъ

на себя обязанностей; о, нѣтъ, доброй старухѣ хотѣлось дать своему мальчику новую игрушку въ руки, вотъ и все!

При такой обстановкѣ не удивительно, что Густавъ сдѣлалъ такой непростительный промахъ, когда вздумалъ такъ оригинально посвататься на вдовѣ своего дяди. Въ настоящую минуту, когда сердце его проснулось для любви, онъ самъ ужаснулся своего поступка и принялся основательно обдумывать свое намѣреніе жениться на заинтересовавшей его незнакомкѣ

IX.

Дриближался праздникъ жатвы, на которомъ собирались повеселиться всѣ крестьяне, работавшіе въ продолженіи цѣлаго лѣта на поляхъ, въ садахъ, лѣсахъ и на берегу моря. Въ это время каждый изъ нихъ получалъ плату за свои труды и ни одинъ изъ постороннихъ, наемныхъ поденщиковъ не уходилъ въ свою сторону, не поплывавъ на веселомъ праздникѣ. Именно на этотъ день Густавъ и возложилъ всю свою надежду.

Рано утромъ проѣхалъ по деревенской улицѣ возъ, нагруженный снопами и украшенный огромными вѣнками и пестрыми лентами. На возу сидѣли молодые крестьяне и крестьянки, въ праздничной одеждѣ; ребятишки густою, шумною толпою бѣжали вслѣдъ, лакомясь вкусными пирогами.

Въ кабакахъ и трактирахъ раздавались звуки гармоники и дудокъ. Незатѣйливымъ музыкантамъ содержатели этихъ заведеній платили за труды не деньгами, а виномъ и кушаньемъ. Послѣ обѣда, на большомъ лугу, за кургаузомъ, начались народныя игры. Вокругъ, на длинныхъ столахъ, стояли кружки съ кофеемъ, пивомъ и водкою и огромныя корзины съ пирогами. Солнце палило беспощадно; но какой же бы это былъ праздникъ жатвы, если бы на немъ кофе, пиво, водка и потъ не лились ручьями?

Деревенская молодежь щеголяла въ чрезвычайно живописныхъ прусскихъ, польскихъ и литовскихъ костюмахъ. Въ шесть часовъ вечера начались танцы, но не въ сараяхъ, а на чистомъ воздухѣ. Содержатель кургауза предложилъ своимъ музыкантовъ, а погребщикъ выставилъ цѣлую бочку пива. Само собою разумѣется, что иллюминація и фейерверкъ были необходимою принадлежностью праздника, программа котораго, еще за нѣсколько дней, красовалась на всѣхъ перекресткахъ. Старые и молодые, богатые и бѣдные, всѣ считали своимъ долгомъ побывать на праздникѣ жатвы. Даже для прїѣзжихъ гостей, лечившихся въ Гельгевилѣ, этотъ народный праздникъ былъ приятнымъ развлеченіемъ; жизнь въ курортахъ вообще очень однообразна.

Длинная фигура Густава Аланда двигалась посреди пестрой толпы, точно воплощенный восклицательный знакъ, возбуждая всеобщій смѣхъ и очень мѣткія остроты развеселившейся молодежи.

Въ сторонѣ, на окруженномъ соснами, небольшомъ холмѣ, стояли Мерманъ и Гертруда Ольшевская. Первый отъ души хохоталъ, глядя на оживленные игры; а вторая задумчиво стояла, прислонившись спиною къ дереву, и повидимому не обращала вниманія на толпу.

— Ты испортишь свое платье, Герта, — обратился къ ней ея любезный кавалеръ:—эти сосны такъ смолисты.

— Не бѣда!—возразила вдовушка, тономъ избалованнаго ребенка и въ подтвержденіе своихъ словъ, тотчасъ же сорвала цѣлую горсть иголъ съ ближайшей вѣтки.

— Помилуй, что ты дѣлаешь? — вскричала испуганный голландецъ.

— На мнѣ есть перчатки, — съ невозмутимымъ спокойствіемъ отвѣчала молодая женщина.

Мерманъ бросилъ взглядъ, полный состраданія, на новыя, длинные перчатки изъ шведской кожи, носившія на своихъ оконечностяхъ признаки дурнаго расположенія духа своей благодѣтельницы, но не смѣлъ долѣе настаивать, и снова устремилъ свой взоръ на веселую толпу гуляющихъ крестьянъ.

Гертруда мысленно старалась уловить прерванную нить своих размышлений, но неутомный спутникъ опять помѣшалъ ей.

— Взгляни сюда, Герта!—воскликнулъ онъ:—Вотъ идетъ нашъ живописецъ; такъ важно выступаетъ, точно журавль; лицо такое серьезное! Видно, что этотъ праздникъ его не занимаетъ. Зачѣмъ же онъ пришелъ сюда? Для наблюдений, вѣроятно. Вотъ онъ смотритъ въ нашу сторону.

Молодая женщина вздрогнула.

— Не видно-ли тамъ въ толпѣ нашего толстаго помѣщика?—спросила она.

— Зачѣмъ тебѣ понадобился этотъ неотесанный мужикъ.

— Мнѣ надо съ нимъ переговорить. Онъ общалъ мнѣ быть сегодня моимъ кавалеромъ на праздникъ. Онъ здѣсь всѣхъ знаетъ, вѣдь онъ здѣшній уроженецъ. Я увѣрена, что мнѣ будетъ очень весело.

— Графъ Лашевскій также здѣшній уроженецъ; интересно узнать, на какомъ основаніи ты предпочла ему этого молодца въ байковомъ сюртукѣ?

— И въ твоемъ графѣ не трудно найти бездну недостатковъ,—съ язвительною усмѣшкою возразила вдовушка.

— Я и не спорю. Края его шапочки не много засалились, кунтушъ протерся на локтяхъ,—это правда. Но, милая Герта, къ такимъ недостаткамъ туалета слѣдуетъ быть снисходительною: графъ Лашевскій красавецъ, аристократъ и человѣкъ очень богатый; у него есть въ Польшѣ огромныя помѣстья, которыя будутъ ему возвращены...

— Не ранѣе возстановленія Польскаго королевства!—перебила его вдовушка:—Мнѣ уже надобно слушать его трагическіе монологи, съ акомпаниментомъ вздоховъ и томныхъ взглядовъ.

— Я полагаю, что графъ долженъ тебѣ понравиться: ты любишь все необыкновенное, изъ ряду вонъ выходящее, а онъ именно и есть такого рода личность.

— Мой пріятель, толстякъ, такъ разоблачилъ его вчера, что я вполне разочаровалась.

— Что ты нашла такого привлекательнаго въ этомъ неповоротливомъ землевладѣльцѣ?

— De gustibus non est disputantibus, Мерманхень.

— Disputandum, душа моя.

— Disputantibus мнѣ лучше нравится, точно также, какъ и помѣщикъ лучше графа, — и я остаюсь при моемъ мнѣніи.

Голландецъ подошелъ къ Гертрудѣ; лицо его сіяло отъ радости, точно будто онъ выигралъ огромную сумму денегъ.

— Герта, — сказалъ онъ: — графъ Лашевскій отличный женихъ.

— Ну, что же дальше?

— Онъ ищетъ невесту...

— Какое мнѣ до этого дѣло?

— Ты его заинтересовала.

— Въ добрый часъ.

— Онъ влюбленъ въ тебя.

— Посоветуй ему разлюбить меня.

— Онъ объявилъ мнѣ свое желаніе на тебѣ жениться.

— И ты это хладнокровно выслушала? Но какъ же это могло случиться? Здѣсь всё увѣрены, что я твоя жена. Не могъ же онъ объявить тебѣ, что желаетъ на мнѣ жениться, зная, что ты мой мужъ.

— Вотъ видишь-ли, душа моя, — оправдывался голландецъ, покраснѣвъ до ушей: — я открылъ графу всю истинну; но, увѣряю тебя, что сдѣлалъ это для твоей же пользы. Нельзя же вѣчно разыгрывать комедію. Наконецъ, мнѣ стало жаль этого бѣднаго Лашевскаго. Если бы ты видѣла, какъ онъ вздыхалъ и, потомъ, какъ глаза его заблестѣли отъ радости, когда я объявилъ ему, что ты богатая вдова. Онъ съ такимъ неподдѣльнымъ чувствомъ восторга пожалъ мою руку. Право, мнѣ кажется, что онъ готовъ былъ броситься ко мнѣ на шею, такъ я его обрадовалъ. Судьба твоя почти рѣшена; ты будешь женою графа! Подумай только, какая это блистательная партія. Тебѣ всё будутъ завидовать. Похвали же искуснаго дипломата, устроившаго такое отличное дѣло! — прибавилъ въ заключеніе Мерманъ,

не замѣчая, что глаза Гертруды гнѣвно заискрились и что щечки ея сильно покраснѣли.

— Ты просто осрамился, Мерманхенъ,—возразила она:— Я не продажный товаръ! Мною торговать нельзя безъ моего вѣдома.

— Но, милая Герта, объ этомъ не можетъ быть и рѣчи. Я имѣлъ въ виду устроить твое счастье.

— Напрасный трудъ! Я и сама съумѣю его устроить, если захочу; но только... графъ Лашевскій не будетъ въ немъ участвовать, въ этомъ я тебѣ ручаюсь.

— Какъ, ты намѣрена отказать ему?

— Всенепремѣнно! Ему до меня также далеко, какъ и до польской короны. Понялъ-ли ты меня?

Голландецъ не вѣрилъ ушамъ своимъ.

«Что можетъ быть причиною такого ослѣпленія? — думалъ онъ: — Въ романахъ поводомъ для этого служить любовь къ другому. Но въ кого же могла она влюбиться? Можетъ быть во время нашего путешествія?... Нѣтъ, я бы это сейчасъ замѣтилъ... А здѣсь она ни съ кѣмъ не знакома, кромѣ графа и»... — внезапная мысль, какъ молнія, промелькнула въ умъ его.

— Герта! — въ ужасѣ воскликнулъ онъ: — неужели ты влюбилась въ толстяка?!

Молодая женщина громко захохотала.

— Да, да... Понятно!... Что за идея?... Это было бы ужъ черезчуръ глупо... Это было бы также смѣшно, какъ если бы ты влюбилась въ долговязаго живописца...

— Или въ тебя, Мерманхенъ, — прибавила шалунья, лукаво улыбаясь.

— Ну, нѣтъ... Позволь тебѣ замѣтить, что влюбиться въ меня было бы для тебя несчастіемъ, но смѣшнаго тутъ ровно ничего не могло бы быть...

— Человѣкъ, котораго я готова полюбить, нисколько не похожъ на тебя, Мерманхенъ.

— Любопытно узнать, какого рода люди тебѣ нравятся?

— Да вотъ, напримѣръ, я скорѣе влюбилась бы въ

чернаго Конрада, здѣшняго морскаго разбойника, нежели въ твоего хваленнаго польскаго графа.

Голландецъ только покачалъ головою.

— Эти романическія идеи удивляютъ меня тѣмъ болѣе, что ты... — онъ заикнулся, а вдовушка поспѣшно прибавила:

— Что я, шестнадцати лѣтъ отъ роду, была такъ благо-разумна, что вышла за мужъ за богатаго старика?... Договаривай же то, что ты хотѣлъ сказать.

— Ну, да,—я именно сравнивалъ...

— Для того, чтобы сравнивать, надо сперва понять въ чемъ дѣло, Мерманхенъ, а ты на это не способенъ. Я помогу тебѣ, милый мой, — прибавила она болѣе мягкимъ тономъ: — Вотъ видишь-ли, я вышла бы за Ольшевскаго даже и тогда если бы онъ не былъ богатъ, такъ мнѣ тяжела была жизнь въ твоемъ роскошномъ домѣ. Въ то время я не знала цѣны деньгамъ: не богатство моего мужа прельстило меня. Я полюбила моего старика за его честное, благородное, истинно-рыцарское сердце и за его безпредѣльную доброту ко мнѣ. Разумъ мой былъ еще не развитъ, я жаждала сочувствія и ласки,—а именно ихъ-то я не находила въ твоемъ семействѣ. Меня можно было бы сравнить тогда съ неопытною птичкою, нечаянно залетѣвшею въ пустую гробницу. Я навѣрно умерла бы преждевременно въ этой нравственно удушливой атмосферѣ, если бы судьба, въ лицѣ Ольшевскаго, не послала мнѣ избавителя. Этотъ человекъ понялъ нѣмыя жалобы блѣднаго ребенка, вырвалъ его изъ блестящей тюрьмы и возвратилъ его къ жизни. Онъ боготворилъ меня, окружилъ меня самыми нѣжными попеченіями и былъ безконечно счастливъ, видя, что я начинаю разцвѣтать, что это меня радуетъ и что я умѣю цѣнить его любовь ко мнѣ. Другой награды онъ и не ждалъ отъ меня. Когда я пыталась высказывать ему мою благодарность, онъ останавливалъ меня словами: «Перестань дитя мое, я стараюсь искупить жестокую несправедливость, вслѣдствіе которой погибло другое, близкое мнѣ и любимое мною существо». Вотъ все, что онъ сказалъ мнѣ, а я, какъ неразумный, избалованный ребенокъ, не

разспрашивала его, и вполне наслаждалась жизнью, въ теченіи цѣлаго года, не подозрѣвая, что существуетъ на землѣ другое, высшее счастье. Похоронивъ мужа, я сдѣлалась богатою, совершенно независимою женщиною. Жизнь, широкою дорогою, разстиралась передо мною. Но я окончательно осиротѣла: — мнѣ некого было любить! Не хмурься, Мерманхенъ, я говорю правду: вы, мои единственные родственники, не нуждались въ моей привязанности и мало обращали на меня вниманія. Здѣсь, на чужой сторонѣ, всѣ думаютъ, что я держу васъ въ рукахъ, но они ошибаются. По возвращеніи въ Амстердамъ, когда я снова поселился въ твою домъ, — моей бывшей раззолоченной клѣткѣ, — можетъ быть, всѣ эти химеры, мало-по-малу, испарятся изъ моей головы, думаешь ты, — я сдѣлаюсь разсудительною женщиною, выйду за мужъ за серьезнаго негодяя, для котораго я буду изображать собою нѣчто въ родѣ лишней цифры въ его прихода-расходной книгѣ. О, нѣтъ! Сохрани меня Боже! Я избѣру въ мужья такого человѣка, для котораго во мнѣ одной будетъ сосредоточено все его земное благополучіе. Но замѣть, что я не потерплю, чтобы онъ принялъ любовь мою въ видѣ милостыни. Нѣтъ, пусть онъ принудитъ меня полюбить его, преклоняться передъ его волею, смотрѣть на него съ благоговѣніемъ и тогда, — тогда... Ты не можешь понять этого чувства, Мерманхенъ, — тогда счастію моего мужа позавидуютъ многіе!

Молодая женщина говорила съ такимъ увлеченіемъ, что, казалось, забыла все окружающее: охвативъ одною рукою стволъ дерева, она откинула назадъ свою прелестную головку и устремила взоръ на заходящее солнце, подъ мягкими, угасающими лучами котораго ея легкое, бѣлое платье окутывало ее, какъ свѣтлое облако. Она была дѣйствительно очаровательна въ эту минуту.

Простодушный Мерманъ, привыкшій цѣнить въ женщинѣ только красоту ея наряда, съ прискорбіемъ замѣтилъ, что платье Гертруды было все испачкано смолою и что перья на ея шляпкѣ растрепались, но не смѣлъ высказать своихъ мыслей, опасаясь разсердить свою питомицу.

Но тамъ, внизу, былъ человѣкъ, на котораго этотъ лучезарный призракъ произвелъ чарующее впечатлѣніе. Густавъ Аландъ былъ буквально ослѣпленъ: въ этой, съ такимъ жаромъ говорящей женщинѣ онъ узналъ свою незнакомку, черты лица которой запечатлѣлись въ его сердцѣ. Онъ не могъ отвести глазъ отъ этого волшебнаго видѣнія и стоялъ, какъ громомъ пораженный, въ упоеніи наслаждаясь настоящею минутою, не сознавая, гдѣ онъ и что съ нимъ дѣлается. Юноша въ первый разъ въ жизни ощущалъ безпредѣльное могущество любви.

Гертруда не замѣтила приближенія Густава: жизнь кипѣла въ ней ключемъ, что доказывали ея сверкающіе глаза, дрожащія губы и прерывистое дыханіе. Если бы она въ эту минуту взглянула на своего онѣмѣвшаго отъ восторга обожателя, то эти двѣ, совершенно разнообразныя натуры поняли бы другъ друга. Мерманъ разрушилъ всѣ чары этого мгновенія: не зная, что отвѣчать своей пылкой питомицѣ, онъ оглянулся назадъ и чрезвычайно обрадовался, увидѣвъ стоящаго у подножія холма живописца.

— Ахъ, это вы!—воскликнулъ онъ:—Идите же къ намъ сюда, да осторожнѣе, не поскользнитесь. Ага! да я вижу, что вы человѣкъ предусмотрительный, ваши сапоги на широкихъ подошвахъ и съ низкими каблукками. Это чрезвычайно практично: дороги здѣсь прескверныя.

Въ то время, какъ Мерманъ и Густавъ Аландъ обмѣнивались привѣтствіями, бѣдная Гертруда чуть-чуть не упала въ обморокъ. Въ продолженіи всего предъидущаго монолога она, безсознательно, но упорно глядѣла на заходящее солнце, вслѣдствіе чего у нея закружилась голова, передъ глазами ея мельгали огромные зеленые круги,—ей сдѣлалось дурно. Кто-то подалъ ей раскрытый зонтикъ. Машинально взяла она его въ руку, а другою оперлась о плечо подающаго и тихо проговорила,—въ полной увѣренности, что обращается къ своему дядѣ:

— Поддержи меня, Мерманхенъ, я ничего не вижу,—и хотѣла было опустить свою голову на плечо голландца, но тотчасъ же въ ужасѣ, отшатнулась назадъ, потому что го-

лова ея прислонилась къ груди мужчины высокаго роста, сердце котораго усиленно билось въ эту минуту.

— Устремите ваши глаза на зелень, сударыня, это успокоитъ ваши нервы,—сказалъ кто-то пріятнымъ, звучнымъ голосомъ, не похожимъ на голосъ Мермана.

Тутъ только поняла молодая женщина, что съ нею говоритъ Густавъ Аландъ и что она невольно подслушала усиленное біеніе его сердца. Стыдъ, досада и замѣшательство овладѣли ею до такой степени, что она, не поклонившись молодому человѣку и не поблагодаривъ его за оказанную ей помощь, сбѣжала съ пригорка.

— Куда ты, Герта?—закричалъ голландецъ ей вслѣдъ.

— Я иду домой,—не оборачиваясь отвѣчала вдовушка.

Лицо Мермана вытянулось отъ удивленія.

— Женскій капризъ,—сквозь зубы проворчалъ онъ, пожимая плечами, точно будто это было для него новостью, а Густавъ счелъ своею обязанностью оправдать молодую женщину:

— Вашей супругѣ повредило заходящее солнце, на которое она такъ пристально смотрѣла,—сказалъ онъ.

— Моей супругѣ?! Ахъ, да. Она, бѣдняжка, еще такъ молода, почти ребенокъ. Болѣзни, нужда, лишенія преслѣдовали ее отъ колыбели до ея замужества. Она только-что высказала мнѣ все это. Ну, наконецъ, наступила реакція. Ей жить хочется,—ей, какъ говорится, надо перебѣситься. Говорятъ, что это законъ природы, но я этому не вѣрю, потому-что самъ никогда не испытывалъ потребности «перебѣситься».

Мерманъ говорилъ такимъ образомъ, забывая, что у него есть посторонній слушатель. Теперь только началъ онъ вникать въ смыслъ словъ своей племянницы. Замѣтивъ это, Густавъ Аландъ хотѣлъ было уйти, но голландецъ удержалъ его и началъ разговаривать съ нимъ о живописи, въ полномъ убѣжденіи, что мнимый художникъ за безцѣнокъ уступитъ ему свою оригинальную картинку.

— Придите завтра утромъ въ кургаузъ и покажите мнѣ

свои эскизы. Можетъ быть, найдется что-нибудь, что мнѣ понравится,—въ заключеніе прибавилъ Мерманъ.

Густавъ Аландъ обѣщаль исполнить его желаніе, сознавая въ душѣ, что это будетъ нѣкотораго рода обманомъ: онъ занимался живописью *en a l'ore*,—въ свободныя минуты отъ научныхъ занятій, не имѣя намѣренія продавать произведенія своей кисти. Ему хотѣлось побывать у голландца, подѣ какимъ бы то ни было предлогомъ, въ надеждѣ—еще разъ увидѣть очаровательную незнакомку.

Вечеромъ начались танцы на чистомъ воздухѣ. Мѣстная полиція, опасаясь пожара, не позволила танцовать въ овинѣ. Понятно, что полъ не былъ такъ гладокъ, какъ паркетъ, но крестьяне этимъ не стѣснялись и усердно утаптывали землю своими гвоздями подбитыми сапогами.

Площадка для танцевъ и всѣ прилегающія къ ней аллеи кургартена были освѣщены разноцвѣтными фонарями; на небѣ, въ полномъ блескѣ, сіяла луна, покрывая все пространство своимъ мягкимъ, серебристымъ свѣтомъ. Музыканты кургартена не жалѣли рукъ своихъ, а сильно подгулявшіе крестьяне вальсировали съ увлеченіемъ, подѣ звуки ихъ инструментовъ.

Гертруда Ольшевская и толстякъ помѣщикъ были въ числѣ зрителей. Молодая женщина никогда въ жизни не танцевала, она даже не видѣла какъ танцуютъ другіе. Всеобщее оживленіе такъ увлекло ее, что она невольно стала выбивать тактъ своею маленькою ножкою.

— Какъ бы мнѣ хотѣлось потанцовать!—воскликнула она, въ порывѣ ребяческаго восторга.

— Позвольте мнѣ быть вашимъ кавалеромъ?—спросилъ ея спутникъ, недовѣрчиво поглядывая на ея щегольской костюмъ.

— Съ величайшимъ удовольствіемъ, — отвѣчала вдовушка:—но я не умѣю танцовать.

— Это ничего не значить,—возразилъ толстякъ:—только я боюсь, что ваше узенькое платьѣ будетъ препятствовать свободѣ и быстротѣ вашихъ движеній.

— Вы совершенно правы: эти модныя платья такъ не-

практичны... Знаете-ли, что я придумала? Только ради Бога не выдайте меня! Минуть черезъ девять я приду сюда въ литовскомъ костюмѣ, и тогда мы съ вами потанцуемъ.

Добродушный кавалеръ улыбнулся и утвердительно кивнулъ головою.

— Не уходите съ этого мѣста, — прибавила Гертруда и, подойдя къ одной изъ нарядно одѣтыхъ дѣвушекъ, шепнула ей что-то на ухо и затѣмъ обѣ онѣ быстро исчезли въ толпѣ.

Дѣвушка эта была Ленхенъ, невѣста оберъ-кельнера Вильгельма. Нѣсколько минутъ спустя, вдовушка вернулась назадъ въ прелестномъ литовскомъ костюмѣ, принадлежавшемъ услужливой швейцаркѣ. Толстякъ, закинувъ руки за спину, стоялъ на указанномъ ему мѣстѣ и смотрѣлъ на танцующихъ. Увидя свою очаровательную дамочку, онъ громко вскрикнулъ отъ восторга и сказалъ, обращаясь къ своему сосѣду:

— Какъ хороша! Просто прелесть! — и, охвативъ талию Гертруды своими огромными, уродливыми руками, онъ увлекъ ее на площадку и принялся вальсировать, уморительно припрыгивая при каждомъ поворотѣ.

— Ахъ, какъ весело! — воскликнула молодая женщина, улыбаясь своему кавалеру: — Я летаю, точно какъ во снѣ, даже земли подъ ногами не чувствую.

А толстый кавалеръ задыхался отъ усталости, но продолжалъ усиленно вертѣться, замѣтивъ, что на него устремлены завистливые взоры всѣхъ окружающихъ. Наконецъ онъ выбился изъ силъ и остановился: потъ крупными каплями выступилъ на лбу его.

— Еще одинъ туръ! — умоляла его Гертруда.

— Подождите, дайте мнѣ отдохнуть, — пыхтя и отдуваясь возразилъ утомленный непривычнымъ движеніемъ землевладѣлецъ.

— Не угодно-ли вамъ протанцовать со мною? — раздался за спиною вдовушки знакомый ей голосъ.

Она быстро оглянулась, снова взяла подъ руку своего спутника и бросила на него такой выразительный взглядъ, что тотъ немедленно возразилъ:

— Этого я не могу допустить, сударь! Каждый танцующій кавалеръ ангажируетъ даму на цѣлый вечеръ. Позвольте спросить, гдѣ же ваша дама и почему вы обращаетесь къ моей?

— Ваша дама меня знаетъ и, вѣроятно, согласится провальсировать со мною, — былъ скромный отвѣтъ застѣнчиваго юноши.

— Да еще умѣете-ли вы танцевать? — насмѣшливо усмѣхнулась Гертруда.

— Вальсъ танцевать нужно умѣючи, — съ самодовольною миною прибавилъ толстякъ, въ душѣ очень довольный тѣмъ, что нашелъ себѣ помощника: онъ все еще тяжело дышалъ, потъ градомъ катился съ лица его.

— Вѣдь я здѣшній уроженецъ, какъ же мнѣ не умѣть вальсировать? Впрочемъ это искусство не такъ трудно, какъ вы полагаете.

— Ну, смотрите же, не ударьте лицомъ въ грязь, иначе вы окончательно упадете въ моемъ мнѣнїи, — сказала молодая женщина и прибавила, взглянувъ на серьезное лицо своего будущаго кавалера: — Да снимите же очки, нельзя же такъ танцевать, надъ нами всѣ станутъ смѣяться.

Густавъ вынулъ изъ кармана футляръ, аккуратно уложилъ въ него очки и затѣмъ осторожно охватилъ рукою талїю Герруды.

«Какой педантъ и флегматикъ, — подумала она, сильно сомнѣваясь въ ловкости своего кавалера, но, къ величайшему ея удивленїю, онъ танцевалъ не дурно, — несравненно лучше толстаго помѣщика.

Такъ-какъ Густавъ былъ очень высокъ ростомъ, ноги вдовушки едва касались земли, но онъ держалъ ее крѣпко и не разу не сбился съ такта. Послѣ нѣсколькихъ туровъ вальса она утомилась и попросила своего кавалера остановиться. Юноша исполнилъ ея желанїе и, при этомъ, взглянулъ на нее съ такимъ невозмутимымъ спокойствїемъ, что это ее раздосадовало. Ей было какъ-то непрїятно прїйти къ убѣжденїю, что «простофиля» не только умѣетъ танцевать, но что онъ человѣкъ съ сердцемъ и далеко не глупъ.

Но это наружное спокойствіе скрывало за собою массу новыхъ, сильныхъ ощущеній въ сердцѣ неопытнаго юноши, который, самъ того не сознавая, уже страстно любилъ Гертруду. Ложь и обманъ были несомвѣстимы съ его честною, откровенною натурою. При слабомъ мерцаніи фонарей, онъ, во время вальса, пристально разсматривалъ лицо своей дамы и, убѣдившись, что она дѣйствительно та личность, которую онъ такъ долго и тщетно старался найти сказалъ ей:

— Объясните же мнѣ наконецъ, кто вы? Я встрѣчаю васъ въ различныхъ мѣстахъ и при такой разнообразной обстановкѣ, что я положительно теряюсь въ догадкахъ. Ради Бога, выведите меня изъ заблужденія.

— Это не въ моей власти, — лукаво усмѣхнулась молодая женщина.

— О, нѣтъ! Не говорите этого, вы одни въ состояніи успокоить меня. Глупая болтовня Марушки...

— Которая убѣждена въ томъ, что я русалка, — подхватила Гертруда: — Вы сами этому вѣрите и думаете, что я, въ одинъ прекрасный день, увлеку васъ съ собою въ море, не правда-ли?

— Въ море, или куда бы то ни было, я всюду готовъ послѣдовать за вами: — воскликнулъ юноша въ порывѣ страсти; голосъ его дрожалъ.

Въ эту минуту снова раздались звуки музыки.

— Пойдемте танцовать, — возразила вдовушка, указывая на площадку, отъ которой они отошли на нѣсколько шаговъ.

Толстаго помѣщика тамъ уже не было; онъ захотѣлъ освѣжиться и, войдя въ палатку, гдѣ стояла бочка съ пивомъ, съ наслажденіемъ пилъ одинъ стаканъ за другимъ. Этотъ добродушный человѣкъ былъ вовсе не прихотливъ и довольствовался тѣмъ, что было подъ рукою.

Между тѣмъ Густавъ Аландъ и Гертруда снова присоединились къ танцующимъ. Увлекаемые звуками музыки, пары кружились съ неимовѣрною быстротою, безъ церемоніи толкая и опрокидывая все, что попадалось на пути. Нако-

нецъ, громко раздався послѣдній аккордъ бурнаго вальса: это былъ сигналъ, по которому каждый кавалеръ долженъ былъ поцѣловать свою даму. Молодой ученый поспѣшилъ воспользоваться своимъ правомъ и звонко чмокнулъ вдовушку въ губы, не давъ ей времени опомниться. Гертруда была до такой степени поражена этимъ внезапнымъ поцѣлуемъ, что не могла выговорить ни слова, и въ послѣдствіи, припоминая этотъ критическій моментъ, не могла надичиться, какъ осмѣлился «простофиля» дойти до такой непростительной дерзости.

Трудно рѣшить, чѣмъ бы кончилась эта неожиданная катастрофа, если бы въ эту минуту не подошелъ къ нимъ толстякъ и не подаль руки блѣдной, едва дышащей Гертрудѣ; а Густавъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы откланяться и вскорѣ исчезъ въ толпѣ.

— Вамъ жарко, не угодно-ли вамъ чего-нибудь выпить?— предложилъ своей дамѣ вѣжливый старый кавалеръ.

— Миѣ дурно... проводите меня домой,—чуть слышнымъ голосомъ проговорила молодая женщина.

Ей уже надоѣлъ деревенскій праздникъ. Она чувствовала потребность отдохнуть, успокоится и собраться съ мыслями. Услужливый помѣщикъ, гордо поднявъ голову, пробирался сквозь толпу, ведя подъ руку свою хорошенькую дамочку въ литовскомъ костюмѣ, на которую всѣ смотрѣли съ восторгомъ. А она шла, склонивъ голову на друдъ, ничего не видя и не слыша.

X.

Утро послѣ праздника жатвы было ненастное: на морѣ, какъ горы, вздымались волны; густой сѣрый туманъ застигалъ все небо.

На площадкѣ, передъ курзаломъ, не было никого, кромѣ музыкантовъ, угрюмо и несотно исполнявшихъ свою еже-

дневную обязанность. Сдвинутые въ кучу столы и скамейки стояли въ сторонѣ: никому изъ посѣтителей и въ голову не приходило пить кофе на воздухѣ; ни одинъ изъ нихъ не пошелъ купаться въ море. Къ довершенію невзгоды, дождь похлѣлъ, какъ изъ ведра.

Постоянно веселый мингеръ Мерманъ былъ не въ духѣ. Ненастная погода производила на него самое непріятное впечатлѣніе: онъ весь ежился отъ холода въ своемъ эlegantномъ, сѣренькомъ костюмѣ; румянецъ исчезъ съ его пухленькихъ щекъ, даже кроткіе голубые глаза его казались въ это утро свѣтло-зелеными. Онъ безпрестанно вздрагивалъ и потиралъ руки.

Гертруда Ольшевская, обыкновенно забавлявшая все общество своею веселою болтовнею, была блѣдна и задумчива. Въ продолженіи завтрака она не сказала ни слова; совершенно машинально брала предлагаемыя ей кушанья, но почти ничего не ѣла.

Одна фрау Кетте Мерманъ ни на волосъ не измѣнилась: все то же огромное, похожее на тазъ, круглое лицо, тотъ же сѣрый плащъ на плечахъ, тотъ же волчій аппетитъ и односложныя восклицанія,—однимъ словомъ, въ этой неуклюжей массѣ мяса все было непоколебимо, какъ скала; давленіе атмосферы не имѣло на нее ни малѣйшаго вліянія.

Послѣ завтрака Гертруда сѣла къ окну, съ квигою въ рукахъ, и супруги Мерманъ принялись читать газеты, какъ вдругъ вошелъ въ комнату оберъ-кельнеръ и доложилъ, что къ нимъ пришелъ какой-то господинъ.

— Кто онъ такой?—спросилъ голландецъ.

Дамы были такъ заняты чтеніемъ, что не обратили вниманія на докладъ Вильгельма.

— Фамиліи его я не знаю,—отвѣчалъ счастливый женихъ хорошенькой Ленхенъ:—но это тотъ самый молодой человекъ, который рисовалъ картинку, вотъ здѣсь на плащадкѣ, нѣсколько дней тому назадъ. Онъ говоритъ, что вы сами приказали ему прійти сегодня.

— А,—это должно быть живописецъ! — припомнилъ Мерманъ:—попросите его войти сюда.

Вильгельмъ не счелъ нужнымъ поторопиться: онъ спокойно собиралъ посуду и сметалъ крошки со стола.

— Онъ обѣщалъ мнѣ принести свои рисунки, — сказала голландецъ, въ отвѣтъ на вопрошающій взглядъ вдовушки: — это развлечетъ насъ на нѣсколько минутъ. Сегодня здѣсь такая невыносимая тоска.

Гертруда хотѣла было убѣжать, но раздумала и осталась у окна, прикрывъ себя занавѣскою. Ей было любопытно взглянуть на Густава, послѣ вчерашняго приключенія.

«Все тотъ же «простофиля», какъ и былъ, — подумала она, бросивъ украдкою презрительный взглядъ на юношу: — Тотъ же безобразный, мѣшковатый скюртукъ и дурацкія, угловатыя манеры».

А бѣдный «простофиля» воображалъ, что онъ отлично одѣтъ; лучшаго скюртука, какъ этотъ, у него не было. Когда онъ надѣвалъ его, Марушка замѣтила ему, что на дворѣ дурная погода.

— Туманъ поднимается, — возразилъ онъ на это.

— Будетъ дождь! — настаивала старуха, и была права.

Ровно въ девять часовъ утра аккуратный молодой человекъ былъ уже на площадкѣ, передъ курзаломъ и ходилъ взадъ и впередъ, не обращая вниманія на поливающий его дождь. Наконецъ, промокнувъ до костей, онъ рѣшился попросить оберъ-кельнера доложить о немъ голландцу.

Войдя въ комнату и поздоровавшись съ Мерманомъ, Густавъ счелъ своимъ долгомъ отвѣсить два низкихъ поклона, одинъ по направленію къ дивану, гдѣ сидѣла фрау Кетте, а другой къ окну, у котораго, въ полуоборотъ, стояла другая женская фигура, прикрытая занавѣскою, такъ что лица ея не было видно. Ни одна изъ двухъ женщинъ не отвѣтила ему на эти поклоны, сдѣланные съ благоговѣніемъ мусульманина, обращающаго во время молитвы лицо свое въ сторону священной для него Мекки.

Неподвижная скала не пошевелинулась, а вдовушка, продолжая изъ-за своей засады наблюденія, подумала:

«Этотъ неуклюжій простофиля нисколько не измѣнился! Все такой же противный, какъ и прежде».

Долго стоялъ Мерманъ на одномъ мѣстѣ, переминаясь съ ноги на ногу и потирая руки. Онъ былъ чрезвычайно брезгливъ и чистоплотень, вотъ почему онъ не рѣшался приблизиться къ живописцу, съ котораго буквально вода лилась ручьями.

— Какъ вы промокли, — съ улыбкою замѣтилъ онъ, обращаясь къ своему гостю, но не подавая ему своей руки.

— Да, это совершенно вѣрно... Я цѣлый часъ ходилъ по площадкѣ, а дождикъ такъ и льетъ, не мудрено...

— Почему же вы не вошли въ комнату? — удивился голландецъ.

— Вы приказали мнѣ прійти въ кургартень, и я въ точности исполнилъ ваше приказаніе.

Этотъ добродушный, скромный отвѣтъ взбѣсилъ Гертруду: она сдѣлала нетерпѣливое движеніе и топнула ножкою. Массивная фрау Кетте промычала что-то сквозь зубы.

Густавъ не разслышалъ, что она сказала, но улыбнулся и поклонился ей очень вѣжливо.

— Моя жена совѣтуетъ вамъ выйти на крыльцо и отряхнуться, — обязательно объяснилъ ему Мерманъ продолжительное мычаніе своей супруги.

— Сію минуту, — отвѣчалъ юноша и готовъ уже былъ исполнить это приказаніе, но Гертруда не выдержала и вскричала, подбѣгая къ своему дядѣ.

— Ты съ ума сошелъ, Мерманхенъ! Развѣ ты не можешь самъ обтереть скюртку этого господина? Велика важность, — нѣсколько капель дождя. Я была точно также мокра, когда вошла въ чужой домъ, во время грозы, однако же меня не выгнали отряхаться на улицу, какъ мокраго пуделя! «У этого простофили нѣтъ ни капли самолюбія», — съ досадою подумала она, искоса взглянувъ на юношу.

Взоры ихъ встрѣтились... При воспоминаніи объ этихъ счастливыхъ, такъ быстро промелькнувшихъ для него минутахъ, кроткая улыбка показалась на губахъ Густава и онъ проговорилъ тихимъ, дрожащимъ голосомъ:

— Прелестную, окропленную росой розу нельзя сравнивать съ мокрымъ пуделемъ.

Этот высокопарный комплимент, сказанный наивно-ребяческим тономъ, еще сильнѣе раздосадовалъ вдовушку и заставилъ ее снова удалиться къ окну.

Нѣсколько минутъ спустя, молодой человекъ, уже въ болѣе приличномъ видѣ, вошелъ въ комнату и, съ портфелемъ въ рукахъ, подошелъ къ Мерману, который, сидя въ креслѣ, не подумалъ предложить своему гостю и стула.

— Садитесь, сдѣлайте одолженіе! — повелительнымъ тономъ воскликнула Гертруда.

Ее столько же бѣсила невѣжливость хозяина, сколько и неумѣстная скромность гостя.

— Благодарю васъ, сударыня, — возразилъ юноша: — Стоя мнѣ будетъ удобнѣе показывать мои рисунки.

Всѣ эскизы изображали берегъ Балтійскаго моря при разнородномъ освѣщеніи.

— Это не дурно, — замѣтилъ голландецъ: — но какъ-то пустынно и вяло. Мнѣ кажется, что человѣческія лица оживили бы эти ландшафты.

— Тутъ есть и люди: вотъ группа женщинъ, занимающихся копченіемъ сельдей, — а здѣсь рыбаки въ лодкѣ.

— Вижу, вижу. Жаль, что вы не нарисовали кого-нибудь по-изящнѣе этихъ рыбаковъ и простыхъ крестьянокъ. Конечно, здѣшнюю публику нельзя назвать избранною; въдъ Гельгевиль не Остенде и не Трувиль, но иногда и здѣсь между пріѣзжими попадаютъ выдающіяся личности. Не видѣли-ли вы меня напередъ съ восточною вуалью на шляпѣ? Герцогъ Коннаутскій вывезъ эту новую моду изъ Константинополя. Или, на примѣръ, этотъ великолѣпный бархатный кунтушъ графа Лашевскаго? Въдъ это прелесть что такое! Неужели вы не обратили на него вниманія? Помните-ли вы тотъ, день когда была эта неприятная исторія съ собакою, — когда на тебѣ, Герта, былъ очаровательный парижскій костюмъ, блѣдно-розоваго цвѣта: — обратился Мерманъ къ своей племянницѣ. Я очень хорошо помню, что и вы были тогда съ нами на этихъ узенькихъ мосткахъ, — ну, такъ именно въ этотъ день на мнѣ была шляпа съ восточною вуалью, а на

графъ Лашевскомъ—его бархатный кунтушъ съ золотыми шнурами.

— Постоянно одинъ и тотъ же,—съ насмѣшливою улыбкою прибавила Гертруда.

— Виновать, я не замѣтилъ,—оправдывался Густавъ:—я рисую безъ выбора все, что на глаза попадетъ.

— Посмотри сюда, Герта,—продолжалъ голландецъ, указывая ей на эскизъ, который онъ держалъ въ рукахъ:—не правда-ли, что эта картинка много бы выиграла, если бы, вмѣсто этого грязнаго, оборваннаго рыбака, на ней былъ нарисованъ красивый польскій графъ?

— А вмѣсто сельдей были бы развѣшены на веревкахъ твои парижскіе и лондонскіе модные костюмы. Да, Мерманхень, это было бы поразительно,—возразила вдовушка, не отходя отъ окна, у котораго она стояла.

Очки Густава помѣшали ей рассмотреть выраженіе его глазъ въ эту минуту, но, судя по его улыбкѣ, она догадалась, что ему понравилась ея шутка.

— Что это будетъ стоить?—спросилъ Мерманъ, отобравъ нѣсколько рисунковъ.

— Я ими не торгую,—скромно отвѣчалъ молодой человекъ:—но если вамъ угодно принять ихъ отъ меня въ видѣ подарка, то вы этимъ доставите мнѣ большое удовольствіе.

Голландецъ былъ крайне озадаченъ этимъ отвѣтомъ. Онъ полагалъ, что имѣетъ дѣло съ бѣднымъ, неизвѣстнымъ художникомъ, и вовсе не имѣлъ намѣренія получать отъ него подарки.

— Вѣдь вы живописецъ, если я не ошибаюсь?—проговорилъ онъ нерѣшительнымъ шопотомъ.

— Нѣтъ, я только любитель живописи и рисую для препровожденія времени.

— Это дѣло другое. Тѣмъ не менѣе, я оставляю у себя эти рисунки; но позвольте же и мнѣ подарить вамъ что-нибудь. Я пришлю вамъ полотна съ моей фабрики.

— Очень вамъ благодаренъ, но оно мнѣ не нужно.

— Какъ не нужно? Полотно вещь очень полезная. Ну,

такъ позвольте предложить вамъ скатерть и дюжину сал-
фетокъ?

— У моей старой Марушки очень много столоваго бѣлья.

— Но вы, вѣроятно, не откажетесь отъ двухъ бутылокъ
настоящей шартрезы?

— Къ стыду моему, я долженъ сознаться, что даже не
знаю, о чемъ вы говорите.

— Это превосходный ликеръ.

— Я не пью ничего кромѣ можжевелаваго настоя и уже
заготовилъ его на цѣлый годъ.

— Такъ позвольте мнѣ подарить этотъ ликеръ вашей
Марушкѣ?

— Благодарю васъ отъ ея имени; она уже приготовила
для себя нѣсколько бутылокъ наливки, а другаго она ни-
чего не пьетъ.

— Какая необыкновенная умѣренность и простота
вкусовъ.

Во время предъидущаго разговора Мерманъ продолжалъ
рыться въ портфель мнимаго живописца, какъ вдругъ,
взглянувъ на одинъ изъ рисунковъ, онъ громко вскрикнулъ:

— Это что такое?!

Густавъ Аландъ ожидалъ этого восклицанія, вотъ почему
оно его не удивило: онъ, не безъ намѣренія, положилъ въ
портфель знакомый уже намъ рисунокъ и мысленно приго-
товилъ отвѣтъ на вопросъ голландца.

— Это одно изъ моихъ воспоминаній, рассказъ о кото-
ромъ не можетъ васъ интересовать, — отвѣчалъ онъ, взгля-
нувъ украдкою на Гертруду.

— О, какъ вы ошибаетесь! — возразилъ Мерманъ: — Въ
такую погоду меня интересуешь все, что можетъ сократить
время. Женщина, нарисованная вами на этой картинкѣ,
удивительно похожа на мою.... ну, да, — на тебя, Порта!

Молодая женщина подошла быстрыми шагами и стала
за спиною Густава.

— Держите картинку такъ, чтобы я могла взглянуть на
нее издали, — сказала она юношѣ и, наклонившись надъ его
плечомъ, чуть-чуть не вскрикнула.

Это была картинка, от которой Марушка пришла в ужасъ: русалка въ лабораторіи химика.

— Не правда-ли, что есть нѣкоторое сходство съ тобою? — спросилъ простодушный голландецъ.

— Я съ этимъ не согласна, — спокойнымъ тономъ отвѣчала вдовушка.

Она была права. Это сходство нельзя было назвать нѣкоторымъ: оно было поразительно. Мерманъ, конечно, могъ ошибиться, потому-что никогда не видѣлъ своей племянницы въ этомъ нарядѣ; ему и въ голову не приходило, что это была она сама.

— Начинайте же вашъ рассказъ, — обратился онъ къ мнимому художнику.

— Однажды, во время сильной бури, я занимался въ своей лабораторіи, какъ вдругъ дверь съ шумомъ распахнулась и на порогъ появилась эта женщина, — ровнымъ, звучнымъ голосомъ началъ Густавъ.

— Странно! — проворчалъ Мерманъ, не отводя глазъ отъ картинки: — Откуда же она пришла? Глядя на нее можно подумать, что она выброшена волною изъ моря.

— Можетъ быть. Она мнѣ этого не объяснила и исчезла точно такъ же таинственно, какъ и появилась. Ударъ грома, ослѣпительный блескъ молніи, сильный порывъ вѣтра, — и она мгновенно испарилась....

— Да, это чрезвычайно интересно! — воскликнулъ Мерманъ, любопытство котораго было сильно возбуждено этимъ рассказомъ: — Скажите, вы такъ и не узнали, кто она такая и зачѣмъ она къ вамъ приходила?

— Она объявила мнѣ, что она русалка.

— Ахъ, Господи! — и голландецъ вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ, щеки его поблѣднѣли, какъ полотно.

Онъ старался выдавать себя за скептика, а между тѣмъ очень боялся привидѣній и вообще всего сверхъестественнаго. Онъ уже слышалъ кое-что о гельгевильской русалкѣ, вотъ почему въ эту минуту мурашки забѣгали по спинѣ его, и онъ съ любопытствомъ началъ всматриваться въ лицо рассказчика, пережившаго такіе ужасы.

— А знаете-ли вы, — снова началъ онъ: — что вы отдали себя во власть сатаны, впустивъ русалку въ вашъ домъ?

— Знаю, знаю. Меня уже предостерегали, но я не послушался, и съ тѣхъ поръ это очаровательное видѣніе преслѣдуетъ меня вездѣ: русалка является мнѣ въ различныхъ образахъ, она дразнить, увлекаетъ меня; затѣмъ, на нѣкоторое время, снова пропадаетъ, наполняя сердце мое чувствомъ невыносимой тоски.

Мерманъ весь дрожалъ отъ страха, а Гертруда отошла къ окну, не желая принимать участія въ этомъ разговорѣ.

— Скажите, гдѣ же вы видѣли эту русалку съ тѣхъ поръ?

— Да вездѣ, даже и здѣсь. Мнѣ кажется, напримѣръ, что ваша супруга на нее похожа.

Голландецъ оглянулся на диванъ, гдѣ сидѣла жена его; грубое, похотнее на ноздреватую пемзу лицо ея было такъ отвратительно, что онъ невольно вскричалъ:

— Какое заблужденіе! Да это чистое безуміе!

Онъ забылъ, что рѣчь идетъ о Гертрудѣ.

— Я бы и самъ готовъ былъ принять это за игру моего воображенія, если бы я съ этою русалкою не обмѣнялся...

— Ужъ не кольцами-ли?! — ужаснулся Мерманъ.

— Нѣтъ, только башмаками.

— На вашей картинкѣ она стоитъ босая.

— Башмаки ея промогли насивозъ; ихъ надо было высушить, вотъ почему я предложилъ ей свои туфли. Послѣ того какъ русалка исчезла, моя суевѣрная Марушка бросила въ печку «дьявольскую обувь», — такъ она назвала эти башмачки, — и мнѣ удалось спасти только одинъ изъ нихъ, а другой совсѣмъ сгорѣлъ.

— Неужели ваши туфли были ей впору?

— О, нѣтъ! Ей показались смѣшными мои прекрасныя бархатныя туфли, съ вышитою золотомъ буквою Г., но, тѣмъ не менѣе, она надѣла ихъ на свои ножки.

— Послушай, Герта, я кажется, видѣлъ у тебя точно такія туфли? — обратился голландецъ къ своей племянницѣ, не замѣчая ея возрастающаго волненія.

— Ты не ошибся, — возразила молодая женщина: — Теперь въ большой модѣ вышивать свой вензель на туфляхъ, точно также какъ и на носовыхъ платкахъ.

— Почему же ты ихъ не носишь?

— Потому что онѣ мнѣ не впору.

— Дѣйствительно, онѣ тебѣ слишкомъ широки.

— Напротивъ того, слишкомъ узки, — отвѣчала вдовушка, съ лукавою улыбкою взглянувъ на Густава.

Въ эту минуту разговоръ былъ прерванъ самымъ неожиданнымъ образомъ.

— Какъ вы мнѣ надоѣли! — сквозь зубы процѣдила фрау Кетте и высунула на показъ свою огромную ногу, въ красной бархатной туфлѣ съ буквою Г.

— Откуда ты ихъ взяла? — въ недоумѣніи спросилъ Мерманъ, но сѣрая скала не удостоила его отвѣтомъ, а только устремила на него свой бессмысленный взглядъ.

— Что же это такое? — продолжалъ онъ: — Развѣ такія туфли въ модѣ?

И на этотъ вопросъ онъ не получилъ отвѣта. Гертруда и Густавъ въ недоумѣніи смотрѣли на туфли, а фрау Мерманъ не любила даромъ тратить слова.

— Можетъ-ли это быть, чтобы ты обмѣнялась башмаками съ этимъ господиномъ? — настаивалъ разгорячившійся супругъ.

— Пустяки! — промычала масса.

— Какимъ же образомъ очутились онѣ на твоихъ ногахъ, ангель мой?

— Взяла и надѣла, — какъ топоромъ отрубилла неуклюжая глыба и снова принялась читать свою газету.

Въ переводѣ эти слова означали, что фрау Кетте увидѣла эти туфли въ комнатѣ Гертруды и взяла ихъ себѣ, потому что онѣ ей понравились.

— Что можетъ быть общаго между Гертою и этою русалкою? Кому же, наконецъ, принадлежать эти туфли?

— Мнѣ, — скромно отвѣтилъ Густавъ Аландъ.

До этой минуты Гертруда Ольшевская колебалась, съ

трудоу сдерживая свое негодование, но глупые разспросы дяди вывели ее изъ терпѣнія.

— Перестаньте разыгрывать комедію! — сказала она, обращаясь къ юношѣ:— Вы меня узнали. Стоя подѣ вашимъ окномъ, во время грозы, я подслушала разговоръ вашъ съ Марушкою и поспѣшила явиться къ вамъ, подѣ именемъ русалки. Признаюсь вамъ, что мнѣ давно уже хотѣлось познакомиться съ владѣльцемъ уединеннаго домика у Чертовой скалы. Съ этою цѣлью пріѣхала я въ Гельгевиль и такъ долго разыгрывала передѣ вами роль сирены. Не думайте однако же, чтобы я дѣлала это изъ кокетства, желая завлечь васъ,— о, нѣтъ! Я хотѣла отомстить вамъ за нанесенное мнѣ оскорбленіе! Я возбудила ваше воображеніе, взволновала ваши чувства и мысли, чтобы доказать вамъ, что вы имѣли обо мнѣ самое превратное понятіе. Узнайте же, что я не бѣдная работница, не сестра милосердія, не жена Мермана, я только его племянница, — Гертруда Ольшевская, вдова вашего дяди, на которой вы изъявили желаніе жениться, беря ее только въ придачу къ огромному наслѣдству покойника.

Эти послѣднія слова кольнули Густава прямо въ сердце: онъ откинулся на спинку стула, снялъ очки и закрылъ глаза рукою.

Мингеръ Мерманъ окаменѣлъ отъ изумленія и стоялъ разинувъ ротъ, съ поднятыми кверху руками; онъ буквально ошѣмѣлъ отъ ужаса.

— Взгляни на этого человѣка, дядя, — обратилась къ нему вдовушка:— Это Густавъ Аландъ, племянникъ моего мужа, вздумавшій распорядиться моею личностію, какъ какою-нибудь продажною вещью!

Густавъ всталъ со стула. Природная застѣнчивость его исчезла безслѣдно. Казалось, что въ эти послѣднія минуты онъ нравственно созрѣлъ: въ немъ внезапно обнаружилась необыкновенная находчивость.

— Сударыня,—сказалъ онъ, съ чувствомъ собственнаго достоинства: — позвольте мнѣ переговорить съ вами нѣсколько словъ наединѣ?

Гертруда колебалась: она такъ нуждалась въ посторонней поддержкѣ, а милые родственники не были въ состояніи защитить ее. Сама она затѣяла эту интригу, сама должна была выпутываться, какъ умѣла.

— Идите за мною,—проговорила она, не взглянувъ на своего собесѣдника, и пошла впередъ по длинному корридору; комнаты ея выходили окнами въ кургартень.

Наши читатели могли замѣтить, что Гертруда была женщина неопытная. За мужъ вышла она почти ребенкомъ и совершенно беззаботно прожила единственный годъ своего супружества. Послѣ смерти Ольшевскаго, свобода и самостоятельность не ослѣпили ее, какъ бы это могло случиться съ другою женщиною на ея мѣстѣ. Понятно, что ее, какъ ребенка, тѣшила независимость и полная свобода дѣйствій, что она не принуждена была обращаться за совѣтами и позволеніями къ дяденькѣ и тетенькѣ; но она не утратила при этомъ ни прирожденной робости, ни дѣвической застѣнчивости. Продлись затѣянная ею интрига съ Густавомъ еще нѣсколько дней, она бы не выдержала характера и непременно спасовала. Послѣ этого не покажется удивительнымъ, что она, идя по корридору съ гордо поднятою головою, въ душѣ трусила и не знала, что будетъ отвѣчать.

Комната ея ничѣмъ не отличалась отъ обыкновенныхъ комнатъ въ гостинницахъ, но тѣмъ не менѣе замѣтно было, что въ ней живетъ молодая женщина. Цвѣты на окнахъ, дорогія бездѣлушки, начатая работа и раскрытый бюваръ, съ неоконченнымъ письмомъ на столѣ,—все изобличало присутствіе молодаго созданія. Но Густавъ не обратилъ на это вниманія: онъ пришелъ сюда въ качествѣ кающагося грѣшника, искренно желающаго искупить свою вину.

«Что-то онъ мнѣ скажетъ?» — съ замираніемъ сердца думала Гертруда и готова была даже помириться съ своимъ врагомъ, но тѣмъ не менѣе, войдя въ комнату, устремила на него вопрошающій взглядъ и не попросила его сѣсть.

Густавъ Аландъ затворилъ за собою дверь. Всѣ мысли его были сосредоточены на желаніи оправдать себя въ глазахъ этой женщины, и онъ прямо приступилъ къ дѣлу.

— Я вполне сознаю вину мою передъ вами,—началъ онъ:—но повѣрьте, что я не имѣлъ намѣренія оскорбить васъ и, въ доказательство этого, я готовъ сейчасъ же возобновить мое предложеніе, не смотря на все то, что случилось въ это время.

Это неожиданное вступленіе поразила Гертруду: по ея мнѣнію, оно было новымъ оскорбленіемъ. Въмѣсто того, чтобы умолять ее о прощеніи его вины, этотъ простофія стоялъ передъ нею, точно приказчикъ изъ магазина, со счетомъ въ рукахъ, требуя немедленной уплаты.

— Чего же вы отъ меня требуете?—спросила она, плохо скрывая свое негодованіе.

— Вашего согласія на бракъ со мною. Вы обворожили меня. Я люблю васъ всѣмъ сердцемъ! Рѣшите же мою участь.

Синіе глаза юности блестѣли, голосъ его дрожалъ отъ волненія, но Гертруда не обратила на это вниманія и возразила рѣзкимъ, холоднымъ тономъ:

— И вы воображали, что эта комедія окончится нашею свадьбою?

— Вы угадали. Иначе, зачѣмъ же бы вы разыгрывали ее такъ долго?

— Какая наивность!—подумала вдовушка:—Нѣтъ это не наивность, а непростительная наглость!—и прибавила вслухъ:—Зачѣмъ? Слушайте же, я вамъ объясню это нѣсколькими словами: я желала вамъ отомстить, мнѣ это удалось, и я этимъ совершенно довольна.

— Эта жажда мести не могла быть побудительною причиною вашихъ поступковъ. Вы заблуждаетесь,—съ жаромъ воскликнулъ молодой человѣкъ:—Можетъ быть вы считаете меня еще недостойнымъ столь высокой награды и желаете испытать мое терпѣніе...

— О, я уже убѣдилась въ томъ, что вы чрезвычайно терпѣливы:—съ ѣдкою ироніею перебило его Гертруда.

— Назначьте какой вамъ угодно срокъ для моего испытанія и я безпрекословно покорюсь вашей волѣ. Я человѣкъ простой, неопытный, не привыкшій имѣть дѣло съ женщинами, но вашъ характеръ я разгадаю окончательно:

вы обладаете добрымъ, благороднымъ сердцемъ и въ высшей степени здравымъ умомъ,—вы не способны сознательно сдѣлать зло...

— Какъ вы ошибаетесь! — перебила его вдовушка:— Я вовсе не такой ангелъ, какими вы меня создали въ вашемъ пылкомъ воображеніи; я зла, мстительна и... я ненавижу васъ!—прибавила она, почти задыхаясь отъ внутренняго волненія.

Густавъ не возразилъ ни слова, но взглянулъ на нее съ чувствомъ такого глубокаго состраданія, такой искренней увѣренности въ перемѣнѣ ея образа мыслей и неподдѣльной покорности судьбѣ, что это ее окончательно вывело изъ терпѣнія.

— Я рѣшуся вторично выйти замужъ только за человѣка, котораго я полюблю,— за человѣка, внушающаго мнѣ чувство уваженія, даже нѣкотораго рода боязни,— за человѣка умнаго, развитаго. но ни въ какомъ случаѣ за такого кроткаго, скромнаго, подобострастнаго, какъ вы. Однимъ словомъ, я предпочла бы вамъ здѣшняго морскаго разбойника, чернаго Косрада. Ваша безцвѣтная личность не внушаетъ мнѣ и чувства состраданія,—прибавила она съ презрительною гримасою.

— Очень вамъ за это благодаренъ. Я не нуждаюсь въ вашемъ состраданіи, — тономъ оскорбленнаго самолюбія возразилъ юноша:— Но позвольте мнѣ сказать вамъ нѣсколько словъ: я не вѣрю, что вы такая пустая, бездушная кокетка, какою выставляете себя въ глазахъ моихъ, и желаю разстаться съ вами подъ вліяніемъ болѣе пріятныхъ воспоминаній.

— Знайте, что мы расстаемся на вѣки!

— Какъ вамъ угодно,—съ холодною вѣжливостью возразилъ Густавъ и, поклонившись, вышелъ изъ комнаты.

Его крѣпкій голосъ все еще звучалъ въ ушахъ Герты, напрасно старалась она увѣрить себя, что презираетъ этого человѣка. По уходѣ его ею овладѣла такая невыносимая тоска, что она бросилась на свою постель и залилась горь-

ними слезами, — слезами капризнаго ребенка, добровольно отказавшагося отъ лакомаго блюда.

— Чѣмъ окончился твой разговоръ съ племянникомъ твоего мужа?—спросилъ у нея вечеромъ Мерманъ.

— Ничѣмъ!—былъ сухой короткій отвѣтъ.

— Не пора-ли намъ отсюда уѣхать?

— Тетя Кетте значительно похудѣла здѣсь; докторъ ея предсказываетъ блистательные результаты вслѣдствіе леченія сывороткою и совѣтуетъ его продолжать. Что до меня касается, то я готова сейчасъ же уѣхать отсюда,—равнодушнымъ тономъ прибавила вдовушка.

— Что ты объ этомъ думаешь, мой ангелъ?—обратился голландецъ къ своей супругѣ.

— Мнѣ все равно,—проворчала фрау Мерманъ, глотая огромные куски ростбифа.

Семейство голландца осталось въ Гельгевилѣ. Гертрудою внезапно овладѣла страсть къ морю: она наняла большую лодку, съ двумя сильными гребцами и дѣлала продолжительныя прогулки, лежа на скамейкѣ и беспрепятственно предаваясь своимъ мечтамъ. Мерманъ, а вслѣдъ за нимъ и всѣ посторонніе, называли ее не иначе, какъ русалкою, хотя никто изъ посѣтителей не зналъ ея походовъ съ Густавомъ. Всѣ обыватели Гельгевилы, даже рыбаки и ребяташки, называли голландца Мерманхенъ, Гетруду русалкою, а тетю Кетте тюленемъ.

XI.

Купальный сезонъ въ Гельгевилѣ приходилъ уже къ концу, хотя въ этомъ году онъ былъ несравненно продолжительнѣе прочихъ. Погода стояла превосходная. Посѣтители, обыкновенно уѣзжавшіе въ началѣ сентября, охотно остались до конца мѣсяца, продолжая слушать ежедневныя концерты, веселиться, пить, ѣсть и влюбляться, не-

подозрѣвая, что судьба, внезапно и вопреки ихъ желанію, прекратитъ всё эти удовольствія.

Береговой сторожь, старикъ Тобъ, былъ одаренъ удивительною способностью заранѣе предугадывать перемѣну погоды, руководствуясь какими-то, ему одному извѣстными, признаками. Въ одинъ прекрасный, теплый день, когда поверхность моря была гладка какъ зеркало, а въ кургартенѣ раздавались веселые звуки музыки, пошелъ онъ на берегъ моря, для своихъ наблюденій. Дойдя до Чертовой скалы, онъ прислонился спиною къ ветхому забору, окружавшему домикъ Густава Аланда, и закурилъ свою коротенькую трубочку.

Въ эту самую минуту молодой домовладѣлецъ вышелъ подышать чистымъ воздухомъ и, увидя старика, привѣтливо поклонился ему.

— Не отходите сегодня далеко отъ дома, баринъ, — сказалъ ему сторожь: — собирается буря; рыбаки ставятъ свои лодки въ безопасное мѣсто. Видите-ли вы это крошечное облачко, такъ быстро летящее съ запада на востокъ, — это вѣрный признакъ бури; не даромъ прозвали его у насъ бурною пташкою.

— Вы такъ думаете, дѣдушка Тобъ?

— Разумѣется! Вотъ тамъ, вдали, море начинаетъ уже бушевать. Слышите-ли вы этотъ гулъ? Эти золотистыя облака не предвѣщаютъ ничего хорошаго. Разразится буря такая, что завтра ни одного листочка на деревьяхъ не останется. И начнутъ наши гости убираться во-свои, по добру по здорову, — кивнулъ онъ головою, по направленію къ кургаузу: — Мигомъ ихъ всёхъ какъ метлою вымететъ. Этимъ у насъ всегда лѣто кончается. Я уже къ этому привыкъ: изъ году въ годъ одно и то же.

Густавъ застегнулъ свой сюртукъ на всё пуговицы и сказалъ, пристально взглянувъ на море:

— Вы ошибаетесь, дѣдушка Тобъ, бури сегодня не будетъ, а къ утру поднимется сѣверный вѣтеръ, который точно также положитъ конецъ здѣшнимъ увеселеніямъ.

Старикъ недовѣрчиво покачалъ головою.

— Ну это Богъ знаетъ,—возразилъ онъ:—а по моимъ примѣтамъ не должно бы этому быть.

— Сегодня утромъ я навелъ на солнце телескопъ съ закопченнымъ стекломъ и увидѣлъ легкія облачка, быстро бѣгущія съ сѣвера на югъ, которыя то показывались на горизонтѣ, то исчезали за тучами.

— Если это правда,—замѣтилъ старикъ, потирая рукою свой щетинистый подбородокъ:—то бури должна быть еще сильнѣе. Ну, Богъ дастъ, доживемъ, такъ увидимъ. Послушайте, баринъ, меня, человѣка опытнаго, не отходите сегодня далеко отъ дома; пальто и зонтикъ будутъ для васъ плохую защитою.

— Вотъ почему я ихъ оставилъ дома, дѣдушка Тобъ. Буря для меня не диковина, — видалъ я ихъ не мало на своемъ вѣку!

Сторожъ искоса взглянулъ на платье своего собесѣдника, на которомъ былъ надѣтъ долгополый сюртукъ стариннаго покроя.

— Такъ это на васъ сюртукъ, а не пальто, и въ рукахъ палка, вмѣсто зонтика,—въ раздумьи покачивая головою, проговорилъ старикъ:—Ну батюшка, васъ продуетъ насквозь.

— Что за бѣда, дѣдушка Тобъ? Моціонъ мнѣ очень полезенъ, я не боюсь ни дождя, ни вѣтра, и очень люблю гулять въ ненастную погоду.

— Понятно, вы человѣкъ молодой и здоровый, это для васъ ни по чемъ... Слышите?—вдругъ спросилъ сторожъ, прикладывая руку къ уху:—Мнѣ показалось, что море уже зашумѣло.

Онъ прищурилъ глаза и сталъ вглядываться въ даль, какъ бы ища что-то; затѣмъ надвинулъ на лобъ свою фуражку, почесалъ затылокъ и сказалъ:

— Ничего не видно. Сѣрый Осель еще не вернулся; не сдобровать ему въ такую бурю!

— Вы говорите о маленькомъ почтовомъ пароходѣ, не

правда-ли? Я видѣлъ, какъ онъ пошелъ въ море сегодня утромъ.

— Нѣтъ, баринъ; Сѣрый Осель употребляется теперь для прогулокъ по морю. Веселое общество отправилось сегодня въ Вестербригъ; запирають они тамъ и забудуть, что надо во время вернуться домой. Ужъ лучше бы они остались тамъ ночевать. Капитанъ парохода малый хороший, но легкомысленный, готовый за пару червонцевъ пожертвовать жизнию.

— Если будетъ предстоять опасность, то пассажиры упроятъ его переночевать на берегу.

— Едва-ли, — тѣмъ болѣе, что съ ними поѣхала эта сорви-голова, русалка, какъ ее здѣсь прозвали. Эта бѣдовая барыня хоть кого съ толку собьетъ!

Слова сторожа сильно заинтересовали Густава. Онъ давно уже не видѣлъ Гертруды и надѣялся забыть ее; но образъ молодой женщины запечатлѣлся въ его сердцѣ, — онъ постоянно думалъ о ней. Разспрашивая сторожа, онъ узналъ, что очаровательная вдовушка ежедневно катается по морю, въ парусной лодкѣ, и почти всегда одна.

— Они голландцы, — продолжалъ словоохотливый старикъ: — Семейство ихъ состоитъ изъ трехъ человекъ: отца, матери и дочери. Фамиліи ихъ никто здѣсь не знаетъ. Молодую барышню прозвали русалкою, вѣроятно потому, что она такъ любитъ море; папеньку ея, похожаго на свѣжую селедку, зовутъ Мерманхенъ; а маменькѣ ея, толстой неповоротливой барынь, которая день-деньской только жуетъ, дали кличку тюленя. Сначала эта толстуха все сидѣла дома, а теперь постоянно катается, вмѣстѣ съ другими, то въ коляскѣ, то на пароходѣ. Въ ней должно быть, по крайней мѣрѣ, три центнера вѣсу, какъ полагаетъ мой постоялецъ, польскій графъ, красавецъ мужчина. Онъ сегодня также отправился на гулянье; я видѣлъ, какъ онъ сѣлся на пароходъ.

— До свиданія, дѣдушка Тобъ, — сказалъ Густавъ и быстрыми шагами пошелъ по направленію къ пароходной пристани.

Имъ овладѣла сильная душевная тревога; сердце его болѣзненно сжималось. Онъ предчувствовалъ какую-то бѣду, но, въ чемъ она состояла, онъ и самъ не могъ дать себѣ отчета.

Парохода еще не было видно. По небу скользили длинными нитями легкія, прозрачныя облака, тѣ самыя, которыя Густавъ видѣлъ утромъ, съ помощью телескопа. На сѣверо-востокѣ, грозная туча черною полосою отражалась въ морѣ. Вдали уже слышался гулъ волнъ, но въ воздухѣ не было замѣтно ни малѣйшаго движенія.

Это затишье передъ бурей привело Густава въ ужасъ. Онъ тяжело дышалъ и боязливо озирался вокругъ; тревожныя мысли бродили въ умѣ его. Вдругъ сильный порывъ вѣтра разорвалъ на-двое грозную тучу и клочками раскидалъ ее по всему небу. На темно-сѣрой поверхности моря горами поднялись волны и, съ шумомъ разбиваясь одна о другую, покрыли все пространство бѣлою пѣною. Вѣтеръ ревѣлъ, какъ разъяренный хищный звѣрь, бросающійся на свою добычу; кое-гдѣ блистала молнія, изрѣдка извѣщая эту мрачную, но величественную картину борьбы двухъ стихій.

Наступала ночь. Тутъ только вспомнилъ нашъ мечтатель, что онъ находится на разстояніи часа ходьбы отъ Гельгевиля и рѣшилъ возвратиться домой, такъ-какъ парохода все еще не было видно. Огибая огромную, далеко выдающуюся въ море скалу, Густавъ Аландъ замѣтилъ, что на ней попеременно вспыхиваютъ то красные, то зеленые огоньки, точь въ точь такіе, какъ въ его химической лабораторіи. Это привлекло его вниманіе: онъ остановился на минуту и, взглянувъ вдаль, увидѣлъ, между бушующими волнами, постепенно приближающуюся черную точку. Вскорѣ онъ убѣдился, что это былъ пароходъ «Сѣрой Осель», съ быстротою стрѣлы стремившійся по направленію къ самому опасному мѣсту вблизи берега, извѣстному подъ названіемъ «собачьяго камня».

Вдругъ въ умѣ Густава промелькнула мысль, что съ берега былъ поданъ фальшивый сигналъ, вслѣдствіе кото-

раго пароходъ неминуемо разобьется о скалу и всѣ пассажиры его погибнуть.

Не думая объ угрожающей ему самому опасности, юноша, цѣпляясь руками и ногами, съ трудомъ вкарабкался на скалу. Платье на немъ изорвалось въ клочки, руки были до крови исцарапаны. Въ нѣсколькихъ шагахъ разстоянія, онъ увидѣлъ человѣка, зажигающаго разноцвѣтные огоньки, и закричалъ ему, чтобы онъ сейчасъ же погасилъ ихъ. Незнакомецъ мгновенно скрылся за кустарникомъ. Огоньки угасли, но въ ту же минуту Густавъ почувствовалъ, что кто-то схватилъ его руками.

Нашъ молодой химикъ не струсиль. Онъ былъ одаренъ неимовѣрною, судя по его наружности, физической силою, такъ-что стряхнуть съ себя напавшаго на него злодѣя, повалить его на землю и сдавить колѣномъ грудь его, было для Густава дѣломъ одной секунды.

— Петръ! Петръ! — неистовымъ голосомъ завопилъ несчастный.

Въ эту самую минуту въ скалѣ образовалось отверстіе, изъ котораго высунулась человѣческая голова и, вслѣдъ затѣмъ, рука, вооруженная револьверомъ. Раздался выстрѣлъ, но по счастью не попалъ въ Густава, и онъ успѣлъ такъ сильно сжать руку своего врага, что кости его затрещали. Пистолетъ выпалъ изъ руки его, онъ заревѣлъ, какъ раненый дикій звѣрь, и мгновенно провалился въ отверстіе.

Густавъ Аландъ поднялъ револьверъ и прислонился спиною къ дереву, ожидая новаго, внезапнаго нападенія. У ногъ его, едва дыша, лежалъ придушенный имъ разбойникъ; это былъ молодой человѣкъ, съ звѣрскимъ, искаженнымъ злобою лицомъ. Вся эта драма продолжалась не болѣе нѣсколькихъ минутъ.

— Ваши фальшивые сигналы подвергаютъ пароходъ опасности, — началъ Густавъ: — вы морскіе разбойники, но, если вы подадите немедленную помощь погибающимъ, я не сдѣлаю вамъ никакого вреда, я не выдамъ васъ правительству, я награжу васъ! Вотъ вамъ мой кошелекъ. Въ немъ теперь денегъ не много, но я дамъ вамъ въ тысячу разъ

болѣе, если вы поможете мнѣ спасти несчастныхъ пассажировъ парохода.

Лежащій на землѣ злодѣй съ трудомъ поднялся на ноги; онъ шатался изъ стороны въ сторону, какъ пьяный.

— Нашего атамана здѣсь нѣтъ,—сказалъ онъ:—Петръ увѣряетъ, что пароходъ дойдетъ благополучно до берега, если не наткнется на «собачій камень».

— У васъ здѣсь есть лодка,—на угадъ возразилъ Густавъ.

— Нѣтъ...

— Она спрятана за скалою?

Разбойникъ не отвѣчалъ ни слова.

— Дайте мнѣ ее и поѣдемте вмѣстѣ спасать погибающихъ.

Молодой человѣкъ нагнулся надъ отверстіемъ и закричалъ:

— Петръ, иди сюда! Мы можемъ заработать хорошія деньги.

— Чертъ тебя побери, вмѣстѣ съ деньгами! — раздался снизу сердитый голосъ: — Проклятый малый переломалъ мнѣ всѣ кости въ рукѣ, я не могу пошевелиться.

Густавъ наклонился въ свою очередь надъ отверстіемъ и увидѣлъ нѣчто въ родѣ пещеры, слабо освѣщенной фонаремъ и прикрытой сверху вѣтвями кустарника, которыя въ эту минуту были отогнуты въ сторону; у стѣны стояла ручная лѣстница.

— Послушайте,—сказалъ онъ: — если вы согласитесь помочь мнѣ, я награжу васъ такъ щедро, что вы бросите этотъ постыдный промыселъ и сдѣлаетесь порядочными людьми.

Изъ отверстія снова высунулась голова и разбойники начали разговаривать въ полголоса.

— Намъ нельзя терять времени,—настаивалъ Густавъ.

— Мой товарищъ поѣдетъ съ вами, а я не могу, у меня рука вся исковеркана,—угрюмо возразилъ разбойникъ.

— Позвольте, я помогу вамъ подняться изъ ямы?

Злодѣи снова принялись шептаться.

— Ну, хорошо,—сказалъ раненный: — тащите меня отсюда.

Густавъ готовъ уже былъ протянуть руки, какъ вдругъ замѣтилъ, что молодой разбойникъ отрицательно покачалъ головою и приложилъ палецъ ко рту. Тогда онъ отступилъ шагъ назадъ и проговорилъ съ невозмутимымъ хладнокровіемъ:

— Если вы меня обманете, то повредите сами себѣ. Вамъ меня не одолѣть: я силенъ, и у меня есть пистолеть. Если бы вамъ и удалось это сдѣлать, то нажива ваша будетъ не завидна: кошелекъ мой уже въ вашихъ рукахъ; остаются серебряные часы, съ стальною цѣпочкою, да изодранный сюртукъ. Кромѣ того, гельгевильская полиція знаетъ, куда я пошелъ, и безъ труда найдетъ вашъ притонъ. Съ другой стороны, если вы окажете мнѣ услугу, то завтра же получите отъ меня, на этомъ самомъ мѣстѣ, три тысячи гульденовъ и клятвенное обѣщаніе не выдать васъ... Но, совѣтую вамъ поторопиться,—ждать долѣе я не намѣренъ.

Выслушавъ эту назидательную рѣчь, разбойникъ, съ помощью своего товарища, выскочилъ изъ ямы. Это былъ сильный мужичка, высокаго роста, съ чрезвычайно дерзкимъ, неприятнымъ выраженіемъ лица; правая рука его висѣла, какъ мертвая.

— Идите за мною,—сказалъ онъ и началъ спускаться со скалы довольно удобною, имъ самимъ проложенною, тропинкою.

Вѣтеръ вылъ по прежнему, огромныя волны съ шумомъ ударялись о берегъ, молнія сверкала почти непрерывно. Густавъ съ ужасомъ увидѣлъ, что пароходъ находится уже въ очень недалекомъ разстояніи отъ пристани и, съ быстротою вихря, стремится по направленію къ подводному камню.

Капитанъ парохода не увлекся фальшивыми сигналами и, вполне сознавая опасность положенія, приказалъ немедленно бросить якорь. Это былъ опасный маневръ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и единственное средство для спасенія пассажировъ.

«Ну что, если цѣпь не выдержитъ этого штурма и порвется? — думалъ несчастный капитанъ:— Пароходъ разобьется въ дребезги, и всѣ мы пойдемъ ко дну!»!

Вскорѣ случилось именно то, чего онъ опасался. Пароходъ сорвался съ якоря: огромныя волны бросали его, какъ щепку, изъ стороны въ сторону. Вдругъ послышался страшный трескъ... онъ ударился о камень и... Ужасная минута!

Между тѣмъ разбойники отвязали свою лодку и поспѣшно дѣлали всѣ необходимыя приготовленія къ отплытію. Густавъ помогалъ имъ, съ расторопностью челоуѣка опытнаго въ этомъ дѣлѣ; ему пригодились въ эту минуту познанія пріобрѣтенныя имъ въ Норвегіи. Онъ снялъ съ себя сюртукъ. Шляпа его давно уже сорвана была вѣтромъ; но онъ ощупью нашелъ на днѣ лодки кожаную шапочку, съ придѣланною къ ней маскою, и надѣлъ ее на голову.

— Гертруда не узнаетъ меня подъ этою маскою, — думалъ онъ:— тѣмъ лучше; вѣдь я далъ ей слово не встрѣчаться съ нею и долженъ сдержать его.

Раненый разбойникъ оказался плохимъ помощникомъ; онъ стоналъ, посылалъ всѣхъ къ черту и ушелъ обратно въ пещеру, какъ только его товарищъ и Густавъ взяли за весла.

Между скалою и пароходомъ было не болѣе ста метровъ разстоянія, но лодка съ трудомъ подвигалась впередъ; ее безпрестанно откидывало волною въ сторону. При блескѣ молніи Густавъ могъ только различить фигуру капитана, у руля, да нѣсколько въ кучку сбившихся пассажировъ возлѣ трубы. Замѣтивъ приближеніе лодки, они начали махать платками и громко звать на помощь.

Вдругъ сильный напоръ волны приподнялъ пароходъ и снова ударилъ его о камень. Это былъ послѣдній, предсмертный прыжекъ злополучнаго «Сѣрага Осла». Не смотря на оглушающій шумъ и трескъ, Густавъ услышалъ звукъ знакомаго голоса, отъ котораго вся кровь застыла въ его жилахъ. Пассажиры потеряли послѣднюю надежду на спасеніе; но капитанъ еще не утратилъ присутствія духа: онъ

стоялъ съ канатомъ въ рукахъ, намѣреваясь перебросить его въ лодку, какъ только она приблизится.

Пароходъ не могъ мгновенно потонуть, потому-что камень глубоко вѣзлся въ дно его, но онъ буквально распался на части.

Еще одно, почти сверхъ-естественное усиліе, — и гребцамъ удалось схватить конецъ каната. Какъ только установилось сообщеніе между погибающимъ пароходомъ и лодкою, первыми бросились въ нее Мерманъ и Лашевскій.

— Спасите меня, — я не умѣю плавать! — кричалъ польскій графъ.

— Тысячу червонцевъ тому, кто спасетъ меня! — въ смертельномъ страхѣ пищалъ голландецъ, простирая руки къ небу.

— Спасайте женщинъ! — скомандовалъ капитанъ.

Но женщины не воспользовались своимъ преимуществомъ. Фрау Кетте и въ эту ужасную минуту не измѣнила своему характеру: до костей промокшая, лежала она на палубѣ и думала:

«Не все-ли равно? Надо же когда-нибудь умереть».

Гертруда Ольшевская ни на минуту не потеряла присутствія духа: сознавая опасность, она сбросила съ себя ватерпруфъ и приподняла юбки, намѣреваясь переплыть небольшое пространство, отдѣляющее ее отъ берега. Она не боялась воды и твердо надѣялась на свою ловкость и умѣніе плавать.

Между тѣмъ Густавъ успѣлъ уже вскочить на палубу; при появленіи замаскированного незнакомца, капитанъ оцѣпенѣлъ отъ ужаса, въ полной увѣренности, что это черный Конрадъ, на безкорыстную помощь котораго трудно было надѣяться. Мерманъ и Лашевскій его не замѣтили; они давно уже сидѣли въ лодкѣ.

— Пойдемте! — воскликнулъ Густавъ, подбѣгая къ Гертрудѣ.

Она смѣло взглянула на него и тотчасъ-же узнала его по глазамъ и открытой нижней части лица.

— Спасайте другихъ, а я умѣю плавать, — отвѣчала она.

— Это вамъ не поможетъ, — не теряйте времени, — настаивалъ мнимый разбойникъ.

— Въ лодкѣ сидятъ уже двое; больше она помѣститъ не можетъ, — замѣтилъ капитанъ.

— Отправьте эту даму, — повелительнымъ тономъ сказала ему молодая женщина, указывая на Фрау Кетте.

— Это невозможно, — такая тяжесть навѣрно опрокинетъ лодку.

— Эй, кто-нибудь съ парохода ступай въ лодку и принимайся за весла! Живѣе! — скомандовалъ Густавъ и прибавилъ: — Я остаюсь здѣсь.

Кочегаръ успѣшилъ исполнить это приказаніе. Онъ и одинъ матросъ составляли весь наличный персоналъ паролходной прислуги.

— Возвращайтесь назадъ, какъ можно скорѣе! — закричалъ юноша вслѣдъ удаляющейся лодкѣ.

Двѣ огромныя волны, одна за другою, набѣжали на паролходъ и ударились въ него съ такою силою, что онъ весь задрожалъ. Съ громкимъ крикомъ ужаса бросился матросъ къ капитану и охватилъ его руками... Еще одно мгновеніе, и та часть парохода, гдѣ они стояли, провалилась въ воду... но они вскорѣ вынырнули и снова вскочили на палубу.

Отъ этого неожиданнаго толчка длинныя, совершенно мокрыя волосы Гертруды обвилились о трубу, у которой она стояла, такъ-что она не могла сдѣлать никакого движенія головою. На прелестномъ, выразительномъ лицѣ ея не замѣтно было и тѣни боязни: въ эту страшную минуту, молодая женщина казалась олицетвореніемъ мужества и энергіи.

— Мы, вѣроятно, потонемъ до возвращенія лодки? — совершенно хладнокровно спросила она у замаскированнаго незнакомца, взявъ его подъ руку.

— Не бойтесь, мы продержимся еще нѣсколько минутъ!

— Я опасаясь не за себя, — нетерпѣливо возразила Гертруда: — Я уже сказала вамъ, что умѣю плавать; но эта несчастная женщина, какъ камень пойдетъ ко дну, — прибавила она, указывая глазами на Фрау Кетте, неподвижно

лежащую на палубѣ и по прежнему совершенно безучастно смотрѣвшую на крушеніе парохода.

Молодая женщина подняла правую руку и начала приводить въ порядокъ свои волосы; Густавъ помогалъ ей при этомъ съ точно такою же осторожностью, какъ нѣсколько недѣль тому назадъ въ своей лабораторіи. Робость и угловатость движеній выдали бы его въ настоящую минуту, если бы Гертруда не узнала его прежде; но она была убѣждена, что не Густавъ Аландъ скрывается подъ маскою чернаго Конрада, а что морской разбойникъ влюбился въ нее и назвался племянникомъ ея мужа, для того, чтобы имѣть возможность съ нею познакомиться.

— Эта дама лежитъ безъ чувствъ, -- замѣтилъ Густавъ послѣ минутнаго молчанія.

— Жива-ли ты, тетя Кетте?—обратилась къ ней вдовушка:—Да отвѣчай же мнѣ!

— Пустяки!—раздался голосъ изъ-подъ плаща.

— Гдѣ же капитанъ и матросъ? — спросила Гертруда.

— Они благополучно вынырнули изъ воды; вотъ они стоятъ сзади насъ.

— Ихъ обоихъ надо отправить на берегъ прежде насъ. Мы подождемъ, тетя Кетте, придетъ и наша очередь.

— Мнѣ все равно,—былъ лаконическій отвѣтъ философа въ юбкѣ.

Лодка уже приблизилась. Послѣ нѣсколькихъ вѣжливыхъ возраженій, капитанъ согласился уѣхать съ матросомъ прежде дамъ. Оба они едва стояли на ногахъ; съ нихъ буквально ручьями лилась вода. Когда лодка возвратилась въ третій разъ, Густавъ и Гертруда принялись общими силами поднимать фрау Мерманъ; дѣло оказалось не легкимъ. Наконецъ, тяжелая масса встала на ноги и начала отдуваться, какъ тюлень.

— Тетя Кетте, — шепнула ей на ухо молодая женщина:—вѣдь это морской разбойникъ, черный Конрадъ! Онъ спасаетъ насъ для того, чтобы ограбить и убить.

— Или взять въ плѣнъ.

— Боже избави! Ужъ лучше погибнуть въ волнахъ!

— Дѣло вкуса, — совершенно равнодушнымъ тономъ возразила тетья.

— Везите на берегъ эту несчастную, а я пока останусь здѣсь, — снова обратилась вдовушка къ Густаву.

Юноща пожалъ плечами и улыбнулся. Эта снисходительная улыбка напоминала гувернера, выслушивающаго глупое возраженіе своего питомца. Не говоря ни слова, онъ придвинулъ фрау Мерманъ къ борту, обвязалъ ее канатомъ и спустил въ лодку, какъ тюкъ съ товаромъ. Подъ этою тяжестью яликъ дрогнулъ и чуть-чуть не опрокинулся.

— Неужели вы думаете, что я оставлю васъ на пароходѣ? — обратился молодой человѣкъ къ своей непокорной собесѣдницѣ.

— Въ лодкѣ нѣтъ мѣста для троихъ, вотъ почему я останусь здѣсь.

— Скорѣе, скорѣе! — кричалъ снизу кочегаръ.

— Я не хочу ѣхать! — воскликнула Гертруда, еще крѣпче прежняго охвативъ рукою парашодную трубу.

— Ну, такъ я спасу васъ, во что бы то ни стало!

И не давъ ей времени опомниться, онъ приподнялъ ее какъ маленькаго ребенка. Руки молодой женщины безсознательно обвились вокругъ его шеи. Онъ схватился за канатъ, и, секунду спустя, опустил свою драгоценную ношу на дно лодки.

— Отчаливай! — скомандовалъ онъ гребцамъ и, поймавъ рукою конецъ каната, однимъ прыжкомъ очутился снова на палубѣ.

Гертруда въ отчаяніи простирала къ нему руки; но лодка уже повернулась и плыла обратно къ берегу.

XII.

Влополучный Мерманъ метался, какъ угорьлый; можно было подумать, что онъ сошелъ съ ума. Сконфуженный полякъ молча стоялъ въ сторонѣ.

— Надо еще разъ съѣздить на пароходъ и привезти сюда замаскированного господина,— сказалъ капитанъ, обращаясь къ молодому разбойнику: — а такъ-какъ вы уже устали грести, то я могу васъ замѣнить.

— Ну его къ черту!—возразилъ негодяй:— Не велика бѣда, если онъ и утонетъ! Лодка нигуда не годится, она повреждена.

— Какъ ты смѣешь такъ отзываться о своемъ господинѣ?—вспылилъ капитанъ.

— Онъ мнѣ не господинъ...

— Кто бы онъ ни былъ, но онъ жертвовалъ своею жизнью для нашего спасенія,—подлецъ тотъ, кто отказывается помочь ему въ минуту опасности!

— Я вамъ говорю, что лодка повреждена, — ворчалъ разбойникъ.

— Она еще не насквозь пробита, а такъ, забрала воды самую малость,—замѣтилъ кочегаръ:—Авось Богъ дастъ, съѣздимъ еще разъ!

Капитанъ вскочилъ въ лодку и принялся усердно грести, по направленію къ разбитому пароходу.

— Я промокъ до костей и навѣрно захвораю,—пищаль Мерманъ.

— Не только захвораешь, но и умрешь; смерть у тебя за плечами,—съ презрительною усмѣшкою возразила Гертруда.

Эти жестокія слова еще сильнѣе раздосадовали миниатюрнаго голландца.

— Нѣтъ-ли здѣсь по близости какого-нибудь домика или трактира, гдѣ бы можно было перемѣнить бѣлье и высушить платье?—спросилъ графъ Лашевскій, подойдя къ молодому разбойнику.

— Вы сами видите, что здѣсь все пусто кругомъ; но я согласенъ проводить васъ до вашей квартиры, чтобы получить ту сумму, которую вотъ этотъ господинъ обѣщалъ тому, кто спасетъ его,—а вѣдь я привезъ его на берегъ и самъ высадивъ изъ лодки.

— И отлично!—вскричалъ полякъ:—Быстрое движеніе

согрѣеть наши окоченѣвшіе члены. Позвольте предложить вамъ мою руку, сударыня, — обратился онъ къ Гертрудѣ, которая отступила шагъ назадъ и не подала ему руки.

— Пойдемъ, мой ангелъ! — чуть слышнымъ голосомъ проговорилъ Мерманъ и, приподнявшись на кончикахъ пальцевъ, вцѣпился въ мокрый плащъ своей жены и пошелъ рядомъ съ нею, изображая собою нѣчто въ родѣ палки или зонтика, на который она опиралась.

— Мы подождемъ возвращенія лодки, — объявила Гертруда графу Лашевскому.

Но тотъ на это не согласился, говоря, что онъ желаетъ какъ можно скорѣе вернуться домой.

— Замѣтили-ли вы того господина, который явился спасти насъ? — спросилъ онъ послѣ непродолжительной паузы.

— Что вы хотите этимъ сказать?

— Это знаменитый морской разбойникъ, черный Конрадъ! Насъ, можетъ быть, ожидаетъ самая ужасная участь.

— Послѣ того, какъ онъ спасъ нашу жизнь?

— Онъ навѣрно убьетъ насъ! Мы въ его власти. Молодой человѣкъ, предложившій проводить насъ въ безопасное мѣсто, вѣроятно принадлежитъ къ его шайкѣ и готовъ измѣнить своему атаману, изъ-за обѣщанной вашимъ родственникомъ тысячи червонцевъ. Пойдемте же; увѣряю васъ, что это несравненно благоразумнѣе, нежели оставаться здѣсь.

— Вы рѣшаетесь бросить храбраго капитана на произволь судьбы?

— Чертъ его возьми! Какъ же я могу спасти его?! — вскричала разозлившійся полякъ, повидимому потопившій въ морѣ весь свой запасъ любезности.

— Трусъ! — съ презрѣніемъ возразила молодая женщина и медленными шагами пошла вслѣдъ за своими родственниками.

Мерманъ спотыкался на каждомъ шагу, увѣряя, что у него отнялись ноги.

— Эта лодка ваша? — спросилъ графъ, догнавъ разбойника.

— Нѣтъ.

— Вѣроятно она принадлежит замаскированному господину?

— Не знаю.

— Можетъ-ли это быть? Вѣдь вы пріѣхали вмѣстѣ съ нимъ на пароходѣ.

— Онъ меня нанялъ, обѣщая щедро заплатить за помощь.

— Этотъ негодяй, помощникъ чернаго Конрада, безсовѣстно жетъ,—шепнулъ полякъ на ухо Мерману.

— Чей помощникъ?!—въ ужасѣ вскричалъ голландецъ.

— Того замаскированного незнакомца, который явился къ намъ на помощь, морскаго разбойника, чернаго Конрада, какъ его здѣсь называютъ. Кромѣ того, я узналъ въ немъ владѣльца уединеннаго домика, у Чертовой скалы, познакомившагося съ вами подъ видомъ живописца. Мерзавецъ знаетъ, какую золотую рыбку онъ завлекъ въ свои сѣти.

— Боже милостивый! — воскликнулъ Мерманъ и, какъ вкопанный, остановился на мѣстѣ.

— Да идите же скорѣе; общайте этому разбойнику сумму вдвое, вдесятеро больше, если онъ не выдастъ насъ своему атаману, отъ котораго мы не отдѣлаемся никакимъ выкупомъ: онъ навѣрно убьетъ всѣхъ насъ.

— Спасите насъ! Помогите намъ! — почти со слезами умолялъ голландецъ, подбѣгая къ своему проводнику: — Я заплачу вамъ, сколько вы сами мнѣ назначите.

— Сегодня вечеромъ вы получите часть обѣщанной вамъ суммы, — прибавилъ разсудительный полякъ: — Вы можете скрыться; всѣ мы даемъ вамъ честное слово не выдавать васъ полиціи.

— Скажите, этотъ замаскированный господинъ былъ дѣйствительно черный Конрадъ?—спросила Гертруда.

— Чертъ его знаетъ!—отозвался разбойникъ:—Я желаю добросовѣстно заслужить обѣщанныя мнѣ деньги и, черезъ полчаса, доведу васъ до Чертовой скалы.

Мошенникъ имѣлъ въ виду получить награду и отъ Густава Аланда. Товарищъ его, Петръ, успѣлъ шепнуть

ему, что атаманъ давно уже наблюдаетъ за молодымъ владѣніемъ домика у Чертовой скалы, но считаетъ его бѣднякомъ. Черный Конрадъ исчезъ два дня тому назадъ; можетъ быть его уже и схватила полиція.

— Онъ не узнаетъ, что мы заработали деньги во время его отсутствія,—прибавилъ Петръ:—мы сочинимъ ему какую-нибудь сказку, если онъ это какъ-нибудь пронюхаетъ и отдадимъ ему маленькую часть нашей добычи. Для большей безопасности, я теперь же уйду изъ пещеры и скроюсь въ Гельгевилъ у одного изъ нашихъ сообщниковъ.

Сообразивъ все это, молодой разбойникъ потребовалъ, чтобы вся обѣщанная сумма была ему выдана немедленно. Мерманъ не могъ отвѣчать ему, отъ испуга онъ потерялъ всякое сознаніе и совершенно машинально, какъ статуя, двигался впередъ.

— Вы понимаете,—возразилъ вмѣсто него графъ Лашевскій:—что у этого господина нѣтъ въ настоящую минуту такой суммы въ карманѣ. Онъ живетъ въ кургаузѣ, гдѣ онъ съ вами и расплатится.

Эта комбинація не очень понравилась подчиненному чернаго Конрада, но дѣлать было нечего, пришлось покориться, такъ-какъ другаго исхода не было въ виду.

Сильный вѣтеръ дулъ въ спины путниковъ и, осушая ихъ платье, помогалъ имъ быстрѣе подвигаться впередъ. Фрау Кетте въ первый разъ въ точности исполнила предписаніе докторовъ и дѣлала полезный ей, усиленный мѡціонъ.

Гертруда, обыкновенно бѣжавшая впереди всѣхъ во время общихъ прогулокъ, теперь безпрестанно останавливалась и оглядывалась назадъ, полагая, что спутники ея не обращаютъ на это вниманія; но не смотря на всѣ ея старанія она не могла ничего увидѣть, потому-что ее отдѣлялъ отъ берега цѣлый рядъ огромныхъ утесовъ, въ которыхъ, подобно летучимъ мышамъ, гнѣздилась разбойничья шайка чернаго Конрада. Мысленно она упрекала себя въ трусости, называла измѣнницею и тысячу разъ готова была вернуться на берегъ.

Если бы Густавъ Аландъ, или черный Койрадъ, какъ его называютъ, имѣлъ что-нибудь недоброе на умѣ, то остался-ли бы онъ одинъ на разбитомъ пароходѣ? Это явное доказательство отсутствія у него злыхъ замысловъ только теперь пришло въ голову Гертруды. Но, какую помощь могла она оказать тремъ утопающимъ мужчинамъ? Можетъ быть лодка ихъ разбилась о камни? Молодой разбойникъ говорилъ, что она уже повреждена. «Но, вѣроятно они всё трое умѣютъ плавать»,—подумала она въ заключеніе, и эта мысль успокоила ее.

Душевная тревога заставляла молодую женщину забывать свои собственные физическія страданія и, часъ спустя, возвратясь въ Гельгевиль, она не чувствовала ни малѣйшей усталости, такъ-что могла ухаживать за своими утомленными родственниками.

Не доходя до кургауза, графъ Лашевскій исчезъ, вѣроятно для того, чтобы прямою дорогою дойти скорѣе домой; но, по мнѣнію Гертруды, онъ сдѣлалъ это, не желая присутствовать при расплатѣ съ проводникомъ, а еще мнѣе—участвовать въ ней. Интересный польскій рыцарь чрезвычайно неудачно разыгралъ свою роль и уѣхалъ тайкомъ изъ Гельгевила, оставивъ въ уплату за свою квартиру истасканный и окончательно промокшій, знаменитый бархатный кунтушъ, украшенный мишурными шнурами.

Гертруда отдала проводнику всё свои наличныя деньги, не обращая вниманія на возраженія Мермана, который, очутившись въ безопасности, вздумалъ было торговаться. Разбойникъ, не считая, опустилъ въ свой карманъ золотыя и серебряныя монеты и, по всей вѣроятности, невнимательно выслушалъ послѣднія слова щедро наградившей его вдовушки:

— Поблагодарите отъ моего имени вашего атамана,—сказала она ему:—мнѣ очень жаль, что я не могу поблагодарить его лично. Сегодняшній подвигъ искупилъ всё его прежнія преступленія. Я отъ души желаю, чтобы онъ съ этого дня началъ другую, лучшую жизнь. Прошу васъ передать ему это вмѣстѣ съ моимъ поклономъ.

Разбойникъ убѣжалъ безъ оглядки.

Это приключеніе сильно встревожило всѣхъ обитателей кургауза и, переходя изъ усть въ уста, вскорѣ дошло до свѣдѣнія полицейскаго комиссара. Болтливый голландецъ былъ окруженъ цѣлою толпою любопытныхъ слушателей; онъ торжественно объявилъ имъ, что скромный живописецъ, котораго они недавно видѣли на площадкѣ передъ курзаломъ, не кто иной, какъ знаменитый морской разбойникъ, черный Конрадъ, познакомившійся съ нимъ подъ именемъ Густава Аланда.

Въ первый разъ въ жизни Гертруда была довольна молчаніемъ тети Кетте, преспокойно попивавшей грогъ и отвѣчавшей на всѣ распросы только двумя словами:

— Ничего не помню.

Оберъ-кельнеръ Вильгельмъ съ жадностью прислушивался къ рассказамъ голландца и наконецъ замѣтилъ, что ему показалась подозрительною личность живописца, такъ пристально разсматривавшаго отпечатки слѣдовъ вокругъ балкона.

Въ этой суматохѣ никому, кромѣ Герруды, не пришло въ голову позаботиться о бѣдномъ матросѣ, пострадавшемъ не менѣе другихъ при крушеніи парохода, на которомъ онъ служилъ. Молодая женщина приказала перемѣнить на немъ бѣлье, уложить его въ теплую постель и сама принесла ему стаканъ горячаго грога. Въ продолженіи всего этого времени она коротко и не охотно отвѣчала на вопросы своихъ новыхъ знакомыхъ, ежедневно встрѣчающихся съ нею за табльдотомъ; но когда явился полицейскій комиссаръ для составленія протокола, потребовались и ея личныя показанія, и она принуждена была покориться необходимости.

По уходѣ представителя полицейской власти, вдовушка, не перемѣнивъ на себѣ ни бѣлья, ни платья, нагнула на голову знакомый вамъ, сѣрый шерстяной платокъ и почти бѣгомъ убѣжала изъ кургауза. Буря утихла, но на дворѣ было холодно. На улицахъ не было ни души; въ освѣщенныхъ огняхъ маленькихъ домиковъ виднѣлись группы лю-

дей, вѣроятно передающихъ другъ другу подробности о странномъ происшествіи на берегу моря. Не чувствуя холода, Гертруда какъ на крыльяхъ летѣла по направленію къ уединенному домику у Чертовой скалы. Развѣ благодарность одарена крыльями, точно также какъ и любовь?—Можетъ быть... но, во всякомъ случаѣ, первая менѣе ослѣпляетъ людей, нежели вторая.

Человѣкъ, къ которому шла теперь Гертруда, внушалъ ей самыя разнородныя чувства: она, въ одно и то же время, презирала его, восхищалась имъ, насмѣхалась надъ нимъ, цѣнила его достоинства, не довѣряла ему, питала къ нему чувство благодарности и во многомъ обвиняла его. Густавъ отчасти искупилъ свою вину передъ нею тѣмъ, что оказался не «простофилю», а человѣкомъ съ умомъ и сердцемъ.

«Я объявила ему, — размышляла молодая женщина: — что охотнѣе полюблю чернаго Конрада, нежели такого смиреннаго химика, какъ онъ, — и вдругъ оба они соединились въ одну и ту же личность! Боже мой, какъ же я могу полюбить человѣка, который меня постоянно обманывалъ, разыгрывая передо мною нелѣпую комедію?... Но онъ спасъ мнѣ жизнь, мнѣ и моимъ родственникамъ, и я считаю своею обязанностью предостеречь его въ минуту опасности, — для того, чтобы его геройскій подвигъ не былъ ознаменованъ заключеніемъ его въ тюрьму или, можетъ быть, смертною казнью».

И такъ рѣшено, что Гертруда летѣла на крыльяхъ благодарности, и летѣла съ неимовѣрною быстротою. Задыхаясь отъ волненія, остановилась она у дверей уединеннаго домика, но порывъ вѣтра не отворилъ ей ихъ такъ, какъ нѣсколько недѣль тому назадъ. Въ лабораторіи было темно. «Дома-ли онъ?—задавала она мысленно сама себѣ вопросъ: — нѣтъ ли у него другаго жилища, гдѣ онъ укрывается отъ преслѣдованій полиціи?» Она сознавала, что Густавъ, изъ любви къ ней, подвергалъ опасности жизнь свою, и тутъ же презрительно усмѣхнулась — при воспоминаніи о трусости

своихъ обоихъ кавалеровъ. Слава Богу, что она во время разгадала ничтожную личность графа Лапшевскаго и не увлеклась его ухаживаніемъ за нею.

Все это промелькнуло въ умѣ вдовушки, пока она стояла у дверей уединеннаго домика.

Въ лабораторіи раздались тяжелые шаги: кто-то шель со свѣчкою въ рукахъ.

— Это не Густавъ, — подумала Гертруда: — у него не такая походка.

— Кто тамъ?—послышался голосъ старухи.

— Отворите, ради Бога!—отозвалась молодая женщина такимъ жалобнымъ тономъ, что Марушка немедленно отперла дверь, но, взглянувъ на гостю, въ ужасѣ отступила назадъ.

— Дома-ли господинъ Аландъ? — спросила Гертруда, войдя въ лабораторію и боязливо озираясь во всѣ стороны:— Мнѣ нужно съ нимъ переговорить.

— Силы небесныя!—громко воскликнула старуха:— Это она! Она!! Святой Стефанъ защити меня грѣшную!

Гертруда принимала самое искреннее участіе въ этой бѣдной женщинѣ, которой судьба готовила еще другой печальный сюрпризъ. Могла-ли добрая кормилица подозрѣвать, что ея питомецъ разбойникъ?

— Успокойтесь, милая Марушка,—начала она самымъ ласковымъ тономъ:—Я не русалка и пришла сюда безъ всякаго умысла. Нельзя-ли мнѣ поговорить съ господиномъ Аландомъ?

— Что вамъ нужно? Зачѣмъ вы сюда явились?

— Я хочу предостеречь его,—ему угрожаетъ опасность... послѣ я вамъ расскажу, въ чемъ дѣло... Пустите меня къ вашему питомцу,—скажите ему, что та дама, которую онъ спасъ отъ смерти, желаетъ въ свою очередь спасти его жизнь!

— Значить, вы были на пароходѣ въ то время, когда его разбила буря?

Полчаса тому назадъ капитанъ и кочегаръ возвратились вмѣстѣ съ Густавомъ въ его домикъ и рассказали Марушкѣ,

какимъ образомъ питомецъ ея потерялъ сюртукъ и шляпу. Старуха такъ захлопоталась, ухаживая за своимъ любимцемъ, что больше ни о чемъ не спрашивала.

На вопросъ: была-ли она въ числѣ пассажировъ на погибшемъ пароходѣ, Гертруда отвѣчала умоляющимъ о пощадѣ голосомъ:

— Была, милая Марушка!

— Я это предчувствовала. Онъ скрылъ это отъ меня. Господи, Боже мой! Сколько разъ предостерегала я его, моего голубчика, — вопила старуха, дрожа всѣми членами: — Удалось-таки ей завлечь его въ воду! Онъ спасся только какимъ-то чудомъ, а пароходъ пошелъ ко дну... и все это случилось потому, что она, — она была тамъ. Вонъ отсюда, злодѣйка! — неистовымъ голосомъ закричала она, указывая на окно, въ полной увѣренности, что для нечистой силы всѣ дороги равно удобны.

Глаза Гертруды были устремлены на дверь, въ которой показался Густавъ.

— Замолчи, Марушка, и уйди отсюда! — проговорилъ онъ строгимъ, повелительнымъ тономъ: — Что вамъ угодно, сударыня? — прибавилъ онъ, обращаясь къ молодой женщинѣ.

— Голубчикъ мой, побереги себя! — вскричала старуха, становясь между нимъ и русалкою, но Густавъ слегка оттолкнулъ ее въ сторону и, улыбаясь, сказалъ ей:

— Эта дама — госпожа Ольшевская, вдова моего дяди.

Марушка не вдругъ поняла то, что онъ ей сказалъ, но, тѣмъ не менѣе, тотчасъ же вышла изъ комнаты, безпрестанно оглядываясь на мнимую русалку.

При взглядѣ на Густава, всѣ выше перечисленныя чувства Гертруды къ нему мгновенно исчезли; ею овладѣла такая непримиримая вражда къ этому человѣку, что она обратилась къ нему съ вопросомъ, который прежде не имѣла намѣренія сдѣлать:

— Передалъ-ли вамъ вашъ товарищъ мою благодарность?

— У меня нѣтъ товарищей, — съ невозмутимымъ спокойствіемъ возразилъ юноша.

— Вы спасли сегодня меня и моихъ родственниковъ отъ гибели, во время крушенія парохода? Надѣюсь, что вы не станете опровергать этотъ фактъ?

— Я его и не опровергаю.

— Согласитесь, что спасеніе погибающихъ не входитъ въ программу вашихъ обычныхъ занятій?

— Это совершенно справедливо, — съ улыбкою отвѣчала обвиняемый.

Хладнокровіе Густава бѣсило и прельщало молодую женщину въ одно и то же время.

— Желала бы я знать, — возразила она: — что было побудительною причиною вашей чрезмѣрной любви къ ближайшему, въ данномъ случаѣ?

— Вамъ очень хорошо извѣстно, что я сдѣлалъ это единственно изъ любви къ вамъ.

Понятно, что вдовушка не сомнѣвалась въ этомъ; тѣмъ не менѣе, это откровенное признаніе привело ее въ ужасъ.

— Почему вы знали, что я нахожусь на этомъ пароходѣ?

— Мнѣ сообщилъ это дѣдушка Тобъ, береговой сторожъ.

— Любопытно узнать, какая участь постигла бы остальныхъ пассажировъ, если бы я не находилась въ числѣ ихъ?

— Не знаю... но, во всякомъ случаѣ, я не отправился бы самъ спасать ихъ.

— Стало быть всѣ они сдѣлались бы жертвами алчности бандитовъ?

— Вѣроятно...

— Ахъ, Боже мой! Да вѣдь это ужасно! — воскликнула Гертруда, вся дрожа отъ волненія: — Бѣгите отсюда, какъ можно скорѣе; скройтесь куда-нибудь! Знайте, что мой дядя и графъ Лашевскій выдали васъ полицейскому комиссару... Онъ сію минуту явится сюда и арестуютъ васъ.

— Я не боюсь преслѣдованій полиціи.

— Какъ? Черный Конрадъ такъ хладнокровно намѣренъ самъ предать себя въ руки правосудія?!

До этой минуты юношѣ казалось, что вдовушка узнала его на пароходѣ; но теперь онъ убѣдился, что она серьезно считаетъ его морскимъ разбойникомъ.

— И вы пришли сюда для того, чтобы предостеречь преступника? Вы не боялись войти въ домъ бандита?—спросилъ онъ, и все лицо его озарилось улыбкою неизъяснимаго блаженства.

Нервная судорога сжала горло Гертруды, такъ-что она не могла тотчасъ же отвѣчать на этотъ вопросъ, а только утвердительно кивнула головою.

— Могу-ли я бояться человѣка, который спасъ меня отъ смерти?—едва слышнымъ голосомъ проговорила она, послѣ непродолжительной паузы.

Густавъ вспомнилъ ея слова: «Я охотнѣе полюблю такого злодѣя, какъ черный Конрадъ, нежели васъ!» — и воскликнулъ:

— Счастливъ тотъ человѣкъ, изъ любви къ которому Гертруда Ольшевская рѣшилась на такой поступокъ! Не только жизнью, честью готовъ былъ бы я съ радостью пожертвовать, чтобы быть на его мѣстѣ; но, къ сожалѣнью, я только Густавъ Аландъ, и мнѣ удалось оказать вамъ эту ничтожную услугу подъ личиною морскаго разбойника.— иначе, быть можетъ, вы бы ея и не приняли отъ меня.

— Но что же значить... маска?

— Я нашелъ ее въ лодкѣ и надѣлъ на себя, чтобы скрыть ненавистное для васъ лицо мое. Я обѣщаль не показываться вамъ на глаза.

— Онъ не черный Конрадъ!—вслухъ подумала Гертруда и прибавила:—Но здѣсь есть люди, которые, подобно мнѣ, могутъ ошибиться и принять васъ за морскаго разбойника.

Мнѣ не трудно будетъ опровергнуть это мнѣнiе.

— И такъ позвольте мнѣ еще разъ поблагодарить васъ и проститься съ вами. Мы скоро уѣзжаемъ отсюда,—можетъ быть завтра...

Она подала руку Густаву. Юноша не поцѣловаль ея, но крѣпко пожалъ и неохотно выпустилъ изъ своихъ рукъ.

— Я буду часто вспоминать о черномъ Конрадѣ,—послутила молодая женщина.

— А я никогда не забуду прелестной русалки, — совершенно серьезно возразилъ юноша.

Гертруда подошла къ стѣнѣ и устремила взоръ на портретъ своего мужа, который поставилъ ее въ такія странныя отношенія съ Густавомъ.

— Подарите мнѣ этотъ портретъ, — сказала она, и желаніе ея было немедленно исполнено.

— Вы никогда не видѣли вашего дяди, если я не ошибаюсь?

— Никогда.

— Онъ поступилъ несправедливо, лишивъ васъ наслѣдства.

— Этимъ онъ доставилъ мнѣ возможность познакомиться съ вами. За это счастье я буду вѣчно чтить его память.

— Наше знакомство похоже на волшебную сказку.

— Скажите, рассказывалъ-ли вамъ дядя исторію моей матери?

— Нѣтъ; онъ имѣлъ намѣреніе рассказать мнѣ ее въ этомъ домѣ, но, какъ вы знаете, не успѣлъ этого сдѣлать.

— Эта печальная исторія не содержитъ въ себѣ ничего необыкновеннаго.

— Расскажите мнѣ ее, прошу васъ.

Густавъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на молодую женщину, что заставило ее покраснѣть.

— Какъ жаль, — прибавила она: — что мы не подумали объ этомъ раньше; теперь мнѣ пора идти домой. И я, въ свою очередь, могла бы рассказать вамъ кое-что о себѣ. Вы, на примѣръ, не знаете подробностей женитьбы на мнѣ вашего дяди и не подозрѣваете, почему мнѣ такъ дорогъ этотъ домикъ.

— Позвольте мнѣ показать вамъ мою сокровища, — возразилъ Густавъ и, отворивъ ящикъ стола, вынулъ изъ него маленькій башмачекъ.

— Русалкина туфля! — засмѣялась Гертруда.

Изъ башмачка выпало письмо.

— Это объявленіе войны, — сказалъ юноша и прибавилъ, вынимая изъ конверта локонъ волосъ: — а это...

— Трофеи побѣдителя,—прервала его вдовушка.

— Нѣтъ, это волшебныя сѣти чародѣйки-русалки.

— А знакомо-ли вамъ вотъ это? — спросила Гертруда, указывая на свой браслетъ, къ которому были прицѣплены двѣ монеты,—одна золотая, въ пять марокъ, а другая серебряная, въ пятьдесятъ пфениговъ.

Густавъ въ недоумѣніи посмотрѣлъ ей прямо въ глаза, какъ бы ища въ нихъ объясненія этой таинственной загадки.

— Не узнаете?—съ лукавою улыбкою спросила она:— Одну изъ нихъ вы дали служанкѣ, подававшей вамъ кофе въ кургартенѣ; а другую—дѣвушкѣ, продававшей вамъ землянику въ лѣсу.

Едва успѣла она выговорить эти слова, какъ покраснѣла до ушей и собиралась убѣжать, сознавая, что этимъ выдала тайну своего сердца; но юноша упалъ, передъ нею на колѣни и крѣпко прижалъ руку ея къ губамъ своимъ.

Чувство искренняго раскаянія мгновенно овладѣло Гертрудою: вся дрожь отъ волненія, наклонилась она надъ курдювою головою юноши и прошептала:

— Я должна на колѣняхъ просить у васъ прощенія, потому-что очень виновата передъ вами.

— Въ чемъ же, помилуйте?—воскликнулъ онъ:— Любовь къ вамъ совершенно преобразила и возвысила меня.

— Какъ жаль! Вы мнѣ очень нравились въ вашемъ первобытномъ видѣ, — лукаво пошутила вдовушка, глядя рукою его волнистые волосы.

— Теперь эти шутки неумѣстны, Гертруда.

— Ну, хорошо! Вѣдь я не бездушная кокетка.

— О, нѣтъ! Вы честная, благородная, мужественная, прелестная женщина!

— Перестаньте, перестаньте! Ваши восторженные похвалы приводятъ меня въ замѣшательство и заставляютъ краснѣть, потому-что я ихъ не заслуживаю. Теперь прощайте, мнѣ пора идти домой.

— Позвольте мнѣ проводить васъ.

— Едва-ли вы на это способны. Случалось-ли вамъ когда-нибудь провожать даму?

— Никогда; но если я не способенъ вести васъ, то понесу васъ на рукахъ. Это я съ умѣю сдѣлать.

— А что скажутъ люди?

— Какое мнѣ до этого дѣло!

— Вы не имѣете понятія о свѣтскихъ законахъ приличія.

— И не хочу ихъ знать! Вы теперь моя, — я не уступлю васъ никому въ мѣрѣ!

— Я полагаю, что для этого отчасти необходимо и мое согласіе?

— Позволеніе Гертруды Ольшевской мнѣ не нужно. Я нашелъ свое счастье, — беру его и не выпущу его изъ рукъ своихъ!

Молодая женщина съ восторгомъ сознавала, что въ Густавѣ, этомъ скромномъ, робкомъ, застѣнчивомъ юношѣ, она нашла человѣка, о которомъ мечтала. Но этотъ ученый естествоиспытатель еще не утратилъ своей обычной разсѣянности: долго искалъ онъ глазами, въ лабораторіи, свою шляпу, забывъ, что она погибла въ волнахъ Балтійскаго моря, и, наконецъ, побѣжалъ въ смежную комнату и обратился къ старухѣ съ вопросомъ:

— Марушка, гдѣ моя шляпа?

— Ахъ, Господи! Да вѣдь ты потерялъ ее, голубчикъ мой!

— Нѣтъ-ли у насъ какой-нибудь другой шляпы?

— Зачѣмъ она тебѣ понадобилась?

— Онъ хочетъ проводить меня до кургауза, милая Марушка, — отвѣчала вмѣсто него Гертруда, когда старуха вошла въ лабораторію.

Она принесла фуражку, но, не отдавая ее своему питомцу, начала его уговаривать:

— Не ходи съ нею, дитя мое; пусть себѣ идетъ одна домой. Вѣдь мы ее не звали.

— Законы приличія требуютъ, чтобы я проводилъ эту даму домой, — внушительнымъ тономъ возразилъ юноша, вырывая фуражку изъ рукъ своей кормилицы: — Ты этого не понимаешь; ну, такъ и не вмѣшивайся не въ свое дѣло

— Много-ли ты и самъ-то въ этомъ смыслишь? Гдѣ это ты научился ухаживать за женщинами? А меня ты долженъ слушаться, потому-что я твоя вторая мать.

— Да вѣдь я его тетка, милая Марушка, — вступилась вдовушка.

Старуха еще болѣе озлилась.

— Тетка! Тетка! Какая тамъ тетка! Сегодня тетка, а завтра...

— Невѣста Густава, — шепнула молодая женщина ей-на ухо.

Марушка буквально остолбенѣла отъ удивленія.

— Ну, другъ мой, Гусгинька, — начала она опомнившись: — послушай, что я сегодня видѣла во снѣ. Мнѣ приснилось, что въ моей картонкѣ съ наряднымъ чепчикомъ окотилась кошка. Я проснулась отъ испуга и думаю: «Засну-ка я опять; авось съ нами не случится никакой бѣды». — Вотъ я заснула и снова эти проклятыя котята передъ моими глазами. Тутъ я не на шутку разсердилась и, схвативъ въ руки картонку, бѣгу къ рѣкѣ, чтобы утопить ихъ, — глядь, — вѣдь это не котята, а щенки, да такіе еще хорошенькіе! Люди говорятъ, что видѣтъ во снѣ собакъ, — предвѣщаетъ благополучіе. Вѣдь сонъ-то въ руку, голубчикъ мой!

И старуха, внѣ себя отъ радости, бросилась обнимать и цѣловать Гертруду. Затѣмъ побѣжала въ свою комнату и принесла новую накидку, прося молодую женщину надѣть ее вмѣсто мокраго, сѣраго платка, на что та съ благодарностью согласилась.

На возвратномъ пути, Гертруда рассказала своему жениху всѣ замѣчательные эпизоды своей жизни и выслушала печальную исторію его матери. Молодые люди шли медленными шагами, вѣроятно для того, чтобы продлить удовольствіе послѣдняго свиданія въ Гельгевилѣ и, дойдя до кургауза, простились на неопредѣленное время; имъ уже надоѣло быть предметомъ толковъ и пересудовъ въ этомъ маленькомъ мѣстечкѣ.

Предсказаніе береговаго сторожа, дѣдушки Тоба, сбылось: на слѣдующее утро всѣ пріѣзжіе посѣтители Гельге-

вила начали собираться въ обратный путь. Кургаузъ и кургартенъ опустѣли. Балтійское море бурлило и волновалось, какъ бы сердясь на отъѣзжающихъ. Обнаженные деревья покрылись инеемъ; на улицахъ, вмѣсто изящныхъ костюмовъ, видѣлись только блузы рабочихъ, да клеенчатые плащи мѣстныхъ обывателей. Прежде всѣхъ уѣхало семейство Мермана.

Кошелекъ хорошенькой швейцарки Ленхенъ, по всей вѣроятности, не остался пустымъ, потому-что женихъ ея, оберъ-кельнеръ Вильгельмъ, проводивши Гертруду Ольшевскую и съ благодарностью слѣдя глазами за удаляющимся экипажемъ, воскликнулъ:

— Если бы у насъ часто бывали такіе посѣтители, то можно было бы жениться и два раза въ годъ!

XIII.

Вотъ гдѣ намъ пришлось увидѣться! Это, право, странно, — судьба разбрасаетъ людей по всѣмъ закоулкамъ земнаго шара, и вдругъ, послѣ долговременной разлуки, въ одно прекрасное утро, старые знакомые снова встрѣчаются, и совершенно неожиданно.

Такъ говорилъ пріѣхавшій въ Женеву толстый господинъ пріятной наружности, обращаясь къ содержателю гостиницы «Hôtel du lac».

— Ведите меня прямо въ столовую, — продолжалъ онъ: — я голоденъ какъ волкъ... Ну, что у васъ есть хорошаго?

— Все, что вамъ угодно. Есть и холодное и горячее. Слава Богу, у насъ всего довольно.

— Такъ подайте мнѣ хорошій завтракъ. Вы знаете, что я люблю.

— Яичницу и пару котлетъ?

— Отлично! Прибавьте къ этому бутылочку хорошаго Бордо и я буду совершенно доволенъ. Я пью пиво только

вечеромъ, оно мнѣ вредно; доктора увѣряють, что я отъ него растолстѣлъ.

— А я нахожу, что вы значительно похудѣли съ тѣхъ поръ, какъ мы съ вами разстались, господинъ чиновникъ министерства государственныхъ имуществъ.

— Почему вы это знаете?

— Слухомъ земля полнится, — говоритъ пословица. Мнѣ объ этомъ писали изъ Гельгевила, гдѣ я провелъ счастливые годы моей молодости. Позвольте мнѣ васъ поздравить, — такое счастье дается не всякому.

— Благодарю васъ. Но согласитесь, что для того, чтобы получить такое назначеніе, надо обладать нѣкотораго рода способностями, — возразилъ толстякъ, самодовольно похлопывая себя по животу.

— Это совершенно справедливо.

Услужливый хозяинъ повелъ своего гостя въ столовую, окинулъ опытнымъ взглядомъ столъ, за который его посадилъ, и, позвавъ кельнера, отдалъ ему необходимыя приказанія на счетъ завтрака. Его какъ-то странно было видѣть безъ обычной салфетки въ рукѣ.

— Присядьте ко мнѣ, — сказалъ ему толстякъ, съ наслажденіемъ выпивъ первый стаканъ вина: — Вино не дурно; я знаю въ чемъ толкъ. На Рейнѣ меня едва не отравили, такую вездѣ подавали мнѣ гадость; просто пить невозможно! Теперь мы можемъ съ вами поболтать. Скажите, чѣмъ кончилась тогда эта странная исторія въ Гельгевилѣ? Въ послѣдствіи я узналъ, что разбойникъ, черный Конрадъ, былъ приговоренъ къ пятнадцати-лѣтнему тюремному заключенію.

— Это вѣрно; но онъ сидѣлъ уже въ тюрьмѣ въ тотъ день, когда разразилась эта страшная буря и пароходъ наткнулся на «собачій камень».

— Странно! Зачѣмъ же господинъ Аландъ надѣлъ разбойничью маску?

— Это, сударь мой, одинъ изъ эпизодовъ его романа. Онъ теперь здѣсь съ своею молодою супругою. Вы, кажется, повстрѣчались съ ними на лѣстницѣ. Неужели вы ихъ не

узнали? Я еще тогда спорилъ со всѣми и говорилъ, что этого добраго, смирнаго барина нельзя и подозрѣвать въ чемъ-нибудь дурномъ. Тутъ вскорѣ и все дѣло объяснилось. Поймали и другихъ двухъ разбойниковъ изъ шайки Конрада; они выдали другъ друга изъ ненависти. Меньшой-то получилъ, говорятъ, съ господъ порядочную сумму денегъ, но, вѣроятно, не подѣлился ими съ своимъ товарищемъ, самымъ отчаяннымъ негодяемъ. Какъ этого старшаго-то, Петра, схватили и начали допрашивать, онъ только и отвѣчалъ, что ничего знать не знаетъ и вѣдать не вѣдаетъ; а какъ узналъ, что малый-то прикарманилъ деньги, такъ и выдалъ его. Обоихъ посадили въ тюрьму, — тѣмъ эта исторія и кончилась. Только имъ обоимъ смягчили наказаніе за то, что они спасли пассажировъ парохода, и, когда они отсидятъ свой срокъ, имъ выдадутъ тѣ деньги, которыя имъ подарила госпожа Ольшевская. Можетъ быть, эти разбойники еще исправятся и сдѣлаются порядочными людьми.

— Теперь расскажите мнѣ, какимъ образомъ удалось застѣнчивому юношѣ Аланду жениться на очаровательной вдовушкѣ?

— Любовь совершенно преобразила этого человѣка, — отвѣчалъ Вильгельмъ, пожимая плечами.

— Подъ его невзрачною наружностью таилось много хорошихъ качествъ. Онъ человѣкъ умный и образованный, — это замѣтилъ и графъ Лашевскій. Кстати, знаете-ли вы, гдѣ теперь находится этотъ надменный полякъ?

— Нѣтъ, я съ тѣхъ поръ о немъ ничего не слышалъ; онъ точно въ воду канулъ.

— Ну такъ скажу вамъ, что встрѣтилъ его въ Монако, у рулетки, гдѣ онъ исправляетъ обязанность крупье. Ему не разъ пришлось пододвигать ко мнѣ большія суммы денегъ, — мнѣ страшно везло въ этотъ вечеръ, но онъ не подалъ и виду, что знаетъ меня.

— Извините меня за нескромный вопросъ: вы женаты, сударь? — спросилъ ех-оберъ-кельнеръ.

— Женатъ. Мои два сына уже служатъ въ кавалеріи. Кромѣ того, у меня въ домѣ живетъ теща, настоящая вѣдьма.

Лѣто я обыкновенно провожу за границу, гдѣ-нибудь на водахъ,— стараюсь забыть, что я женатъ, и ношу обручальное кольцо не на палецъ, а въ портмонэ. Дома я... да, кстати, скажите, вѣроятно хорошенькая русалочка держитъ муженька-то подъ башмачкомъ?

— О, нѣтъ, сударь! Они живутъ душа въ душу. Господинъ Аландъ, при всей своей кротости, съумѣлъ приручить эту дикую кошечку, которая до сихъ поръ влюблена въ него по уши. Впрочемъ, вѣдь они женились еще такъ недавно.

— Этотъ вопросъ интересуетъ меня въ высшей степени,— замѣтилъ толстякъ, отирая салфеткою свои щетинистые усы:— Желалъ бы я знать, какими средствами достигъ своей цѣли этотъ смиренникъ? Впрочемъ, повѣрьте мнѣ, что это только такъ кажется, а въ сущности жены всегда держатъ въ рукахъ своихъ мужей.

— Мужья сами въ этомъ виноваты.

— Это ваше личное убѣжденіе?

— Да... то-есть я не могу пожаловаться на свою жену: она отличная хозяйка и предоставляетъ мнѣ полную свободу дѣйствій...

— Вильгельмъ!—раздался изъ смежной комнаты рѣзкій, женскій голосъ.

— Извините, сударь, я долженъ отлучиться на одну минуту. Моя Ленхенъ женщина чрезвычайно снисходительная, но отчасти нетерпѣливая: она не любитъ ждать. Это отличительная черта ея характера,— и покорный супругъ безъ оглядки выбѣжалъ изъ комнаты.

Вслѣдъ затѣмъ послышалось привѣтствіе снисходительной Ленхенъ.

— Ты ровно ничего не дѣлаешь! Я одна работаю съ утра до ночи и бѣгаю, какъ почтовая лошадь. Сидитъ тамъ да болтаетъ, переливаетъ изъ пустаго въ порожнее.

«Ну, ну, ну,—подумалъ чиновникъ:—ай да швейцарочка! Ей бы только полкомъ командовать».

Вечеромъ, когда толстякъ, сидя на балконѣ, пилъ пиво и курилъ сигару, подошли къ нему молодые супруги. Гер-

труда нисколько не измѣнилась, она даже помолодѣла: дѣтское личико ея сіяло отъ радости. Но въ Густавѣ замѣтна была значительная перемѣна.

— Я васъ узнала еще утромъ, — обратилась молодая женщина къ своему старому знакомому: — Густавъ не разглядѣлъ васъ, потому-что на немъ не было очковъ. Я не позволяю ему носить очки, находя, что они ему теперь не нужны: онъ долженъ смотрѣть на все глазами своей жены. Не правда-ли?

— Моя милая Герта такъ старается отучать меня отъ дурныхъ привычекъ прежнихъ, — кроткимъ тономъ замѣтилъ Густавъ, привѣтливо пожимая руку чиновника.

А молодая женщина прибавила:

— Онъ у меня послушный воспитанникъ.

— Васъ дѣйствительно трудно узнать, господинъ Аландъ, такъ вы измѣнились въ свою пользу, — возразилъ толстякъ, съ удивленіемъ глядя на химика.

Это замѣчаніе польстило самолюбію юной воспитательницы.

— И въ васъ, сударыня, видна нѣкотораго рода перемѣна, — обратился къ ней чиновникъ: — Какъ вамъ извѣстно, я считался въ Гельгевилѣ однимъ изъ вашихъ поглонниковъ, но, извините меня, мнѣ были не по вкусу ваши парижскіе костюмы. Теперь же я съ удовольствіемъ вижу, что вы одѣты прилично, какъ всѣ благоразумныя дамы.

— Этимъ я обязана моему мужу. Онъ не любитъ ничего иностраннаго и я, желая угодить ему, одѣваюсь по его вкусу. Но не думайте, чтобы это мнѣ такъ легко удавалось. Густавъ умѣетъ только отличить красивое отъ безобразнаго, а въ подробностяхъ женскаго туалета онъ ровно ничего не смыслить, такъ-что ему чрезвычайно трудно угодить. — «Одѣнься понаряднѣе», — скажетъ онъ мнѣ, и когда я приду къ нему показаться, въ надеждѣ услышать его похвалу, онъ вдругъ воскликнетъ: — «Нѣтъ, милая Герта, этотъ костюмъ къ тебѣ не идетъ! Надѣнь что-нибудь другое». Но онъ позволяетъ мнѣ дѣлать замѣчанія на счетъ его туалета

и безпрекословно повинуется моему мнѣнію, такъ-какъ самъ не умѣетъ, какъ говорится, продать товаръ лицомъ.

— Устроили-ли вы свое гнѣздышко, или, по прежнему, продолжаете вести жизнь перелетныхъ птичекъ?—спросилъ толстякъ, послѣ непродолжительной паузы, не подозрѣвая, что этимъ вопросомъ затронулъ слабую струнку или, лучше сказать, яблоко раздора между двумя супругами.

— Гертѣ нравится эта цыганская жизнь, а мнѣ, откровенно говоря, уже надоѣло это безпрестанное перемѣщеніе,—возразилъ Густавъ:—Вотъ уже два мѣсяца, что мы почти не выходимъ изъ вагона. Пора уже намъ вернуться подъ крылышко моей доброй Марушки и вести болѣе регулярную жизнь. Я получилъ мѣсто доцента химіи при гейдельбергскомъ университетѣ и намѣренъ серьезно заниматься наукою. А Герта будетъ пріучаться къ хозяйству, подъ руководствомъ Марушки.

— Кто же живетъ теперь въ вашемъ домикѣ у Чертовой скалы?

— Мой мужъ его очень мило отдѣлалъ за-ново. Мы будемъ проводить тамъ ежегодно нѣсколько недѣль, а на остальное время онъ будетъ отдаваться въ наемъ.

— Такимъ образомъ этотъ домикъ, будетъ приносить намъ хотя какой-нибудь доходъ. Я отдалъ его въ распоряженіе купальной комиссіи, удержавъ за собою право занимать домикъ въ продолженіи двухъ, трехъ недѣль, по моему усмотрѣнію.

— Это совершенно практично, — замѣтилъ чиновникъ.

— Я съ этимъ вполне согласна, — возразила Гертруда:—но мнѣ непріятно сознаніе, что чужіе люди будутъ жить въ домикѣ, гдѣ я впервые познакомилась съ моимъ мужемъ.

— Это нисколько не помѣшаетъ мнѣ съ удовольствіемъ вспоминать о появленіи очаровательной русалки.

— Удивляюсь твоей практичности. Но я убѣждена въ томъ, что ты дѣлаешь это изъ скупости. Въ этомъ случаѣ ты не спросилъ моего совѣта. Куда дѣвались твоя врожденная робость и нерѣшительность характера?

— Было время, когда эти качества нравились тебѣ.

— Да, въ началѣ нашего знакомства. И откуда у тебя взялась теперь эта самостоятельность.

— Она обнаружилась во мнѣ съ той минуты, какъ я получилъ неожиданную награду, — твою любовь, моя дорогая! Вдали раздалась звуки музыки.

— Въ Грандъ-Отелѣ начинается концертъ, — замѣтилъ чиновникъ: — Вы пойдете его послушать, не правда-ли?

— Я не знаю, — отвѣчала Гертруда, бросая вопрошающій взглядъ на своего супруга, отдававшего кельнеру какія-то приказанія.

Густавъ отрицательно покачалъ головою, а взглядъ, устремленный молодою женщиною на толстяка, явно выражалъ: «Вы видите, что это ему не угодно».

— Ваша супруга изъявила желаніе послушать музыку, — обратился чиновникъ къ Густаву, думая угодить этимъ своей старой знакомой.

— Тамъ будетъ хоръ тирольскихъ пѣвцовъ, — прибавила молодая женщина.

— А запахомъ табаку, вина, пива и котлетъ мы будемъ пользоваться бесплатно. Неужели тебѣ такъ нравится эта удушливая атмосфера, Герта. Не въ тысячу-ли разъ пріятнѣе будетъ намъ провести остатокъ вечера на балконѣ, съ котораго открывается такой прелестный видъ на озеро? Впрочемъ, оттуда слышна и музыка, что еще увеличить наше наслажденіе.

— Вотъ видите-ли! — воскликнула Гертруда: — Онъ дѣлаетъ это изъ экономіи: ему жаль истратить нѣсколько гульденовъ!

Густавъ обнялъ свою жену и шепнулъ ей на ухо:

— Я дорожу только тѣми минутами, которыя провожу съ тобою наединѣ, мое сокровище!

Затѣмъ супруги простились съ своимъ старымъ знакомымъ и удалились въ свои комнаты.

Полчаса спустя, Гертруда стояла на балконѣ, любуясь великолѣпнымъ, освѣщеннымъ луною ландшафтомъ, въ то время, какъ мужъ ея убиралъ разбросанныя ею платья и вещи.

— Брось ты все это, Густавъ, и приди сюда взглянуть на эту чудную картину!

Онъ подошелъ къ ней, раздвинулъ рукою ея локончикъ и вѣжно поцѣловалъ ее въ лобъ.

— Въ третій разъ эта волшебная картина растилается передъ моими глазами,—сказала молодая женщина: — Въ первый разъ я любовалась ею, какъ ребенокъ, никогда не видѣвшій ничего подобнаго; возлѣ меня стоялъ мой второй отецъ,—твой дядя, Густавъ;—во второй разъ, когда я уже овдовѣла,—а въ третій сегодня, самой счастливою женою въ мѣрѣ!—воскликнула она, обнимая и цѣлуя своего мужа... Любишь-ли ты меня такъ же горячо, какъ я тебя, дорогой мой Густавъ?

— Этого я и самъ не знаю. Развѣ возможно опредѣлить мѣру любви? Я сознаю, что я безконечно счастливъ! Ты для меня все, Герта: и настоящее, и прошедшее, и будущее. Безъ тебя для меня не существуетъ ни времени, ни пространства, ни вѣчности. Я дышу только тобою! Я весь твой!

— Послушай, милый! Это именно такого рода счастье, о которомъ я мечтала, и теперь, когда оно осуществилось оно пугаетъ меня. Я боюсь, чтобы оно не исчезло какъ сонъ.

— Не бойся, моя русалочка, это счастье такъ же чисто и неисчерпаемо, какъ моя любовь къ тебѣ.

— Но настанетъ время, когда лицо мое покроется морщинами, волосы мои посѣдѣютъ...

— И тогда твое морщинистое личико и сѣдые волосы будутъ мнѣ такъ же дороги, какъ эти каштановые локоны и эти розовыя щечки.

— Ахъ, ты мой милый, добрый, несравненный! Скажи мнѣ откровенно, почему ты у меня никогда не спрашиваешь, люблю-ли я тебя?

— Потому-что я увѣренъ въ твоей любви ко мнѣ, какъ въ моемъ собственномъ существованіи: безъ нея я не могъ бы жить! Я не повѣрилъ бы тебѣ, если бы ты мнѣ объявила, что ты меня не любишь.

Гертруда прижалась къ груди своего мужа: она слыша-

ла" усиленное бiеніе его добраго, преданнаго ей сердца и мысленно благодарила судьбу за осуществленіе своей мечты.

Передъ ними, какъ въ панорамахъ, мелькали и комическіе, и сердечные эпизоды ихъ жизни: они припоминали трогательное пробужденіе любви въ сердцахъ ихъ и при этомъ сообщали другъ другу различныя подробности, возбуждавшія ихъ смѣхъ или наполнявшія глаза ихъ слезами.

— А помнишь-ли, милый? — А помнишь-ли, дорогая? — непрерывно повторяли они, и рассказы ихъ продлились далеко за полночь.

Между тѣмъ, Мерманъ возвратился съ своею женою въ Амстердамъ и, сидя въ своихъ мраморныхъ палатахъ, обдумывалъ непростительную глупость своей племянницы, — такъ онъ называлъ ея второй бракъ. Онъ не хотѣлъ вѣрить ни ушамъ, ни глазамъ своимъ, когда Гертруда, пріѣхавъ въ Берлинъ, представила ему Густава Аланда, какъ своего жениха. Тетя Кетте нисколько не удивилась: она это уже давно предвидѣла. Жизнь ея текла по прежнему, съ тою только разницею, что она не носила сѣраго дорожнаго плаща и не объяснялась на нѣмецкомъ діалектѣ.

— Любовь не можетъ быть единственною побудительною причиною необдуманнаго поступка Герты. — замѣтилъ однажды Мерманъ, въ присутствіи своей жены: — Кто изъ насъ не бывалъ влюбленъ въ молодости...

— Пустяки! — прервала его фрау Кетте и взглянула на него такъ выразительно, что мысль его и до сихъ поръ осталась невысказанною.

КОНЕЦЪ.

PG3460

.F52

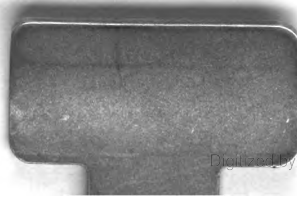
P3

1885

A000001899788

20. III

A000001899788